

ХЛЕБНИКОВ

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ
И КАЛМЫКИЯ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
КАЛМЫЦКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ
И КАЛМЫКИЯ

Элиста
2013

УДК 82.09
ББК 83.3 (2Рос=Калм)
В 27

Печатается по решению Ученого Совета
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Калмыцкого института гуманитарных исследований
Российской академии наук

Научное издание

Редакционная коллегия:
Очирова Н. Г. (отв. редактор),
Бакаева Э. П., Кичикова Б. А.

Велимир Хлебников и Калмыкия. Сборник научных статей.
В 27 – Элиста: КИГИ РАН, 2013. – 302 с.

Данное издание содержит статьи российских и зарубежных исследователей о творчестве Велимира Хлебникова, 130-летие которого будет отмечаться в 2015 году. Книга открывается статьей народного поэта Калмыкии Давида Кугультинова (1922–2006), благодаря которому стали достоянием общественности уникальные материалы о жизни семьи Хлебниковых в Калмыкии. Впервые издаются в полном объеме воспоминания матери поэта Е. Н. Хлебниковой.

Кроме того, в сборнике опубликованы произведения поэта, связанные с его детством и миром Востока, – как писал сам В. Хлебников, он родился «в стане монгольских, исповедующих Будду, кочевников». Из них две поэмы – «*Зангези*» и «*Мирскóнца*» – проиллюстрированы графикой художника Степана Ботиева, который является автором первого в мире памятника В. Хлебникову, установленного на его родине в Малодербетовском районе Республики Калмыкия.

Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся литературой, историей и культурой российских народов.

ISBN 978-5-903833-67-2

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Кугультинов Д. Н. Осиянное слово	5
Парнис А. Е. Из истории хлебниковедения: неизданные воспоминания Е. Н. Хлебниковой о сыне	9
Хлебникова Е. Н. Из воспоминаний о сыне	75

Из литературного наследия Велимира Хлебникова

Автобиографическая заметка	108
«Меня окружали степь...»	109
Свояси	110
Нужно ли начинать рассказ с детства?	113
Есир (Отрывок из повести)	116

О жизни и творчестве В. Хлебникова

Очирова Н. Г. «Принадлежу к месту встречи Волги и Каспия моря...»	122
Парнис А. Е. «...монгольский мальчик, задумавший- ся о судьбах своего народа» (Калмыцкая тема в твор- честве Хлебникова)	127
Фещенко В. В. Велимир Хлебников как представи- тель «кентаврической литературы»?	141
Пальчиков В. И. Велимир Хлебников и палиндромиче- ская поэзия в России	150
Басангова Т. Г., Бурыкин А. А. Шаманство русских футуристов (аспекты иноэтнической духовной культу- ры у В. Хлебникова и его последователей)	161
Ханинова Р. М. Четки дня на нити времен: о семантике четок в творчестве Велимира Хлебникова	175
Санджиев Н. Д. Велимир Хлебников: «мир как сти- хотворение»	184
Мицунори Сагаэ. Стихотворение Константина Баль- монта «Дождь» в аспекте теории «зауми» Велимира Хлебникова	191

Батыров В. В. «Стяжал благодарность калмыков» (об исследованиях В. А. Хлебникова по этнографии калмыков)	198
Омакаева Э. У. Язык Велимира Хлебникова сквозь призму концептов и ключевых слов	207
Куканова В. В. Две поэмы В. Хлебникова: опыт линг- вистического анализа рифмы	214
 Творчество В. Хлебникова в графике Степана Ботиева	
Зангези	229
Мирскóнца.	291

Кузультин Д. Н.

ОСИЯННОЕ СЛОВО*

В Москве лет двадцать тому назад мне позвонил поэт Борис Слуцкий и сказал: «Мы, комиссия по литературному наследию Велимира Хлебникова, разбирая архив поэта в доме его племянника – художника Мая Митурича, наткнулись вдруг на две папки с надписями – «Калмыки». Они никакого отношения не имеют к творчеству поэта, но имеют прямое отношение к Калмыкии. Может быть, приедешь и посмотришь?»

Папки оказались из архива отца поэта – попечителя калмыцкого улуса, орнитолога, ученого. Владимир Алексеевич Хлебников был человеком высокой культуры, просветителем, сделавшим очень много для калмыцкого народа. Он разрабатывал программу развития сельского хозяйства Калмыкии, нашел способ закрепления песков травами, начал разводить сады в степи, где и деревца-то порой на многие километры не увидишь.

В двух папках, которые я затем передал в краеведческий музей республики, сохранились описания залежей подземных пресных вод в степи, различные этнографические материалы, например, описания игр калмыцких детей и многое другое из жизни калмыков, степного народа. Читая эти материалы, я видел мальчика Виктора, играющего с калмыцкими детьми, и рядом его отца, записывающего правила и все тонкости этих игр, более того, для краткости зарисовывающего наиболее выразительные моменты из тех, которые сразу так трудно зафиксировать словами на бумаге.

Велимир (Виктор) Хлебников родился 28 октября 1885 года в Ханской Ставке Малодербетовского улуса Калмыцкой степи, или, как он сам писал, – «в стане монгольских, исповедующих Будду, кочевников». Так романтически он называл калмыков.

* *Кузультин Д. Н.* Осиянное слово. // Хлебников В. Ладомир: Поэмы, стихотворения. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1984. С. 5–11.

Однажды Лев Николаевич Толстой признался, что все главные истины мира он открыл для себя до пяти лет. И я представил в свете этой мысли великого писателя, как младенец Виктор Хлебников на руках матери, открыв глаза, вдруг впервые увидел солнце, небо, звезды, ощутил безбрежность просторов калмыцкой степи. Все это в тот миг еще не имело для него названий, но уже запечатлевалось на девственных полях памяти. Это потом, со временем, каждое увиденное явление найдет себе название и войдет в оболочку слова, составив его суть. Это уже потом, через много лет, 28 июня 1922 года в далекой от калмыцкой степи новгородской деревне Санталово короткое слово «солнце» вспыхнет в его памяти ярчайшим огнем светила из детства, и он отзовется ему своим последним утверждением: «Да!»

А пока слова-явления, слова-события, слова-мироздания будут накапливаться в его сокровенной душе – живые, двигающиеся, летящие, сталкивающиеся, высекающие при столкновении боль и радость, которые составляют Поэзию и Судьбу.

Владимир Алексеевич брал с собой малолетнего Виктора в поездки по улусу, и впечатлительный его сын, затаив дыхание, смотрел на зеркальную гладь как бы застывшего озера Цаца, видел белых лебедей, царственно плывущих по тихим водам, он слышал топот полудиких табунов степных коней, которые войдут в пределы его поэтического мира «страной Лебедией» и державой «Конецарства».

И я понимаю трогательное отношение поэта к Отчизне его детства, к нашей калмыцкой степи, глубже чувствую и понимаю, откуда у него началась великая любовь к миру и людям. Истинная поэзия — всегда любовь: любовь к звезде и мотыльку, к человеку и верблюду. И образы Хлебникова невольно вызывают в моей памяти сказочную страну Бумба, страну могучих богатырей Джангара, его величественно прекрасного Аранзала. Из этого детства пришли дивные строки:

Меня окружали степь, цветы, ревучие верблюды,
Круглообразные кибитки,
Моря овец, чьи лица одинообразно-худы,
Огнем крыла пестрящие простор удоы,
Пустыни неба гордые пожитки.
Так дни текли, за ними годы.

Отец, далеких гроза сайгаков,
Стяжал благодарность калмыков...
Ручные вороны клевали
Из рук моих мясную пищу,
Их вольнолюбивее едва ли
Отроки, обреченные топоричу,
Досуг со мною коротая,
С звенящим криком: «сирота я»,
Летел лебедь, склоняя шею.
Я жил, природа, вместе с нею.

Здесь каждое слово – это образ нерасторжимого мира, в котором все нерушимо связано между собой. И слово здесь осиянно, как вместилище самой жизни.

Ученые-медики, наблюдавшие возвращение жизни после клинической смерти, установили закономерность, которая потрясла меня. Оказывается, возвращение жизни заявляет о себе активностью электрического поля в зоне речевого центра мозга, то есть восстановление речи, слова означало возвращение жизни. Клетка-нейрон излучает слово, как живая роза излучает аромат: клетка – роза, аромат – слово, и кванты мысли, подобно аромату розы, проникают в нас, волнуя душу.

Мы впервые ощущаем произрастание духовного начала из живой, физической молекулы. Уловлено, быть может, самое поразительное – рождение мысли, слова.

Может быть, это было мое субъективное восприятие, но, прочитав сообщение о результатах наблюдений врачей в реанимационных палатах, я подумал о слове поэта, и, необъяснимо почему, предо мною предстал образ Велимира Хлебникова, который сумел отразить красоту крыла кузнечика, мог внять голосу каменной бабы скифских времен и постичь тоску степняка-калмыка и пожалеть его. Вот несколько строк из его поэмы «Война в мышеловке»:

О люди! Так разрешите вас назвать!
Жгите меня,
Но так приятно целовать
Копыто у коня:

Они на нас так не похожи,
Они и строже, и умней,
И белоснежный холод кожи,
И поступь твердая камней.

Так написать о коне, так написать о копытах коня, вобравших в себя красоту и величие пространства с движением времени, мог только рожденный в степи. И это импульсы клеток самой живой Природы, всей нашей Жизни и Любви.

Гёте как-то высказал мысль: чтобы понять поэта, надо посетить его родину. В наше время, когда поэзия Велимира Хлебникова привлекает к себе внимание читателей во всем мире, естественен интерес к той точке Земли, где увидел свет сам поэт. Константин Михайлович Симонов не раз расспрашивал меня о «ставке ханской», о доме, где родился В. Хлебников, высказывал желание непременно увидеть своими глазами родину поэта. Константин Симонов был человеком обязательным. Осенью 1968 года он приехал в Элисту, и отсюда на машине мы поехали в Малые Дербеты. Он сожалел, что едем на машине, а не на лошадях. Он хотел ощутить степь хлебниковских времен и в какой-то степени постичь великую, волнующую тайну феномена Велимира Хлебникова. Мы долго сидели с ним у дома Хлебникова в бывшей ханской ставке, говорили о неподвластной времени силе поэтического слова, и, отъезжая, Симонов сказал: «Надо бы сохранить этот дом, колыбель редчайшего и своеобразнейшего поэта России».

Да, это был дом, дорогой для самого поэта, а вокруг простиралась степь, пронзившая своим великолепием его душу, и потому бесконечно ему близкая. Ему было многое дорого на этой земле. Единственным не дорогим для него был он сам. Дервиш, бродяга, путешественник, который не думал о себе, о личном благе, а думал о поэзии и человеческих судьбах. Впрочем, может быть, я ошибаюсь, и сам он был дорог себе, ведь во всем, что любил поэт, присутствовал он сам.

Парнис А. Е.

ИЗ ИСТОРИИ ХЛЕБНИКОВЕДЕНИЯ:

Неизданные воспоминания Е. Н. Хлебниковой о сыне

9 ноября 2015 года исполняется сто тридцать лет со дня рождения Велимира Хлебникова (1885–1922, далее – ВХ). В сентябре 1935 года, в «Литературной газете» была напечатана небольшая анонимная заметка «Мать поэта».¹ В ней сообщалось, что в Москве проживает мать поэта Екатерина Николаевна Хлебникова (далее – Е.Н.). Ей исполнилось 86 лет, и она живет в очень тяжелых бытовых условиях – вместе с семьей младшей дочери Веры (1890– 1941; кроме нее, еще муж и сын) живет в однокомнатной квартире в знаменитом доме ВХУТЕМАСа (на улице Кирова, д.21) на девятом этаже без лифта. Она получает небольшую пенсию за мужа, ученого-орнитолога, и мизерную пенсию за сына – всего 50 рублей. А главное – в этой заметке было сказано, что она «духовно бодрa, еще и собирается писать воспоминания о сыне, о старой Москве (?! – А.П.), о многих замечательных встречах в своей жизни»².

За два года до этой заметки, в 1933 году, младшая сестра поэта Вера сообщила в письме к А.М. Горькому о нуждах и тяжелых условиях, в которых жили родители ВХ. Но А.М. Горький равнодушно отнесся к этому письму – он не был почитателем главы будетлян, хотя поэт включил его в члены утопического общества «Председатели земного шара», созданного поэтом, – и переслал письмо в Союз писателей, который, конечно же, никак не отреагировал на просьбу Веры Хлебниковой³.

¹ Б/п. Мать поэта // Литературная газета. 1935. №51. 15 сентября.

² Там же. Здесь ошибка автора заметки: Е.Н. никогда до 1931 г., когда она с мужем переехала из Астрахани в Москву, не жила в столице.

³ См. письмо Веры Хлебниковой к А.М. Горькому в кн.: *Мамаев А.* Астрахань Велимира Хлебникова. Астрахань, 2007. С.216-219. О взаимоотношениях ВХ и А. М. Горького см.: *Парнис А.* К истории литературного дебюта Хлебникова // VITTORIO: Междунар. науч. сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. М., 2005. С. 539-546.

Еще при жизни родителей поэта имя ВХ было канонизировано – в 1928–1933 годах вышло его пятитомное собрание произведений.⁴ Уже в рецензии на первый том этого издания известный литературовед Н. Берковский поставил поэта в ряд великих классиков: «Хлебников велик, место его в первом ранге, он, отвергая условности времени, одноклассник Ломоносова, Пушкина, Боратынского; поэтому неудержим соблазн для энтузиастов и комментаторов простить Хлебникову многое, даже не поняв. Ибо непонятности – не смысловые, а художественные, формальные неизгладимы, невыводимы из Хлебникова <...>».⁵

В финале рецензии Н. Берковский писал:

И еще призыв к специалистам: дайте биографию Хлебникова! Не “человеческую”, но профессиональную, историю его работ, его личной культуры. Этот зоолог, историк, лингвист, поэт в конечном счете, сейчас, когда ослабело культурное питание у поэтов, изображенный биографом, станет главой из Плутарха, моделью новаторского героизма⁶.

Через два месяца после анонимной заметки о матери поэта известный критик Д. Мирский в юбилейной статье о ВХ в той же газете также назвал его великим: «Хлебников был прежде всего великий поэт, один из величайших европейских поэтов XX века, создавший множество прекрасных произведений, которым обеспечено большое и видное место в железном фонде русской поэзии»⁷. Эти характеристики должны были стать сильным толчком для работы Е.Н. над воспоминаниями, но она не смогла заставить себя начать работать над ними – через несколько месяцев после этой анонимной заметки она умерла – 27 февраля 1936 года.

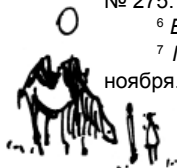
Автор заметки, очевидно, не знал, что Е.Н. еще в 20-х годах все же написала по просьбе дочери краткие воспоминания о сыне (см. подробнее об этом далее).

⁴ *Хлебников В.* Собрание произведений: В 5 тт. / Под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928-1933 (далее – СП, с указанием тома и страницы).

⁵ *Берковский Н.* Велемир Хлебников // Красная газета. Веч. вып. 1928. № 275. 5 октября.

⁶ *Берковский Н.* Указ. соч.

⁷ *Мирский Д.* Велемир Хлебников // Литературная газета. № 63. 1935. 15 ноября.

В небольшом биографическом очерке о ВХ (1928), открывавшем первый том знаменитого собрания произведений поэта, Н.Л. Степанов писал: «Биография Велимира Хлебникова – дело будущего».⁸

Сейчас это будущее наступило. Сравнительно недавно двумя изданиями вышла полная биография поэта, написанная С.В. Старкиной⁹. Это – фактически первая капитальная биография одного из самых трудных и «загадочных» поэтов Серебряного века, главы русских футуристов-будетлян. После ее выхода стало намного легче понимать герметическую поэзию ВХ, теперь можно по-другому взглянуть на его тексты и заново прочитать их, появилась возможность узнать его близкое окружение, удалось расшифровать и понять некоторые его «странные» поступки и «чуждачества», а главное – найти «верный угол» или подступы (термин Р.О. Якобсона¹⁰) к феномену поэта. Кроме того, стало возможным сопоставить реальные факты его биографии с мифопоэтической биографией, которую прежде всего создавал сам глава будетлян, а также некоторые мемуаристы. Биография ВХ, написанная Старкиной, позволяет не только найти ключи к прочтению «темных» текстов поэта, но и позволяет проникнуть во внутренний мир и миропонимание этого «очарованного странника» русской поэзии.

Младший соратник главы будетлян поэт Сергей Спасский привел в своем дневнике (запись от 2 апреля 1941 года) примечательные слова Анны Ахматовой о том, что ключи к «непонятым» текстам Хлебникова можно найти через изучение его биографии: «Я читала поэмы Хлебникова, Они ведь в общем понятны... Разве моя поэма («Поэма без героя» – А.П.) не понятней хлебниковских? И обиднее всего, если знать биографию Хлебникова, то у него все понятно. Я сказал, что для стихов это минус, если они понятны только через биографию. – Да, непонятные вещи должны быть непонятны и при знакомстве с биографией».¹¹

⁸ СП. Т.1. С.7.

⁹ Старкина С. Велимир Хлебников: Король времени. СПб., 2005; Старкина С. Велимир Хлебников. М., 2007.

¹⁰ Якобсон Р.О. Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову // Мир Велимира Хлебникова. Статьи. Исследования 1911-1998 / Сост. Вяч. Вс. Иванов, З.С. Паперный, А.Е. Парнис. М., 2000. С.20-77.

¹¹ Из дневниковых записей С.Д. Спасского (1933-1941) / Публ. и подгот. текста М.А. Рашковской // Пастернаковский сборник. М., 2011. С. 434.

Однако, несмотря на несомненные удачи и плюсы этой биографии ВХ, в ней есть целый ряд ошибок и неточностей, а также имеются немотивированные «белые пятна», которые были вызваны, надо думать, разного рода причинами и в которых давно пора разобраться и объективно их описать, но это тема отдельного исследования.

Автор этих строк много лет работает над составлением книги воспоминаний о ВХ, работа над которой началась в середине 1960-х годах, когда были еще живы некоторые соратники поэта, его друзья и знакомые. Однако по разным причинам работа над книгой, которая должна была стать основой для творческой биографии поэта, была «заморожена», и сейчас я надеюсь закончить этот труд.

Большую роль в воспитании ВХ, будущего поэта и мыслителя, в формировании его характера, духовного становления, в проявлении разносторонних интересов, в частности, к природоведению, как тогда говорили, а также к гуманитарным наукам сыграли его родители – Владимир Алексеевич Хлебников (1857 – 1934; далее – В.А.) и Екатерина Николаевна Хлебникова (1849 – 1936; урожденная – Вербицкая). Отец поэта очень хотел, чтобы ВХ пошел по его пути и стал ученым-естественником, но он избрал другой путь. Это и послужило в дальнейшем главной причиной осложнения отношений между ними, хотя в ранний период поэта они были очень близки, и отец в его жизни занимал большое место. Отец и мать поэта по-разному относились к литературной деятельности сына.

Судьба большой семьи Хлебниковых, в которой было пятеро детей, сложилась трагически – родители пережили четверых своих детей (см. подробнее об этом далее) и в конце жизни, в 1931 г., были вынуждены переехать из Астрахани в Москву к младшей дочери Вере, вышедшей в 1924 г. замуж за известного художника П.В. Митурича, и поселиться вместе с ее семьей в одной комнате.

Через много лет Митурич, душеприказчик ВХ, писал в своих мемуарах:

Им (родителям поэта – А.П.) было больно вспоминать о Велимире, и они лишь вскользь, устанавливая время какого-нибудь события, упоминали о нем. Е.Н., конечно, прочла собрание сочинений Велимира, а В.А. – сомневаюсь,

а если и прочел, то, наверное, многого не понял. Он, как ученый-естествоиспытатель, пользовался рациональной речью, а поэтические образы с их сложным лаконизмом ему были трудны. Что же касается велимировского учения и его философии, он считал это печальным заблуждением. Е.Н., наоборот, считала сочинения своего сына близкими своему мировоззрению на мир и считала, что он выразил словами то, что жило в ней, в душе, подсознательно. <...> Для В.А. высший авторитет – научный авторитет – Дарвин. Для Е.Н. – художественный – Рафаэль, Леонардо да Винчи, Бетховен¹².

Художник Митурич помогал молодому ученому Степанову, первому биографу ВХ, в работе над его биографией, предоставляя различные документы и материалы, в том числе и неизданные мемуары матери поэта. Он писал исследователю 20 января 1928 г.:

Даже в кратком биографическом очерке важно упомянуть, что во многом сво<им> исключительн<ым> по широте даровани<ем> Велимир обязан родителям, выдающимся людям по своим способностям и образованию.

Екатерина Николаевна Хлебникова, урожденная Вербицкая, двоюродная сестра революционера Александра Дмитриевича Михайлова, близка была кругу политически передовых современников (Вера Фигнер, Перовская, Желябов и друг<ие>). Получила Е.Н. высшее образование и обещала быть видным историком, что и сказалось в сыне; частые беседы по истории, а надо сказать, Е.Н. обладает редкой памятью и эрудицией, ввела Витю в очень сложный мир прошлого, с верной оценкой фактов, их связью во времени. Любимым развлечением было освежать в памяти события и дополнять их новыми подробностями. <...>

Владимир Алексеевич Хлебников – скромнейший человек! Известный ученый-естественник, орнитолог, открывал Вите тайны естествознания, к чему В.В. проявлял большой интерес и глубокое понимание. Кроме того, В.А. – большой любитель литературы и искусства (беседуя со мной, он как-

¹² Митурич П. Записки сурового реалиста эпохи авангарда. Дневники. Письма. Воспоминания. Статьи. М., 1997. С.86.

М.П. Левитова (урожденная
– Вербицкая), бабушка поэта.
Фотография.
Санкт-Петербург. 1880–1890-е гг.
Собрание А.Е. Парниса (Москва).

Е.Н. Хлебникова.
Фотография. Курск.
Начало 1890-х гг.
Собрание А.Е. Парниса
(Москва).
Печатается впервые.

Е.Н. Хлебникова и Виктор.
Фотография. Курск.
Начало 1890-х гг.
Собрание А.Е. Парниса
(Москва).

то сказал, что не знает, что больше формировало его душу и мировоззрение – искусство или наука?). Свои способности художника он передал сыновьям и дочери, живописцу Вере Владимировне. Мало того, что родные передали <с> кровью свои способности детям, но они постоянно стремились развить их, окружая лучшими и талантливыми молодыми учителями¹³.

О детстве, юности и учебе ВХ в Казанском университете известно главным образом из двух источников – из неизданных воспоминаний его матери Е.Н, которые состоят из двух частей и которые частично процитировал Степанов в биографических очерках о поэте, и из воспоминаний младшей сестры Веры, напечатанных в 1923 году¹⁴. Обе части воспоминаний, написанные соответственно в 1923 и 1929 годах, и мемуары его сестры легли в основу первого биографического очерка о поэте, написанного Степановым в 1928 г. и открывавшего пятитомник¹⁵, а затем – в основу второго расширенного биографического очерка, предваряющего большой однотомник избранных произведений ВХ (1936)¹⁶. В других изданиях ВХ исследователь также обращался к этим же воспоминаниям матери поэта, а кроме того, пользовался различными сведениями о его жизни, полученными изустно от сестры Веры и ее мужа¹⁷. Он лично встретился с родителями поэта только в начале 30-х годов, когда они переехали из Астрахани в Москву. Воспоминания Е.Н. о сыне никогда полностью не публиковались, прежде всего, потому что они написаны очень неразборчивым почерком (главным образом вторая часть) и трудно поддаются прочтению. Здесь впервые публикуется полный текст воспоминаний матери поэта.

Жизнь любого человека (знаменитого или простого смертного) можно, условно говоря, уложить между двумя крайними «точками», как это делается в научных справочниках, – между датой рождения и датой смерти. Вокруг жизни и творчества

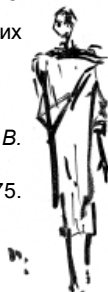
¹³ Ныне настоящее письмо Митурича к Степанову находится у автора этих строк.

¹⁴ Хлебникова В. Воспоминание // Хлебников В. Стихи. М., 1923. С.57-62.

¹⁵ СП. Т. 1. С.7-9.

¹⁶ Степанов Н.Л. В.В. Хлебников: Биографический очерк // Хлебников В. Избранные стихотворения [и поэмы]. М., 1936. С.10.

¹⁷ Степанов Н.Л. Велимир Хлебников: Жизнь и творчество. М., 1975. С. 7-11.

ВХ всегда существовало много легенд. В статье речь пойдет о поиске подлинного места рождения ВХ, о его детских годах и преимущественно о раннем периоде творчества поэта (учеба и первые литературные шаги), а вопрос, связанный с его смертью, требует отдельного исследования.

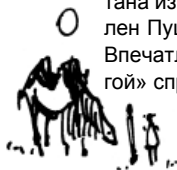
Еще в 20-х годах, то есть при жизни родителей поэта, во круг места рождения ВХ и его метафорического названия также возникала легенда. О поиске и установлении подлинного места рождения ВХ я неоднократно писал еще в 70-х годах¹⁸, но до сих пор в отдельных работах о поэте и в некоторых справочниках указываются неверные сведения о месте, где он родился¹⁹, поэтому я вынужден снова вернуться к этому вопросу. Здесь приводятся новые документы, связанные с моими разысканиями.

Сам ВХ в автобиографических очерках и анкетах ни разу не указал точного названия своего места рождения – вместо топонима он давал мифопоэтическое его название – Ханская ставка (не следует путать с одноименным названием поселения, которое находится на левой стороне Волги и некогда было столицей казахской Букеевской орды). В официальных документах и в первой биографии поэта, написанной Степановым, а также в биографических материалах, опубликованных Н.И. Харджиевым, указывалось, как ни странно, другое место его рождения – село Тундутово.

Почему же ВХ зашифровал название своего места рождения? Он именовал его то «Ханской ставкой», то «станом монгольских исповедующих Будду кочевников», то обобщен-

¹⁸ О моей поездке в Калмыкию в 1971 г., связанной с поиском подлинного места рождения ВХ см.: *Парнис А.* Родина поэта // Советская Калмыкия. 1974. №54. 19 марта; *Парнис А.* «Про коньцарство, ведь оттуда я...» // Степная новь. Малые Дербеты. 1975. №131. 1 ноября; №139, 25 ноября; перепеч.: Теегин герл. Свет в степи. Элиста. 1976. №1. С.135-151. См. также: *Парнис А.Е.* «Евразийские» контексты Хлебникова: от «калмыцкого мифа» к мифу о «единой Азии» // Евразийское пространство: звук, слово, образ. М., 2003. С.299-344.

¹⁹ См., например: Литературный Санкт-Петербург. Энциклопедический словарь: В 3 т. / Гл. ред. и сост. О.В. Богданова. СПб., 2011. Статья о Хлебникове А.И. Михайлова в этом словаре, изобилующая большим количеством ошибок, в том числе и неверным указанием места рождения поэта (Тундутово), перепечатана из справочника «Русские писатели XX века» (1998), который был подготовлен Пушкинским домом (ИРЛИ) и вышел тремя изданиями (последнее – 2005). Впечатление такое, что ни автор, ни редактор этих изданий не следят за «друзей» справочной литературой.

ным наименованием – «Астраханские степи» или «Калмыцкая степь», то «морской окраиной России, вблизи устья Волги».²⁰

Младшая сестра поэта Вера в первом письме к П.В. Митуричу от 19 июля 1922 г. сообщает (очевидно, со слов родителей): «Виктор Владимирович родился в Калмыцкой степи (где отец был попечителем калмыцкого округа) 28 октября (год рождения не знаю, верно ли обозначен в “Известиях”)». Это «мемуарное» письмо Веры Хлебниковой было впервые напечатано в 1923 г. в посмертном сборнике ВХ «Стихи».²¹ Теперь понятно, что все биографические заметки о ВХ, появившиеся в 1920-х годах, восходят к этому неточному источнику, опубликованному в указанном сборнике «Стихи».

Кроме того, мать поэта в публикуемых здесь впервые воспоминаниях также не сообщает точного места рождения сына: «Виктор Владимирович Хлебников родился в 1885 году, 28 октября, в Калмыцкой степи Астраханской губернии, в Малодербетовском улусе, где отец его был улусным попечителем».

Почему же Е.Н. и сестра поэта не дали точного названия места, где родился поэт, а указывали обобщенный топоним?

Почему вместо конкретного наименования населенного пункта, где проживала семья Хлебниковых, они приводят условное название «Калмыцкая степь»? Примечательно, что В.А. также не сообщал, где именно родился будущий поэт.

Летом 1922 г. поэт и переводчик Д.С. Усов (1896–1943), живший тогда в Астрахани, посетил родителей главы бюджетян и расспрашивал о ВХ. Через шесть лет он написал первую краткую биографию ВХ для биобиблиографического словаря «Писатели современной эпохи» (1928). На основе этой беседы с родителями поэта в Астрахани, а также, уже в Москве, в начале 1928 г., получив дополнительные материалы от Митурича, он написал его первую биографию для словаря, но тогда Усов не смог ее опубликовать – второй том этого издания был конфискован (из-за статьи о Л.Д. Троцком) и вышел только через много лет – в 1995 году.

²⁰ Хлебников В. Творения / Общ. ред. и вступ. ст. М.Я. Полякова; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М., 1986. С.641 (далее – Хлебников В. Творения).

²¹ Хлебникова Вера. Воспоминание. // Хлебников В. Стихи. М., 1923. С.58

В письме к Е.Я. Архиппову от 15 января 1928 г. Усов вспоминал: «Я много думаю о † Викторе Хлебникове эти дни. В Астрахани я знал его отца, согбенного, высокого орнитолога, “вещего старика”. Помню, что навестил его, чтобы расспросить о Велимире, в конце июня 1922 г., т.е. как раз в те дни, когда тот уже умирал или умер... Отец мало мог рассказать мне о нем – в семье это было тяжелое место, полное неоправдавшихся надежд, смущения и стыда. Показывал мне его превосходный портрет в гимназическом мундире – прелестное, мягкое, округленное, сероглазое лицо».²²

В подготовленной для словаря статье о ВХ (1928) Усов также не назвал подлинного места рождения главы будетлян: «<...> поэт род<ился> 9 нояб<ря> 1885 г. в калмыцкой степи в селе Малодербетовского улуса Астраханской губ<ернии> в семье попечителя калмыцкого округа»²³.

Вероятно, он получил обобщенные сведения о месте рождения поэта от родителей поэта или его сестры. В антологии русской поэзии Ежова и Шамурина (1925)²⁴ и в справочнике по русской литературе Е.Ф.Никитиной (1926)²⁵ в биографических справках о ВХ речь идет также о Калмыцкой степи как месте рождения поэта. Чем же вызваны эти странные «умолчания»?

Не дают ответа на все эти вопросы и официальные бумаги и тексты ВХ.

В автобиографическом очерке «Нужно ли начинать рассказ с детства?...» ВХ неожиданным образом связывал свою судьбу с судьбой калмыцкого народа: «<...> и я подумал: но ведь это я, но в другом виде, это я – этот монгольский мальчик, задумавшийся о судьбах своего народа»²⁶.

В фонде Хлебникова в РГАЛИ сохранилась «выписка из метрической книги за 1886 год Тундутовской Вознесенской церк-

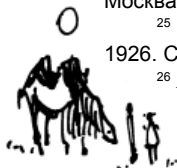
²² Усов Д. «Мы сведены почти на нет...» / Сост., вступ. ст. и подгот. текста Т.Ф. Нешумовой. Т.2. М., 2011. С.484.

²³ Биобиблиографический словарь писателей современной эпохи / Подгот. к изданию Н.А. Богомолова. М., 1995. Т.2. С.207.

²⁴ Ежов И.С. и Шамурин Е.И. Русская поэзия XX века. М.: Изд-во «Новая Москва», 1925. С.588.

²⁵ Никитина Е.Ф. Русская литература от символизма до наших дней. М., 1926. С.416.

²⁶ Хлебников В. Творения. С.542.

ви Черноярского уезда Астраханской Епархии <за> №26 о рождении Виктора Владимірова Хлѣбникова», датированная 3 июля 1891 года²⁷. Вероятно, В.А. получил эту выписку накануне своего отъезда вместе с семьей из Калмыцкой степи на новое место службы в Волынскую губернию – конечная дата его пребывания на должности улусного попечителя, согласно послужному списку, – 8 июля этого года. Приведу текст из этой метрической выписки:

<...> за 1886 год в 1 части о родившихся в ст. под №66 записано: 1885 года 28 октября рожден, 1886 года августа 1 крещен Виктор;

<родители:> Кандидат Естественных наук Владимір Алексѣев Хлѣбников и законная жена его Екатерина Николаева; оба православные;

<восприемники:> Потомственного почетного гражданина <сын> Борис Лаврентьев Хлѣбников и дочь действительного статского советника Екатерина Петрова Левитова; таинство крещения <совершили:> священник Георгий Лебедев с диаконом Николаем Царицынским и псаломщиком Петром Кряжимским²⁸.

На выписке внизу проставлена печать Тундутовской Вознесенской церкви, заверяющая эти подписи.

В деле студента Казанского университета В.В. Хлебникова²⁹, а также во втором его деле, когда он уже был студентом Санкт-Петербургского университета³⁰, находятся две копии метрического свидетельства, переписанные с подлинника рукой поэта. В них, как и в метрической выписке, отмечено, что его крестили в Тундутовской Вознесенской церкви, но где он родился, специально не оговорено. К сожалению, метрические книги Тундутовской Вознесенской церкви не сохранились.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 527. Оп.1. Ед.хр. 153. Л.1-1об.

²⁸ Там же. *Хлебников* Борис Лаврентьевич (1877–1937) – врач, племянник В.А. Хлебникова, крестный отец будущего поэта. Он бывал у Хлебниковых в Калмыкии и в Подлужном. *Левитова* Екатерина Петровна – двоюродная бабушка ВХ, родная сестра его бабушки М.П. Левитовой, крестная мать будущего поэта

²⁹ Национальный архив Республики Татарстан. Ф.977. Оп. «Совет». Д. 34818.

³⁰ ЛГИА. Ф.14. Оп. 3. Ед.хр.53212. Л.9.

ВЫПИСКА

из метрической книги за тысяча восемьсотъ *восемь-*
десятъ шесть (1886-й) году,
Тундудовской прп. Покровской Вознесенской церкви
Апостола Сераф. о рождении Виктора Владими-
ровича Хлебникова.

№ 26.

Выписка из метрической книги Тундудовской Вознесенской церкви о крещении Виктора Хлебникова 1 августа 1886 года. Обложка и разворот. РГАЛИ. Публикуется впервые.

Теперь становится очевидным, что сведения о Тундутове как о месте рождения восходят к метрическим свидетельствам, полученным от родителей поэта. Сам же ВХ неоднократно почему-то утверждал, что он родился в Ханской ставке.

Откуда же эти разночтения и «умолчания»? И где же на самом деле родился поэт – в Ханской ставке или в Тундутове? И что означает термин «улусная ставка»?

Я несколько раз подробно описывал свою поездку в Калмыкию, и здесь снова возвращаюсь к этому вопросу и попытаюсь поставить точку над «і».

Странные «умолчания» родителей поэта и его сестры мотивированы прежде всего тем, что в конце XIX века около Тундутова не было поселка (или села) с названием «Малые Дербеты». Вернее, в разговорной речи бытовало название «Малые Дербеты» или «Малодербеты», но официального географического топонима с таким названием не было. Так под своей статьей «О состоянии табаководства северной части Малодербетовского улуса Астраханской губернии» В.А. Хлебников указал место, где была написана статья: «18 января 1890 года. Малодербеты»³¹.

Здесь находилась зимняя ставка Малодербетовского улуса, но этот небольшой населенный пункт не имел географического названия. Вокруг дома попечителя улуса было всего несколько построек. Приведу определение административного термина «улусная ставка»: «Ставкою улуса называют местное улусное управление, здесь находится улусный зарго-суд, попечитель и правитель улуса, канцелярия, улусная школа, команда казаков и другие служащие лица. Главный хурул (кюрэ) с духовенством кочует всегда поблизости улусной ставки, а равно и базар, т.е. торгующие разными товарами»³².

Впоследствии, в начале XX века, из улусной ставки выросло село Малые Дербеты. Это подтверждают старые карты Астраханской губернии и справочник «Памятная книжка Астраханской губернии на 1886 год. Астрахань. 1886», где указан адрес В.А. Хлебникова: «Ставка Малодербетовского улуса».³³

³¹ Хлебников В. О состоянии табаководства в северной части Малодербетовского улуса Астраханской губернии // Сборник трудов Петровского Общества исследователей Астраханского края. Астрахань. 1892. С. 4 (отд. пагинация).

³² Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. I. Астрахань. 1869. С.26-27.

³³ См. также «Памятные книжки Астраханской губернии...» за 1897–1891 гг.

ВХ, отвечая на вопросы анкеты профессора С.А. Венгерова (1914), писал: «отец <...> имел друзей-путешественников». Среди друзей и знакомых В.А. путешественниками были, например, А.М. Никольский (1858–1942), известный зоолог, популяризатор науки, академик и известный этнограф И.А. Житецкий (1851–1913), автор трудов о калмыках. За участие в революционных событиях ученый был сослан в Астраханскую губернию, где в 1883–1886 годах ученый занимался изучением жизни и быта астраханских калмыков. Летние месяцы в 1885 и 1886 годах он находился в Калмыцкой степи, где собирал этнографические и хозяйственно-экономические материалы и сведения о калмыках. За несколько месяцев до рождения ВХ, летом 1885 г., он побывал в гостях у попечителя Малодербетовского улуса. Через некоторое время после этой поездки он издал свои работы по этнографии калмыков, в них он благодарил отца поэта за консультации и действенную помощь в собирании материалов³⁴. В архиве ВХ (РГАЛИ.Ф.527) сохранилось несколько писем ученого к отцу поэта.

Важно подчеркнуть, что И.А. Житецкий в одной из своих работ прямо указывает, что ставка Малодербетовского улуса с улусным управлением, с попечителем и двумя его помощниками находилась вблизи села Тундутово³⁵.

Примечательно, что книги и научные сборники с трудами ученого находились в домашней библиотеке В.А., поэт изучал их и под воздействием этих работ, а также работ других исследователей написал несколько своих «калмыцких» текстов, но это тема отдельного исследования.³⁶

Сохранился еще один уникальный документ, в котором описан дом попечителя и сам попечитель в первый год его пребывания на новой службе – в июне 1886 года. В воспоминаниях известного монголоведа-лингвиста К.Ф.Голстунского (1831–1899) подробно описано, где именно находился дом и усадьба попе-

³⁴ Житецкий И. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки) // Сборник трудов членов Петровского Общества исследователей Астраханского края. Астрахань. 1892. С.105-106, 111.

³⁵ Там же. С.105-106.

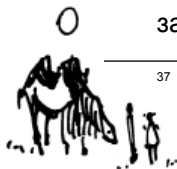
³⁶ В связи с этим см.: Парнис А.Е. «Евразийские» контексты Хлебникова: от «калмыцкого мифа» к мифу о «единой Азии» // Евразийское пространство: звук, слово, образ. М., 2003. С. 299-344.

чителя (на них обратил мое внимание Д. Татнинов, которому я выражаю сердечную признательность). Приведу фрагмент из его «Очерка поездки в Калмыцкую степь, совершенной в лето 1886 года»:

Выбрав тарантас, но этот уже по возможности более удобный для спанья, мы в часу четвертом ночи благополучно добрались до Малодербетовского улусного управления, или, как называют калмыки, ставки, сохраняя это имя, может быть еще от того, уже давно отжившего свой век, времени, когда при управлениях кочевали ставки их ханов. Я думал, что это место служит местопребыванием, воображение рисовало мне ряд высоких шатров, со всевозможными украшениями, чуть не конскими хвостами на высоких шестах и тому подобными прелестями. Каково же было мое удивление и разочарование в то же время, когда вместо воображаемого роскошного становища увидел я небольшую группу деревянных домов. Здания в ставке расположены следующим образом: в восточной части этого четырехугольника находятся ворота; к праву от них одноэтажный дом-квартира попечителя. Дом этот довольно уютный особняк из 6-7 больших светлых комнат. Теперешнему попечителю г<осподину> Хлебникову, человеку семейному, даже слишком просторно в этом доме. Впрочем, в свободное от занятий время, все служащие собираются у попечителя, так что чистые комнаты служат как бы <salle de repos>³⁷ для всех обитателей ставки. Перед домом разбит маленький садик. Влево от ворот находится большой двухэтажный дом, в котором помещается школа учеников; в этом доме имеется квартира учительницы и фельдшерицы. В летнее время, когда ученики школы распущены, в ней живут обыкновенно переводчики улусного управления, так как зимнее их помещение очень тесное; к дому попечителя примыкает другое одноэтажное здание, в котором помещаются квартиры помощника попечителя и начальника местной казачьей команды. Остальные здания – канцелярия управления, казарма казаков и помещения низших служащих – находятся в

³⁷ <Salle de repos> (франц.) – комната отдыха.

задней западной части четырехугольника. Архитектура всех зданий носит однообразный, казарменный характер, исключением является только здание школы; оно построено вроде дачи с крытой галереей в верхнем этаже. Здесь мы должны были повидаться с попечителем, дабы представить ему виды и позаботиться о способах дальнейшего передвижения. Ввиду усталости семейства г-осподина Кутузова, а также любезности попечителя г-осподина Хлебникова нам пришлось здесь остаться <на> целый день и даже переночевать. Из ставки до места нашего будущего становища в долине степной речонки Амста Бургуста нам надлежало ехать на юго-запад³⁸.

Это подробное описание дома попечителя, в котором родился ВХ, – ценнейший документ для биографии поэта. И все же почему ВХ называл свое родовое «гнездо» «Ханской ставкой»? При его глубоком знании истории и географии он вряд ли мог ошибиться.

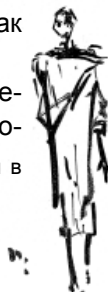
Здесь возможны, по меньшей мере, три варианта происхождения метафорического названия места своего рождения. Первый вариант – ВХ назвал так, вероятно, по ассоциации с Калмыцким ханством, ликвидированном еще в 1771 году; в 1800 г. был назначен наместником Чучей Тундутов, умерший в 1803 году; а также по ассоциативной связи с наименованием соседнего села, носящем его имя – Тундутово.

Второй вариант связан с игрой слов. Отвечая на третий вопрос анкеты профессора С.А. Венгерова (1914) о месте рождения, ВХ написал: «Степь Астрах<анская>. Ханская ставка»³⁹. Вероятно, он выделил прилагательное из словосочетания «**Астра/ханская** степь» и расчленил его на два слова. И второе слово могло послужить толчком для создания метафоры «Ханская ставка» (по аналогии с «улушной ставкой»). Не исключено, что эта метафора могла возникнуть из простого сокращения, как часть слова «Астра<ханская>».

Третий вариант – в 1913 г. футуристы в листовке «Пощечина общественному вкусу» называли его «великим гением со-

³⁸ Голстунский К.Ф. Очерк поездки в Калмыцкую степь, совершенной в лето 1886 года / Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Ед.хр. 5. Л. 2-3.

³⁹ СС. Т. VI. Кн. 2. С. 240.

Дом попечителя с приусадебными строениями (предпоследний справа).
Ставка Малодербетовского улуса. Фотография.
Начало 1900-х гг. (получено от И.В. Борисенко). Печатается впервые.

Дом попечителя (фрагмент фотографии).
Ставка Малодербетовского улуса.
Начало 1900-х гг. (получено от И.В.Борисенко). Печатается впервые.

временности». По этому поводу он иронически написал в автобиографической заметке (1914): «какое звание храню и по сие время»⁴⁰.

В дневниковой записи ВХ отметил, что 24 октября 1915 г. Маяковский назвал его «королем русской поэзии»⁴¹. А через месяц с небольшим, 31 декабря 1915 г., ВХ сделал в дневнике такую запись: «Осип Брик провозгласил тост за короля времени В. Хлебникова»⁴².

Глава будетлян, названный друзьями и соратниками «королем поэтов» и «королем времени», не мог родиться в обыкновенной улусной ставке – конечно же, он мог и должен был родиться только в Ханской ставке.

Теперь все точки над «і» поставлены и становится понятно, что ВХ родился именно в улусной ставке, которую он метафорически стал называть Ханской ставкой. Мне это стало ясно много позже, когда я стал изучать историю калмыков-кочевников, и когда я сопоставил легенды с реальными фактами. Для ВХ было принципиально важно, что он родился, как он писал, «в стане монгольских исповедующих Будду кочевников – имя “Ханская ставка”, в степи – высохшем дне исчезающего Каспийского моря (море 40 имен)»⁴³. Он подчеркивал, что он родился именно среди калмыков, поэтому он и называл себя «сыном Азии».⁴⁴ А тогда, в начале 70-х годов, я еще многого не знал и не понимал, как следует развязать этот сложный «калмыцкий» узел.

Здесь необходимо вспомнить знаменитые слова Иоганна Вольфганг Гете: «Чтобы лучше понять поэта, следует побывать на его родине».

Сорок четыре года назад, чтобы ответить на указанные выше и другие вопросы, я летом 1971 г., впервые поехал на малую родину ВХ – в Калмыкию, и побывал в бывшем Малодербетовском улусе, где прошло детство поэта, – в селах Тундутово (тогда – Городовиково) и в Малых Дербетах⁴⁵.

Я провел в обоих селах целый день, никто в них не слышал о попечителе Хлебникове. Мне активно помогал сотрудник сель-

⁴⁰ Там же. С.244.

⁴¹ Там же. С.228.

⁴² Там же. С.230.

⁴³ Там же. С.243.

⁴⁴ Там же. С.311.

⁴⁵ См. примеч. №18.

совета П.М. Цибанев, который возил меня на своем мотоцикле по разросшемуся селу, а старожилка Б. Матышева показала мне дом последнего попечителя, в котором она бывала в детстве. Затем я много месяцев изучал в библиотеках и архивах материалы и документы, связанные с местом рождения поэта, с его малой родиной.

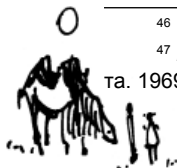
После поездки в Калмыкию в 1971 г., а также после изучения различных документов по истории калмыков и сопоставления с ней фактов из биографии поэта, я пришел к следующему выводу – ВХ родился не в Тундутове, как считалось до сих пор, а в главной или зимней ставке Малодербетовского улуса, ныне – село Малые Дербеты. Мне также удалось разыскать и определить дом попечителя, в котором родился будущий поэт и который простоял более ста пятидесяти лет. Этот дом, к большому сожалению, сгорел при странных обстоятельствах в середине 80-х годов XX века.

Однако известны и другие версии поиска дома попечителя. До меня на родине поэта побывали: писатель К.И. Ерымовский – в 1967 г., Д.Н. Кугультинов и К. М. Симонов – 1968 г., а уже после меня, в 1973 г., журналист А. Колосков, один из авторов скандально известной антисемитской статьи о Маяковском в «Огоньке» (1968).⁴⁶ Все они утверждали, кроме Кугультинова (см. об этом далее), что ВХ родился в Тундутове (несомненно, они исходили из сведений официальной биографии поэта, которые кочевали из одного издания в другое), а путаница с названием места рождения поэта, не вызвала у них никаких сомнений.

Ерымовский в очерке «Певец Лебедии» утверждал, что улусная ставка в XIX веке находилась в Тундутове, и что здесь родился и провел детство будущий поэт. Он писал: «Так продолжалось до того дня, когда Житецкий приехал в ставку Мало-Дербетовского улуса – селение Тундутово»⁴⁷. И далее утверждал: «В Тундутове 28 октября 1885 года родился и провел детство сын Владимира Алексеевича Виктор...». Автора очерка не смущало то, что эти сведения противоречат утверждению самого ВХ о том, что он родился в Ханской ставке. Этот очерк

⁴⁶ Воронцов В., Колосков А. Любовь поэта // Огонек. 1968. №16. С. 9-13.

⁴⁷ Ерымовский К. Певец Лебедии // Ерымовский К. Легенда о лотосе. Элиста. 1969.

Ерымовского перепечатывался несколько раз без изменений, последний раз в его книге «Между Волгой и Манычем» (1984)⁴⁸. Колосков в своей статье, изобилующей большим количеством грубейших ошибок (она дважды со всеми ошибками печаталась в газетах – в Малых Дербетах и в Элисте), «с уверенностью!» сообщал, что Хлебников «провел первые детские годы в Тундугтове» и что дом родителей поэта – якобы большой двухэтажный дом с балконом, и что он находится поблизости от тогдашнего Дома культуры.⁴⁹

Между тем Давид Кугультинов продолжал утверждать, как он написал в 1984 г. в предисловии к сборнику ВХ «Ладомир», изданному к предстоящему юбилею поэта, что глава будетлян родился в Ханской ставке Малодербетовского улуса Калмыцкой степи, и приводил слова поэта: «в стане монгольских исповедующих Будду кочевников». Так романтически он называл калмыков⁵⁰. В финале этого предисловия Кугультинов рассказал о своей вместе с К.М. Симоновым поездке на родину поэта:

Осенью 1968 года он (К.Симонов – А.П.) приехал в Элисту, и отсюда на машине мы поехали в Малые Дербеты. Он сожалел, что едем на машине, а не на лошадях. Он хотел ощутить степь хлебниковских времен и в какой-то степени постичь великую, волнующую тайну феномена Велимира Хлебникова. Мы долго с ним сидели у дома Хлебникова в бывшей ханской ставке, говорили о неподвластной времени силе поэтического слова и, отъезжая, Симонов сказал: «Надо бы сохранить этот дом, колыбель редчайшего и своеобразнейшего поэта России».⁵¹

Однако через год Д. Кугультинов отказался от этой версии – он перепечатал свою статью из сборника «Ладомир» в журнале «Москва» без каких-либо изменений, но изъял из нее эпизод с поездкой вместе с Симоновым в Малые Дербеты и заменил его следующей фразой: «К великому сожалению, дом, где родился

⁴⁸ Ерымовский К. Между Волгой и Манычем. Элиста, 1984. С. 224-255.

⁴⁹ Колосков А. Рыцарь русского языка // Комсомолец Калмыкии. Элиста. 1973, 18 октября; Колосков А. О Велемире Хлебникове // Степная новь (Малые Дербеты). 1973. 7 ноября.

⁵⁰ Кугультинов Д. Осиянное слово // Хлебников В. Ладомир. Элиста, 1984. С. 5.

⁵¹ Там же. С. 10-11.

Велимир Хлебников, сохранить не удалось, он был из дерева – не из вещества слова. Но сохранилась степь».⁵²

В этот рассказ Д.Н.Кугультинова следует внести коррективы.

Когда в 1971 г. я побывал в Городовикове (бывшее – Тундутово), мне рассказали в сельсовете, что несколько лет назад в это село приезжали поэты Д.Н. Кугультинов и К.М. Симонов в поисках дома Хлебниковых. Приведу цитату из моей статьи, напечатанную в 1976 году в альманахе «Теегин герл», выходящем на двух языках – калмыцком и русском, с упоминанием об этой поездке:

Я знал, что несколько лет назад поэты Д. Кугультинов и К. Симонов побывали в Городовикове и пытались найти дом, в котором родился Хлебников. Местные жители указали им <на> какой-то дом, уверяя, что он и был попечительским и что в нем проживали Хлебниковы. Но ведь после В.А. Хлебникова, служившего здесь еще в конце XIX века, сменилось несколько улусных попечителей. Мог ли каждый новый попечитель иметь свой дом? <...> И тут неожиданно выяснилось, что калмыки в Тундутове в конце прошлого века не проживали. Да и фамилия улусного попечителя В.А. Хлебникова ничего никому не говорила.⁵³

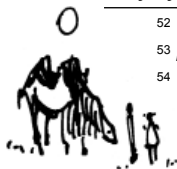
Получается, что Д.Кугультинов и К. Симонов побывали в 1968 году не в Малых Дербетах, а в Городовикове (Тундутове), и там им показали не дом попечителя, а какой-то другой дом. Скорее всего, Д.Кугультинов, вспоминая об этой поездке через шестнадцать лет после нее, в 1984 г., просто забыл, в каком селе они побывали, тем более, что оба села находятся рядом, и у него произошла абберация памяти.

Мои статьи о поездке в Городовиково и в Малые Дербеты и о поиске дома попечителя несколько раз публиковались в калмыцкой печати Калмыкии в 1974–1975 гг.⁵⁴ 19 марта 1974 г. я опубликовал в «Советской Калмыкии» статью «Родина поэта», в которой впервые рассказал, что Хлебников родился не в Тундутове, как считалось ранее, а в зимней ставке Малодербетовского улуса (ныне – село Малые Дербеты). Кроме того, в письме к

⁵² Кугультинов Д. Осиянное слово// Москва. 1985. №11. С.194.

⁵³ Парнис А. «Конецарство, ведь оттуда я...»// Теегин герл. 1976. №1. С.145.

⁵⁴ См. примеч. №18.

Д.Н. Кугультинову от 1 апреля того же года, я рассказал о своей поездке и о том, что мне удалось разыскать бывший дом попечителя, но не в Городовикове (Тундутове), а в Малых Дербетах и закончил письмо такими словами: «Если будет официальное письмо из Союза Писателей СССР, то местные власти (в Малых Дербетах – А.П.) возьмут под охрану дом, где жили Хлебниковы и установят на нем мемориальную доску»⁵⁵. Никакого официального ответа ни из Москвы и ни из Элисты я не получил. Более того, летом 1975 г. я виделся с Д. Кугультиновым в Москве и в Коктебеле, и снова говорил об этом, консультировался и расспрашивал его о быте калмыков, говорил о предстоящем юбилее ВХ и подарил ему машинописный текст большой своей статьи о главе будетлян (еще до ее публикации). Но ни тогда, ни после ее публикации в «Теегин герл» (она была напечатана через полгода после нашей последней встречи в Коктебеле) Д.Н. ничего не сказал о том, что я что-либо напутал в своей статье, а наоборот – он согласился с моей версией, по которой дом попечителя находился не в Тундутове, а в Малых Дербетах. Сам факт, что Д.Н. изъясил из статьи эпизод, описывающий его и Симонова поездку на родину ВХ, связанную с поиском дома, где родился поэт, из повторной публикации своей статьи в журнале «Москва» (1985), говорит о том, что он не совсем точно помнил все детали этой поездки и, возможно, стал сомневаться в том, что они действительно «сидели у дома Хлебникова».

Накануне юбилея Хлебникова – 90-летия со дня рождения поэта я послал в малодербетовскую газету «Степная новь» расширенную версию своей статьи о Хлебникове. В письме от 22 октября 1975 г. редактор газеты И.И. Маковкин сообщал мне: «... все факты о доме попечителя подтверждаются. Дед Ефентьева Николая Николаевича (ныне шофер Атх) служил в охране попечителя, а его бабушка работала няней у попечителя. Возможно на фотографии (что помоложе) это она. Факты уточню». Я ему послал, насколько помню, фотографию семьи Хлебниковых, снятую на фоне дома попечителя (см. ниже).

После публикации моей статьи в нескольких номерах газеты «Степная новь» о доме, где родился поэт, увы, никто из местных читателей не откликнулся.

⁵⁵ Цитирую по сохранившейся копии письма.

К сожалению, дом в бывшей улусной ставке в Малых Дербетах, в котором жили Хлебниковы в конце XIX века и который простоял более ста пятидесяти лет, неожиданным образом сгорел в середине 80-х годов. Таков тяжелый и драматический конец этой долгой «истории».

Сохранились две уникальные фотографии, запечатлевшие дом попечителя: на первой, снятой в конце XIX века, запечатлена вся семья Хлебниковых (без Веры, которая родилась позже - 20 марта 1890 г.) перед домом, на другой – дом и приусадебные строения (снимок плохого качества).

Эта семейная фотография впервые была напечатана в 1984 г. в сборнике «Ладомир» (с подлинника, хранившегося у племянника поэта М. Митурича). Она была опубликована с ошибочной расшифровкой («справа на руках (? – А.П.) у няни – сын Виктор»)⁵⁶. Ошибка составителя сборника Р.В. Дуганова была допущена, вероятно, из-за пометы сестры поэта Веры на подлиннике фотографии – она пометила на паспорту «Витя». В действительности Виктор находится не слева, а справа – на руках кормилицы – он выглядит старше (почти на два года) младшего брата Шуры, родившегося 25 августа 1887 г. и сидящего на коленях у няни. Правильная расшифровка: первый ряд, сидят: Борис, Е.Н. Хлебникова, Катя, крестная мать Виктора Е.П. Левитова, няня с Шурой на коленях; второй ряд, стоят: кормилица с Виктором на руках, В.А. Хлебников (в окне), В.Н. Вербицкая. Эту фотографию следует датировать 1887 или 1888 годом.

Вторая фотография, запечатлевшая дом попечителя с другими постройками и относящаяся к 20-м годам XX в., была любезно предоставлена мне в 2002 г. историком-краеведом И.В. Борисенко.

Я неоднократно писал о своих разысканиях в разных изданиях, в том числе и в печати Калмыкии. Авторитетные справочники и энциклопедии, а также некоторые исследователи признали этот новый факт в биографии ВХ и ввели его в научный оборот.⁵⁷ Однако не все приняли мою гипотезу и до сих пор в отдельных работах о поэте, в том числе и в Интернете,

⁵⁶ См.: «Ладомир». Элиста, 1984. С.8-9.

⁵⁷ Степанов Н. Велимир Хлебников. Жизнь и творчество. М., 1975. С.7-8; Краткая литературная энциклопедия. Т.8.М., 1975. С.293; Большая советская энциклопедия. Т.28. М., 1978. С.298.

Семья Хлебниковых у дома попечителя.

Сидят: Борис, Е.Н. Хлебникова, Екатерина, Е.П. Левитова,
няня с Шурой на коленях; стоят: кормилица с Виктором на руках,
В.А. Хлебников (в окне), В.Н. Вербицкая.

Фотография. Ставка Малодербетовского улуса. 1887–1888.
Собрание семьи Митуричей-Хлебниковых. (атрибуция моя – А.П.)

по-прежнему утверждается, что он родился в Тундутове⁵⁸. Мои оппоненты никак не могут понять, как соотносятся между собой Тундутово и Малые Дербеты, и почему Ханская ставка и улусная ставка – это не одно и то же. Чтобы окончательно поставить точку над «і», я вынужден еще раз вернуться к этому вопросу.

Например, Дуганов в нескольких своих работах, а также в монографии о главе будетлян (1990) старался не упоминать названия места рождения поэта, чтобы не высказать своего мнения по поводу моей гипотезы, а там, где все же ему крайне необходимо было привести это название, он цитировал автобиографические заметки самого поэта. Как известно, ВХ всегда метафорически описывал место своего рождения. Однако Дуганов все же один раз проговорился и повторил версию Д. Кугультинова из его предисловия к сборнику «Ладомир». В комментариях к автобиографическому очерку «Нужно ли начинать рассказ с детства?..», напечатанному в книге «Утес из будущего» (1988), составитель написал: «Хурул – ламаистский монастырь. Здесь речь идет о Ханской ставке Малодербетовского улуса Астраханской губернии (ныне с. Малые Дербеты Калмыцкой АССР), где Хлебников родился и прожил до пяти (!? – А.П.) лет».⁵⁹ Между тем в Малых Дербетах, как сказано выше, никогда не было Ханской ставки, а была улусная или зимняя ставка.

Е.Р. Арензон, один из составителей и редактор второго собрания сочинений ВХ (2000–2006), вроде бы принял мою версию о Малых Дербетах как о месте рождения поэта, но в комментариях к «венгеровской» анкете, на которую отвечал ВХ, оши-

⁵⁸ См. например сайт <http://ka2.ru/>. Составитель сайта – некий В.С. Молотилов, живущий где-то в пермских лесах, разместил на своем «поле» две старые статьи о ВХ – довоенную статью Н.Л. Степанова (1936, <http://ka2.ru/nauka/stepanov.html>), в которой местом рождения Хлебникова, по-прежнему, названо село Тундутово, и юбилейную статью Д. Кугультинова (1984, <http://ka2.ru/nauka/kugultinov.html>), в которой значится другое название места рождения Хлебникова – Ханская ставка.

⁵⁹ Дуганов Р.В. Велимир Хлебников: Природа творчества. М.: Советский писатель, 1990. С.12. Хлебниковы проживали в улусной ставке Калмыцкой степи с июля 1885 по июль 1891 г., т.е. шесть лет, а ВХ прожил в ней пять с половиной лет. См. также: Хлебников В. Утес из будущего. Проза, статьи / Сост., вступ. ст. и коммент. Р.В.Дуганова. Элиста, 1988. С.249.

бочно утверждает, что «Ханская ставка – почтовое именование (? – А.П.) зимнего поселения кочевников-калмыков северо-восточных районов Астраханской губернии»⁶⁰. Здесь, разумеется, речь идет о метафорическом названии, а не о «почтовом именовании».

Еще в первую поездку в Калмыкию в 1971 году я обращался к разным официальным лицам с предложением увековечить имя Хлебникова на родине поэта – взять под охрану дом в Малых Дербетах, в котором он родился, установить на нем мемориальную доску и издать его сборник стихов. Обращался я также и к Г.Г. Глинину, в то время директору книготорга в Элисте, и рассказал ему о том, что ВХ – «великий калмыцкий» поэт, и о том, что он родился «в стане монгольских, исповедующих Будду кочевников». Много позже, в середине 80-х годов, он стал одним из организаторов «Хлебниковских чтений» в Астраханском пединституте (впоследствии – университете) и создал школу астраханских исследователей.

Как я упоминал, две мои первых статьи были напечатаны в малодербетовской газете «Степная новь» в 1974–1975 годах, а также в республиканской газете «Советская Калмыкия» (19 марта 1974 г.) и большая работа «Конецарство, ведь оттуда я...» в «Теегин герл» (1976, №1), которая заканчивалась словами: «Пусть дом в Малых Дербетах станет памятником выдающемуся русскому поэту, видевшему себя у истоков жизни «монгольским мальчиком, задумавшимся о судьбах своего народа» и воспевшего родную Лебедию»⁶¹.

И только через тринадцать лет после того, как я разыскал дом, где родился поэт, в связи с предстоящим 100-летним юбилеем ВХ, земляки поэта стали проявлять интерес к его биографии и творчеству. Как упоминалось выше, был издан небольшой сборник его поэм и стихотворений под названием «Ладомир» (1984, со статьями Д.Н. Кугультинова и Р.В. Дуганова), а в газетах появились первые статьи о ВХ. В дни юбилея в «Советской Калмыкии» были напечатаны статьи И. Борисенко «Где дом поэта?» (непосредственный отклик на мою статью в «Тее-

⁶⁰ СС. Т.VI. Кн.2. С.340.

⁶¹ См.: Теегин герл. 1976. №1. С.151.

гингерл») и И. Шапцова об открытии школьного музея в Малых Дербетах⁶². В 1988 г. в Элисте вышел сборник его прозы, составленный Р.В. Дугановым.

В ответной статье Борисенко подробно проанализировал поднятый мною вопрос и в основном согласился с моими аргументами и установленным фактом, что дом попечителя находился не в Тундутове, а в бывшей улусной ставке в Малых Дербетах (в 1985 г. он еще был цел). В этой статье он также сообщал, что он разыскал фотографию дома попечителя, относящуюся к 20-м годам, но она плохого качества и опубликовать ее не удастся. И закончил он свою статью словами о том, что необходимо «продолжить изучение этого важного сюжета из раннего периода жизни поэта».

И наконец, 25 декабря 1992 г., через двадцать с небольшим лет после находки дома попечителя, где родился поэт, недалеко от села Малые Дербеты, в степи, был поставлен памятник Хлебникову работы калмыцкого скульптора Степана Ботиева.

Еще в 1913 г. ВХ пророчески написал в одном малоизвестном стихотворении:

Про всех забудет человечество,
Придя в будетлянские страны,
Лишь мне за мое молодечество
Поставят памятник странный...⁶³

Сравнительно недавно, в декабре 2012 г., литературовед В. Церенов в статье «Пламенеющий уголь»⁶⁴, посвященной калмыцким мотивам в творчестве ВХ, снова вернулся к вопросу о месте рождения поэта. В ней он признал, что мне удалось установить, что «Хлебников родился в Малых Дербетах, ставке Малодербетовского улуса, располагавшейся в нескольких километрах от с. Тундутово. Более того, ему (т.е. мне – А.П.) удалось отыскать дом, в котором родился будущий поэт. Факт этот, об-

⁶² Борисенко И. Где дом поэта? // Советская Калмыкия. 1985. 9 ноября; Шапцов И. Познать и рассказать // Там же.

⁶³ Крученых А., Хлебников В. Слово как таковое. М., 1913. С.14.

⁶⁴ Церенов В. Пламенеющий уголь. Калмыцкие мотивы в творчестве Велимира Хлебникова // Вопросы литературы. 2012. №6. С.433-447.

ладавший несомненной научной новизной, тотчас нашел отражение в справочных изданиях о Хлебникове»⁶⁵.

В этой же статье автор утверждает, что я допустил «грубую ошибку» и «совершенно необоснованно <...> отнес Малодербетовский улус в ведение Черныярского уезда»⁶⁶. Кроме того, зимняя ставка Малодербетовского улуса, по утверждению В.Церенова, – это не географическое название, а дореволюционное административное название населенного пункта. Вполне возможно, что здесь я ошибся, но я исходил из того, что если русско-украинское село Тундутово входит в Черныярский уезд, то находящаяся рядом с ним, в нескольких километрах от него, улусная ставка также должна была входить в этот уезд. На некоторых дореволюционных картах России название зимней ставки Малодербетовского улуса напечатано прописными буквами, поэтому я и решил, что это географическое название населенного пункта.

И все же надеюсь, что значение моего **открытия подлинного места рождения ВХ** намного ценнее тех небольших неточностей, которые я допустил в своей статье. Этот факт, неизвестный ранее, несомненно дал толчок для появления новой темы в изучении творчества ВХ – **калмыцкой темы**, которая стала прелюдией его евразийской темы и которой ранее не занимались исследователи.⁶⁷

⁶⁵ Там же. С.434.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ **Корректирующее примечание.** Когда эта статья была сдана уже в печать, я познакомился со статьей историка А.Митирова «Сколько лет Малым Дербетам?» (Известия Калмыкии. 2003. 9 июля), которую упоминает В. Церенов. Эта статья отвечает на многие мои вопросы, поставленные здесь, и подтверждает выдвинутые мною гипотезы. А главное – автор статьи сообщает, что «село Малые Дербеты возникло в междуречье Амта-Зельме и Альматы (Альматин Адык) как ставка Малодербетовского улуса еще в 1803 году». И далее он приводит уникальный архивный документ о первых улусных постройках, сделанных в 1837 году. Чиновник Калмыцкого управления сообщает астраханскому губернатору о том, что внук наместника Чучея Тундутова, Деджит Тундутов, владелец Малодербетовского улуса, приступает к постройке дома для зимнего пребывания главной ставки: «Дом владельца деревянный длиною 5 1/3 аршин о шести комнатах с двумя хозяйственными пристройками; дом для брата его из земляного кирпича (еще неоконченный); деревянный дом для канцелярии его пребывания письмоводителя и дом для улусного суда в шесть сажень длины о шести комнатах, где имеют пребывание и улусные чиновники (с оградой из земляного кирпича)». Примечательно, что строящийся дом, описанный чи-

Вернемся к родителям ВХ. Отец поэта – Владимир Алексеевич Хлебников, известный орнитолог и лесовод, ученик известного зоолога и писателя-натуралиста М.Н. Богданова, автор целого ряда печатных научных трудов о природе Волжско-Каспийского края. Он был одним из организаторов, а впоследствии стал директором Астраханского заповедника (с 1927 по 1929 год), первого заповедника в СССР. Сам поэт писал в одной из анкет:

Отец – поклонник Дарвина и Толстого, большой знаток царства птиц, изучавший их целую жизнь <...>⁶⁸

О калмыцких мотивах, о детстве и своем отце ВХ писал в мифопоэтической автобиографии «Нужно ли начинать рассказ с детства?..», в повести «Есир» и в одном из ранних стихотворений:

Меня окружали степь, цветы, ревучие верблюды,
Круглообразные кибитки.
Моря овец, чьи лица однообразно-худы,
[Огнем крыла пестрящие простор удоды],
Пустыни неба гордые пожитки,
Так дни текли, за ними годы.
Отец, далеких гроза сайгаков,
Стяжал благодарность калмыков
Порой под охраной надежной казаков
Углублялся [в глушь степную] караван.
Разбои разнообразили пустыни мир,
И вороны кружили, чужа пир,
Когда бряцала медь оков.
Ручные вороны клевали
Из рук моих мясную пищу,
Их вольнолюбивее едва ли
Отроки, обреченные топорщику,
Досуг со мною коротая,

новником в 1837 г. полностью совпадает с домом попечителя в улусной ставке, которую посетил почти через 50 лет, в 1886 г., монголовед К.Ф. Голстунский.

⁶⁸ Хлебников В. Творения. С. 642. См. ст. о В.А. Хлебникове в кн.: Богданов А. Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1888). Т. 4, ч. 1. М. 1892. с. 13.

В.А. Хлебников.
Фотография.
Царицын. 1880-е гг.
Дом-музей В. Хлебникова
в Астрахани

В.В.Хлебников.
Портрет отца. Масло.
Начало 1900-х гг.
РГАЛИ

С звенящим криком: «сирота я»,
 Летел лебедь, склоняя шею,
 Я жил, природа, вместе с нею.
 Пояс казаков с узорной резьбой
 Мне говорил о серебре далеких рек,
 Порой зарницей вспыхнувший разбой,---
 Вот что наполняло мою душу, человек⁶⁹

В цитированном письме к А.М. Горькому Вера Хлебникова упоминала о жизни отца в Калмыкии:

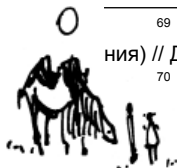
В Калмыцкой степи, где он (В.А. – А.П.) был много лет назад Улусным попечителем, беднота сложила песню про “Светлого попечителя”, и еще недавно, говорят, пели ее там⁷⁰.

В.А. сочетал государственную службу со своей научной деятельностью. О постоянных переездах в первые двадцать лет после окончания университета, связанных со сменой места службы, он писал в автобиографии, которая под названием «Жизнеописание гр<ажданина> Хлебникова Владимира Алексеевича» (1927), хранится в фонде ВХ:

По окончании образования состоял на государственной службе: по ведомству Министерства Земледелия и Гос<ударственного> Имущ<ества> смотрителем Баскунчакск<ого> и Ч<а>пчачинск<ого> соляных промыслов и прилегающих к ним казен<ных> зем<ельно> оброчных статей (с 21/V – 1883 г. по 5/II – 1885 г.); попечителем улусов Калмыцкой степи Астр<аханской> губ<ернии> Эркетеневского (с 5/II по 8/VII – 85 г.) и Малодербетовского (с 8/VII – 85 г. по 8/VII – 91 г.); по Управлению уделами управляющим имениями Подлужанским Ров<енского> у<езда> Волынск<ой> г<убернии> (с 8/VII – 91 г. по 27/VII – 95 г.), Помаевским Буинск<ого> у<езда> Симбирск<ой> губернии> (с 27/ VII – 1895 г. по 7/I – 98 г.), Казанским Казанск<ого> у<езда> и губ<ернии> (с 7/I – 98 г. по 27/IX-1908 г.). Затем вышел в отставку и жил частью на пенсии, частью на заработки по вольному найму: служил районным завед<ую>щим с<ельско> х<озяйственными> землями и

⁶⁹ Харджиев Н. Новое о Велимире Хлебникове (К 90-летию со дня рождения) // День поэзии. 1975. М., 1975. С. 205.

⁷⁰ Цит. по: Мамеев А. Указ. соч. С. 217.

П.В. Митурич. Портрет В.А. Хлебникова. Рисунок. 1926 г.
Дом-музей В.Хлебникова в Астрахани

П.В. Митурич. Портрет В.А. Хлебникова. Рисунок. 1931 г. ГТГ.
Рукой П.В.Митурича: «29.VII.1931 Москва П.Митурич»
Ниже, более поздняя подпись тонким карандашом: «Владимир Алексеевич
Хлебников на вышке дома Мясницкая, 21»

лесаами Кр<естьянского> Зем<ельного> Банка по Курмышскому и частью Ардатов<скому> уездам Симб<ирской> губ<ернии> в 1910–1912 гг. <...>.⁷¹

Эти переезды В.А. с большой степенью достоверности позволяют установить, где и когда жил будущий поэт в детские, в гимназические и в студенческие годы до своего перевода в 1908 г. в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета.

В сентябре 1912 г. семья Хлебниковых переехала из Симбирской губернии, где В.А. служил заведующим сельскохозяйственными землями и лесами в Курмышевском уезде, на родину ученого – в Астрахань. С 15 марта 1887 г. В.А. стал действительным членом Общества исследователей Астраханского края, а в 1914 г. стал председателем Петровского общества исследователей Астраханского края. В.А. дважды поднимал вопрос о необходимости создания Астраханского заповедника на заседаниях этого Общества еще до революции, о чем он рассказал в автобиографии⁷²:

Внеслужебная деятельность: насколько позволяли условия службы, занимался фаунистическими наблюдениями. Коллекции мои (главным образом, птиц и зверей) поступали в Петербургский, Московский, Харьковский, Казанский и Астраханский государственные университеты, в Академию Наук, в Астраханский краевой музей, в Казанский городской музей, в Астраханское и Саратовское реальные училища. В окрестностях Баскунчака и Чапчачей изучал материковые дюны (барханные пески). Предложенный мною в 1884 г. способ закрепления песков местными травами оказался удачным и широко применяется в Астрах<анском> крае в настоящее время. В 1890 году работал по подготовке характеризующих Астрах<анский> край экспонатов для Казанской научно-промышленной выставки Астраханской Края и Управления Земледелия и Государственного Имущества и Калмыцким народом Астраханской губернии. Лично мною были составлены коллекции птиц и зверей Астраханско-

⁷¹ РГАЛИ. Ф.527. Оп.1. Ед.хр.289. Л.5-6.

⁷² См.: Мамаев А. Указ. соч. С.46-47, 87. Необходимо подчеркнуть, что Хлебниковы переехали в Астрахань именно в сентябре 1912 г., а не в конце 1912 г., как считают другие исследователи.

го Края и предметов, характеризующих быт Астраханских калмыков. Вышеупомянутые экспоненты – Общество исследования Астраханского Края и Управление Земледелия, Государственного Имущества и Калмыцким народом Астраханской губернии – получили высшие награды – почетные отзывы. По окончании Казанской выставки принимал участие в организации Астраханского Краевого Музея со влитием (так! – А.П.) в него коллекций, возвращенных с выставки <...>.

Впервые вопрос о заповеднике поднимался мною в 1913 г. и 1917 г. в обществе исследователей Астраханского края, но последнему не удалось осуществить это предприятие в связи с войной (1914) и политическими событиями (1917 г.)⁷³.

В.А. очень много сделал для изучения и охраны природы Калмыкии и Астраханского края, но его труды до сих пор не собраны в отдельную книгу и не введены в научный оборот.

Мать поэта родилась в Санкт-Петербурге, училась в Смольном институте благородных девиц, который не закончила. В 1877–1878 гг. Е.Н. была на русско-турецкой войне в качестве сестры милосердия. Как указано выше, она была двоюродной сестрой известного народовольца А.Д. Михайлова (1855–1884), а также хорошо была знакома с видными народовольцами В.Н. Фигнер, А.П. Корбой и другими, присутствовала на одном из собраний «Народной Воли». Во время следствия над Михайловым она была единственной, кому разрешено было навещать его в Петропавловской крепости. Вся переписка Михайлова и связь с внешним миром и его соратниками шла через нее. Сохранилось несколько писем Михайлова к Е.Н., и в одном из них он подчеркнул «теплое и заботливое дружеское внимание» к себе Е.Н.⁷⁴.

В поэме «Ночь перед Советами» (1921) образ барыни навеян реальными эпизодами из жизни матери поэта:

⁷³ РГАЛИ. Ф. 527. Ед. хр. 289. Л. 6-7.

⁷⁴ *Прибылева-Корба А.П. и Фигнер В.Н.* А.Д. Михайлов. Л., 1925. С.186-187. Любопытно, что авторы книги, вероятно, не знали, что письма Михайлова, напечатанные в книге, адресованы матери ВХ Екатерине Николаевне Вербицкой (в замужестве - Хлебниковой). См. также книгу Ю.Давыдова «Завещаю Вам, братья...», посвященную жизни А.Д.Михайлова (М., 1977). Сохранились три письма В.Н.Фигнер к Е.Н. в фонде ВХ (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед.хр. 309).

В Смольном девицей была, белый носила передник,
И на доске золотой имя записано: первую шла.

<.....>

После сестрой милосердия спасала больных
В предсмертном паре, в огне,
В русско-турецкой войне
Ходила за ранеными, дать им немного ласки и нег.

<.....>

Ссылным потом помогала, сделалась красной,
Была раз на собрании прославленной «Воли Народной» –
опасно как! –

<.....>

После ушла корнями в семью:
Возилась с детьми, детей обучала.
И переселилась на юг.
Дети росли странные, дикие,
Безвольные, как дитя,
Вольные на все,
Ничего не хотя:
Художники, писатели,
Изобретатели.⁷⁵

На следующий день после смерти ВХ – 29 июня 1922 г. Митурич из Санталова вместе с первой женой написал Е.Н. в Астрахань подробное письмо о последних днях поэта:

Сообщаю Вам печальную весть, что Вашего сына Виктора Владимировича и нашего Велимира не стало 28 июня в 9 час<ов> утра... Последние 4 месяца я виделся с ним почти каждодневно и могу Вам подробно описать, как он их проводил. <...> По приезде и вообще последние две недели он стал спокойнее. Когда я предложил ему сообщить Вам о его болезни, он сказал: «Хорошо сообщать о здоровье, о болезни не стоит и очень долго».

Через день он не мог уже поворачивать головы. Через три потерял сознание и на пятый утром «ушел».

Чувствуя, как велико может быть Ваше материнское горе, хотелось бы исполнить Ваше желание, какое – Вы

О

⁷⁵ Хлебников В. Творения. С. 295-296.

сообщите мне. Похоронил я его гражданским порядком на погосте в старообрядческом углу в Ручьях Новгородской губернии Крестецкого уезда.

Глубоко сочувствующие Вашему горю.

П. Митурич, Н. Митурич. 29.VI.1922 г.⁷⁶.

Это письмо Митурича, посланное в Астрахань, попало, вероятно, в руки Веры, которая жила тогда вместе с родителями. Она некоторое время скрывала от них трагическое известие о смерти брата Виктора, с которым она была очень близка. В ответном мемуарном письме, адресованном Митуричу и датированном 19 июля, она писала:

В виду сложившейся, особенно трагично, семейной жизни родителей Виктора Владимировича мне пришлось скрыть от них ужасное известие, и потому я могу пока сообщить, что знаю сама⁷⁷.

Позднее в своих письмах в Астрахань к Е.Н. Митурич неоднократно просил ее поделиться воспоминаниями о детстве и юности поэта. Во втором письме к ней, датированном 11 сентября 1922 г., он снова обращается к ней с той же просьбой:

При наличии такой чрезвычайной одаренности Виктора Владимировича, я подозреваю недюжинные силы в Вашей семье и потому очень желал бы с вами всеми познакомиться, если не лично, то обменом писем – послушать Ваши рассказы о маленьком Вите, Вите-юноше⁷⁸.

И, наконец, в письме от 11 января 1924 г., Вера сообщала ему:

Для Вас я написала о маленьком Вите (со слов мамы), а еще посылаю Вам его детскую карточку – мама находит, что никто так ее не заслуживает, как Вы⁷⁹.

3 марта 1924 г. Вера по приглашению Митурича приехала в Москву и поселилась в его квартире на улице Мясниц-

⁷⁶ Парнис А.Е. Велимир Хлебников: Москва–Санталово, май–июнь1922 // Библио-Глобус. М., 2002. №6 (27). Июнь. С.14-15.

⁷⁷ Цит. по: Митурич П.В Записки сурового реалиста эпохи авангарда. М., 1997. С.31.

⁷⁸ Там же. С.27.

⁷⁹ Цит. по: Мамеев А. Указ. соч. С.129.

кая, дом №21 – на девятом этаже⁸⁰. Через два дня после приезда она сделала художнику ценный подарок – вручила ему рукопись воспоминаний матери о детстве ВХ с дарственной надписью, о которых она упоминала в цитированном выше письме: «Дорогому Петру Васильевичу. Хлебникова. 5.III.1924 г.»⁸¹.

Эта рукопись является первой частью воспоминаний матери о сыне. Она представляет собой беловой автограф без названия, написанный рукой младшей сестры поэта Веры – на четырех листах большого формата с тремя заполненными оборотами. Мать поэта, от имени которой ведется рассказ о детстве ВХ, говорит о себе в третьем лице. Сестра поэта не только записала воспоминания матери под диктовку, но и несомненно о т р е д а к т и р о в а л а их. На последней странице рукописи стоит дата – 31.XII – 1923 г., свидетельствующая об окончании работы над мемуарами. И далее следуют слова, написанные рукой Веры и подпись, авторизующая этот текст и сделанная рукой матери поэта: «Подтверждаю, что все написанное здесь согласно с действительностью: Екатерина Хлебникова»⁸². Сам факт, что Е.Н. не писала эти мемуары, а продиктовала их младшей дочери Вере, говорит о том, каких усилий и каких переживаний стоила матери поэта работа над воспоминаниями.

Впоследствии Вера и ее муж (П.В.Митурич) неоднократно обращались к Е.Н. с просьбой продолжить воспоминания о сыне. Эта просьба неустанно повторялась в ее переписке с матерью в течение нескольких лет. Например, в письме от 25 марта 1925 г. Вера вновь пытается уговорить мать вернуться к воспоминаниям и приводит новые доводы:

Не знаю, дошло ли до тебя письмо, в котором мы просим дополнить воспоминания о детстве Вити его гимназическими годами и дальше. Это нужно для изучения его крупных вещей. – За это дело берется крупный коммунист – Чужак, литер<атурный> деятель, и говорит, что воспоминания

⁸⁰ Цит. по: Митурич П.В. Указ. соч. С.71. О какой карточке идет речь, установить не удалось.

⁸¹ Здесь речь идет о первой части воспоминаний Е.Н., которая публикуется здесь впервые, вместе со второй частью.

⁸² Там же.

Виктор и Борис Хлебниковы.
Фотография.
1889-1891 гг. Астрахань.
Дом-музей В.Хлебникова
в Астрахани

В. В. Хлебников.
Брат и сестра.
Рисунок. Подлужное.
1893(?) г.
Собрание семьи
Митуричей-Хлебниковых
(Москва)

будут способствовать и облегчат проведение произведений через ворота тупых цензур⁸³.

Сохранилось письмо художницы Н.О. Коган, помощницы Митурича в хлебниковских делах, к Н.Н. Пунину от 28 января 1926 г., в котором идет речь о серьезной попытке критика Н.Ф. Чужака (1876–1937) организовать издание произведений Хлебникова в государственном издательстве. Н.О. Коган обратилась к Пунину, вероятно, по совету Митурича:

Уважаемый Николай Николаевич.

К Вам дело, хорошо, если оно Вас заинтересует, чтобы было не только полезным, но и приятным. Председатель Литературной Секции Пролеткульта, Николай Федорович Чужак просит Вас по приезду в Москву зайти к нему в Пролеткульт (Воздвиженка) от 4 ч. - 6 ч. <вечера> или созвониться предварительно в эти же часы по тел. 499-01 с целью поговорить с ним по вопросу написания Вами биографической статьи о Велемире Хлебникове дополнительно к его статье (Н.Ф.Чужака) "Хлебников и революция". Все вместе для подготовл<енной> к изданию Госиздатом книги нескольких крупных произведений ВХ («Настоящее», «Переворот во (так! – А.П.) Владивостоке», «Ночь перед Советами»), переданных ему П.В.Митуричем.

В ожидании этой недостающей биографической статьи рукописи лежат у Н.Ф.Чужака уже год, несмотря на то, что он очень, по-видимому, расположен в пользу их издания. Моя мысль – предложить ее Вам была принята им охотно, при этом он категорич<ески> отверг Московских поэтов и писателей, знавши<х> ВХ, и просил меня Вам написать.

Н.О.Коган.

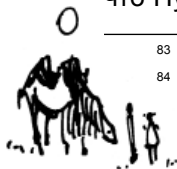
Москва, Савеловский пер<еулок>, д.9, кв.2.

Если Вы принципиально согласитесь, я, м<ожет> б<ыть>, смогу быть Вам полезна в деле собирания фактического материала, а потому мне следовало бы знать, когда Вы будете в Москве». ⁸⁴

Однако этот замысел издания ВХ с участием Н.Ф.Чужака и Н.Н. Пунина реализовать не удалось, прежде всего потому, что Пунин никогда не изучал биографии поэта, а также потому,

⁸³ Цит. по: *Мамеев А.* Указ. соч. С.133.

⁸⁴ РГАЛИ. Ф.3145. Оп.1. Д.№1102. (сообщено Т.В. Горячевой).

что это был, как сказали бы сегодня, не его формат. Статью Чужака «Хлебников и революция» обнаружить пока не удалось. Вероятно, она не была написана.

В неизданных дневниковых записях Митурича, относящихся к 1924–1925 гг., неоднократно упоминается о том, что Чужак присутствовал на домашних «Хлебниковских чтениях». Например, в записи от 2 января 1925 г. сообщается: «Чужак вел себя смелее всех»⁸⁵.

Через месяц – в письме от 11 апреля Вера снова повторяет свою просьбу:

Мы очень ждем твои<х> воспоминани<й> о В<ите>, это к спеху, так как они задерживают издание, а нужно пользоваться моментом. Ты напиши, начиная с Казани, гимназические годы и студенческие, именно то, что тебе вспомнится. Помнишь, Ты перед моим отъездом (первым) рассказывала (для записи) и потом обещала сама написать. Лучше короче, но скорее.⁸⁶

С этой же просьбой она обращалась и к отцу. В.А. ответил ей 16 апреля 1925 года:

Дать психобиографический очерк В<ити> не могу, т.к. для этого необходимо углубление, невозможное для меня в моей современной жизненной обстановке, хотя на эту тему я думал и думал много. Эта тема – одна из вечных моих спутников до конца жизни. Да и подходы к этой теме м<ожет> б<ыть> окажутся неподходящими для Вашего издания. Витя для меня прежде всего: “мой погибший милый мальчик”⁸⁷.

К сожалению, В.А. так и не написал воспоминаний о своем сыне. Однако Е.Н., как и отцу поэта, трудно было по понятным причинам решиться продолжить воспоминания о сыне – она была в преклонном возрасте и в плохом физическом состоянии, она тяжело переживала смерти своих четырех детей. Многие годы семью Хлебниковых буквально преследовал какой-то рок. Для родителей пережить своих детей – это большая трагедия, которая не поддается никакому рациональному объяснению.

⁸⁵ Цитирую по копии Харджиева (архив Харджиева-Чаги, Стеделийк музеем, Амстердам).

⁸⁶ Цит. по: *Мамеев А.* Указ. соч. С.133.

⁸⁷ Цит. по: *Чуйков Ю.* Почему тускнеют жемчужины. Астрахань, 1996. С.92.

Сначала заболел их старший сын Борис, который умер 17 июня 1908 г. в психиатрической больнице в Казани. Во время гражданской войны, в 1920 или 1921 г., на польском фронте пропал без вести младший сын Александр. 28 июня 1922 г., в новгородской деревне Санталово, недалеко от деревни Левочки Боровичевского уезда, в которой в 1882 г. Е.Н. венчалась с В.А., умер их сын Виктор. Более пяти лет тяжело болела их старшая дочь Екатерина, которая умерла через два года после смерти поэта – 10 сентября 1924 года⁸⁸.

С 1925-го по 1928 г. Вера и ее муж предпринимают серьезные попытки издать произведения ВХ. В 1927 г. молодой ученый Степанов, ученик Ю.Н.Тынянова, научный сотрудник Института истории искусств, стал собирать материалы для издания Хлебникова и обратился к Митуричу.

21 сентября того же года Вера снова напоминает матери о своей просьбе:

Петя <Митурич – А.П.> просит <на>писать краткий биографический материал для включения его в издание Витиных произведений: год и место рождения, где жил и где учился, с точным обозначением даты⁸⁹.

Так продолжалось почти пять лет. В письме от 5 марта 1928 г. Вера снова настаивает на своей просьбе и снова упоминает об инициативе Чужака:

...Мамочка: один из видных здешних коммунистов (Чужак), имеющих отношение к печати, берется за издание Витиных больших произведений, но говорит, что значительно облегчили бы проведение их в печать или воспоминания, или биографический очерк – тогда он приступит к этому делу, и издание будет носить исторический характер. И поэтому мы очень просим тебя прибавить к твоим детским воспоминаниям дальнейшие, со старших классов гимназии и далее. Может, и папа тебе в этом поможет. Лучше всего, конечно, могла написать это ты (папа итак занят), а не Петровский⁹⁰ и прочие!

⁸⁸ См.: *Мамаев А.* «В Хлебникове было всё...». Астрахань, 2010. С.14-20.

⁸⁹ Цит. по: *Мамаев А.* Указ. соч. С.134.

⁹⁰ *Петровский Д.* Воспоминания о Велемире Хлебникове. М., 1926. В семье Хлебниковых отношение к воспоминаниям Д. Петровского было резко отрицательным.

Л.М. Чернов-Плесский. Витя и Вера в лодке.
Масло. Начало 1900-х гг.
Собрание семьи Митуричей-Хлебниковых (Москва)

Так ты, мамочка, не откажись, пожалуйста, сделать это, и теперь же, без задержек, важны самые факты: в порядке постепенности, а над слогом не задерживайся – эти воспоминания, повторяю, очень помогут для издания, и очень важно, что Чужак заинтересовался (творчеством Вити).⁹¹

Наконец, осенью 1928 г. вышел первый том собрания произведений ВХ под редакцией Степанова и со вступительной статьей и общей редакцией Ю.Н. Тынянова. В работе над этим томом им активно помогали сестра поэта Вера и ее муж Митурич. После выхода этого тома и знакомства с биографией сына, написанной Н.Л. Степановым, Е.Н. решила вернуться к своим воспоминаниям, которые она начала писать (вернее, диктовать дочери) еще в 1923 году в Астрахани. Вторую часть воспоминаний она писала долго и в незаконченном виде лишь в 1929 году отправила их (в формате письма) дочери в Москву.

В 30-х годах (родители поэта в это время переехали в Москву) Н.Л. Степанов продолжал работать над очередными томами собрания произведений ВХ и одновременно стал готовить большой однотомник, который вышел в 1936 году. Он снова обратился к семье Хлебниковых за биографическими сведениями о ВХ. Мать поэта передала ему вторую часть воспоминаний о сыне и собиралась продолжить работу над ними, как упомянул об этом автор анонимной заметки о ней⁹². Однако, Е.Н. не успела этого сделать.

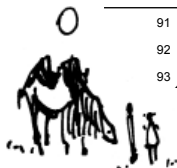
Публикуемые здесь воспоминания Е.Н., состоящие из двух частей, – основной источник для изучения раннего периода поэта. Значение этого уникального документа трудно переоценить. Воспоминания матери поэта – единственный достоверный источник сведений о раннем литературном периоде ВХ – о его детстве, отрочестве и юности, а также о его первых литературных опытах во время учебы в симбирской и казанской гимназиях и в Казанском университете. И хотя о ранних годах поэта написала также его младшая сестра Вера⁹³, но и ее мемуары преимущественно также основаны на рассказах матери.

В воспоминаниях Е.Н. впервые вводится в научный оборот значительное количество ранее неизвестных фактов и сведе-

⁹¹ *Мамеев А.* Указ. соч. С.134-135.

⁹² См.: Литературная газета. 1935. №51 (542). 15 сентября.

⁹³ *Хлебникова Вера.* Воспоминание // *Хлебников В.* Стихи. М., 1923. С.57-62.

Окрестности села Помаево. Фотография Э.Подтяжкина. 1975 г.
Печатается впервые.

ний о детстве и юности будущего поэта. В этих воспоминаниях Е.Н. подробно рассказала о постоянных переездах семьи и нарисовала яркую картину жизни семьи в разных местностях России в первые двадцать лет после окончания Петербургского университета ее мужем. Постоянные переезды В.А. позволяют выстроить подробную хронологию и уточнить названия мест, где жила семья Хлебниковых в детские, гимназические и студенческие годы поэта и выстроить итинерарий: зимняя ставка Малодербетовского улуса, Тундутово, Санкт-Петербург (и его пригороды – Мурино, Сестрорецк), Подлужное, Помаево, Симбирск, Казань, Алферово. Более того, в воспоминаниях Е.Н. назвала одну из главных причин столь частых переездов В.А. и всей семьи Хлебниковых: отец поэта хотел познакомить своих детей с различной природой в южной, северной и средней полосах России.

Такой кочевой образ жизни семьи Хлебниковых, вероятно, способствовал тому, что еще в юности ВХ избрал странствия и скитальчество как главный способ познания и осмысления жизни – «поэты должны бродить и петь», как он позже написал в одном из манифестов. Постоянные переезды и странствия ВХ

сначала с родителями, а затем и самостоятельные, стали его *modus vivendi*, его миропониманием. Он стал осваивать новые пространства в прямом и в широком значении этого слова. И неслучайно в одном из ранних стихотворений он писал:

Я думал о России, которая сменой тундр, тайги, степей,
Похожа на один божественно-звучащий стих...⁹⁴

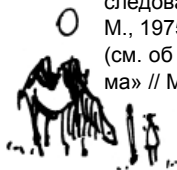
Воспоминания Е.Н. дают также возможность, и это необходимо подчеркнуть, прояснить отдельные «темные» места в ряде произведений поэта, а также позволяют связать поэтику ВХ с историческими реалиями при анализе его текстов разных периодов.

Мать поэта в воспоминаниях дает широкую панораму детства и юности ВХ, проведенных в Калмыцкой степи (1885–1891), в украинско-польском селе Подлужное на Волыни (1892–1895), а также в мордовском селе Помаево в Симбирской губернии (1895–1898). Она показывает становление его характера и описывает некоторые его странности. Особый интерес представляют также рассказы матери поэта о его учебе в гимназиях в Симбирске и в Казани, а также в Казанском университете, дополняющие краткие свидетельства из воспоминаний соучеников ВХ Б.П.Денике и Д.И.Дамперова.⁹⁵

В Калмыкии, где родился будущий поэт и где он провел около шести лет своей жизни, он не только получил начатки домашнего образования, но и впервые познакомился со степным миром растений, птиц и зверей под внимательным и отчасти строгим руководством отца. Здесь у него проявился своеобразный, независимый и амбициозный характер, как свидетельствует мать поэта, во многом определивший в дальнейшем его интересы в областях различных наук (прежде всего – в орнитологии) и искусства. Здесь ВХ также впервые познакомился с бытом и нравами земляков-кочевников, а в дальнейшем он стал серьезно изучать литературу по этнографии астраханских калмыков.

⁹⁴ СС. Т.1. С.202-203.

⁹⁵ Воспоминания Д.И. Дамперова. И.Дамперова и Б.П. Денике были впервые напечатаны в работе Н.И. Харджиева «Новое о Велимире Хлебникове», исследователь утверждает, что они были написаны по его просьбе (День поэзии. М., 1975. С.201-203). Однако они были написаны по просьбе Т.С.Грица в 1937 г. (см. об этом в нашей статье «Т.С. Гриц – исследователь русского кубофутуризма» // Мир Велимира Хлебникова. М., 2000. С.229).

Необходимо отметить главное – он гордился тем, что родился и вырос «в стане монгольских исповедующих Будду кочевников» и благодаря своему «калмыцкому происхождению» стал называть себя «сыном Азии»⁹⁶. Это была счастливая пора детства, как вспоминает мать поэта. «Во время этой зари жизни мы были мудрецами», – скажет он впоследствии о своих детских годах.⁹⁷

Мир детства и непосредственное общение со степной природой, во многом определившие его дальнейшую жизнь, нашли отражение впоследствии в ряде текстов ВХ (прежде всего, следует назвать стихотворение «Меня окружали степь, цветы, ревучие верблюды...», автобиографический очерк «Нужно ли начинать рассказ с детства?...» и повесть «Есир»).

Мать поэта вспоминает, что маленький Витя уже с детства хорошо знал свойства и названия различных цветов и растений – у него в детстве был свой цветник, и что он особенно интересовался простым цветком барвинком.

В славянской народной традиции этот цветок связан со свадебным ритуалом. В украинских песнях барвинок – символ свадебного обряда, а также красоты и невинности невесты, и кроме того, он связан с темой колдовства и используется в ритуалах как приворотное зелье.

Интересно, что через много лет ВХ написал стихотворение «О, черви земляные...» (1913), обращенное к художнице К.Л. Богуславской (1892–1972), в которую он был влюблен. В этом стихотворении, как установил Х.Баран, тема любви связана с барвиночным напитком и ворожкой⁹⁸. К подробному анализу текста, сделанному Бараном (он написал об этом стихотворении две статьи), следует добавить, что в ключевом слове «косынка» зашифрована анаграмма имени адресата стихотворения – *Оксана (Ксения) Богуславская*:

Ведь водою из барвинка
Я узнаю, все узнаю,

⁹⁶ См. прим.10.

⁹⁷ Хлебников В. Творения. С.542.

⁹⁸ Свой интерес к барвинку и легендам, связанным с ним, ВХ реализовал в стихотворении «О, черви земляные...» (1913). В связи с этим см. статьи «О любовной лирике Хлебникова: анализ стихотворения "О, черви земляные..."»; «Новый взгляд на стихотворение Хлебникова "О, черви земляные...": контекст и источники» в кн.: Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С.37-68.

Надсмеелась ли *косынка*,
Что зима, растаяв с краю.⁹⁹

Важно также отметить, что мемуары Е.Н. в значительной степени могут служить дополнениями и реальными комментариями к указанному выше автобиографическому тексту «Нужно ли начинать рассказ с детства?..». Они расширяют пространство рассказа. Благодаря воспоминаниям Е.Н. сложная структура и герметический сюжет мифопоэтического рассказа становятся простыми и прозрачными. Мемуары Е.Н. дают также возможность реконструировать исторический контекст рассказа, мотивируют переключение от одной сюжетной линии в другую и дают ключи для верного толкования этого текста. В этом незаконченном рассказе ВХ пытается реконструировать свою родословную по отцовской (Хлебниковы) и материнской (Вербицкие) линиям, связывая ее с историческими событиями, происходившими в различных регионах России и в разные эпохи. Обращение к собственной родословной для поэта – это прием, благодаря которому он может легко переключаться из одного временного контекста в другой. Как известно, он с детства и юности стал увлекаться всемирной историей, интересовался украинскими корнями своего рода – и этим он, прежде всего, обязан, как мы теперь знаем, своей матери, которая была историком по образованию.

ВХ вел свою родословную от запорожских казаков Вербицких и гордился своими воинственными предками. В автобиографической заметке (1914) он писал об этом:

В моих жилах есть армянская кровь (Алабовы)¹⁰⁰ и кровь запорожцев (Вербицкие), особая порода которых сказалась в том, что Пржевальский, Миклухо-Маклай и другие искатели земель были потомками птенцов Сечи¹⁰¹.

На свои запорожские корни ВХ намекает в 4-м парусе «Детей Выдры» («Смерть Паливоды»). Ср. также запорожские фрагменты в его поэме «Марина Мнишек» (1913).

⁹⁹ См.: СС I. С.296.

¹⁰⁰ В астраханской справочной и краеведческой литературе неоднократно встречается фамилия «Алабовы». Однако вопрос, когда и какая ветвь рода Хлебниковых скрестилась с армянским родом Алабовых, установить пока не удается. В связи с этим см.: *Мамаев А.* Указ. соч. С.62 (примечания).

¹⁰¹ Цит. по: *Хлебников В.* Творения. С.641.

Интересно, что сестра поэта Вера также отмечала две составные своей души: «моя запорожская душа» и «благородная калмыцкая душа»¹⁰².

Структура автобиографического текста «Нужно ли начинать рассказ с детства?...» строится на трех неравномерных частях, дифференцированных по национальным и географическим признакам (украинско-запорожская, калмыцко-монгольская и польско-украинская).

Первая часть – украинская (или запорожская) – представляет собой сложную метафорическую конструкцию. Она навеяна семейными преданиями (преимущественно со слов матери поэта) о его украинских предках, о черниговских дворянах Вербицких, биографии которых сам поэт мифологизировал, а также легендами о запорожцах, которые он, вероятно, почерпнул из различных книжных источников. Частично ВХ реализовал эти легенды в рассказе «Смерть Паливоды», вошедшем в «сверхповесть» «Дети Выдры» (1912).

Вот как начинается этот автобиографический рассказ:

Нужно ли вспомнить, что мои люди и мой народ, когда-то ужасавший сухопутный люд парусами и назвавший их “турусы на колесах”, осмеивая старым забытым искусством каждую чепуху, народ, который Гайавате современности недоверчиво скажет: “Турусы на колесах”, – и тот поникнет, седоусый, и снова замолчит – еще раз повод внутренне воскликнуть: “Нет друзей мне в этом мире!” – мой народ хитро, как осетр, подплывший к Царьграду в долбленых, снабженных веслами подводных лодках, и невидимо качавшийся под волнами, в виду узорных многобашенных улиц шумной столицы, чтобы потом, после щучье-разбойничьих подвигов в узком проливе, нырнуть в море частыми ударами весел, внизу гордых парусов напрасно преследующего его турецкого флота, достичь устья Днепра и свободно вздохнуть в Запорожье, где толпились чайки. Мой народ забыл море и, тешно порываясь к свободе, забыл, что свобода – дочь моря¹⁰³.

¹⁰² Хлебникова В. «Что нужно душе...»: Стихи. Проза. Письма. М., 2000. С.11, 191-192(предисловие А.А. Мамаева).

Вторая формула – из неизданных фрагментов «Автобиографических записок» сестры поэта (сообщено Верой Митурич-Хлебниковой).

¹⁰³ Хлебников В. Творения. С.542.

Мать поэта происходила, как удалось выяснить, из семьи черниговских дворян Вербицких. Ее отец – плац-адъютант Николай Иосифович Вербицкий (1816 – после 1898), дослужившийся до действительного статского советника. Одним из основателей рода был Степан Вербицкий (нач. XVIII в.), который «вышел с Польши под державу всероссийскую, вместе с отцом Его служил всероссийскому престолу».¹⁰⁴

В «Малороссийском гербовнике» В.К. Лукомского и В.Л. Модзалевского (1914) приведено изображение и описание герба дворянского рода Вербицких: «Щ и т: в красном поле пень, сопровождаемый сверху кавалерийским крестом. Н а ш л е м н и к: подобный же пень, с крестом между двух крыльев (Нечуя)»¹⁰⁵.

Под этим описанием герба Вербицких указаны имя и фамилия первого представителя этого рода в России, который получил дворянство: «потомство Степана Вербицкого, знатного войскового товарища (1707)»¹⁰⁶. Упомянутый здесь *Нечуя* (или *Нечуй*) – вероятно, также один из предков рода Вербицких, а изображение его герба имеет некоторое отличие от герба Вербицких: в нем отсутствует стоящая фигура воина с копьем в руке, которая имеется в гербе рода Вербицких. В этой же книге указано, что в дореволюционном Архиве Черниговского Дворянского Депутатского собрания под №5009 находились материалы рода Вербицких¹⁰⁷.

Сохранились две семейные тарелки, принадлежавшие ранее Вербицким (одна находится у внучатой племянницы поэта Веры Митурич-Хлебниковой, другая – в музее В. Хлебникова в Астрахани) – на них изображен родовой герб с воином, который держит в руке копье¹⁰⁸.

Рассказ о «запорожской» линии родословной ВХ в первой части автобиографического рассказа неожиданным образом переключается во второй части на «калмыцко-монгольскую» со-

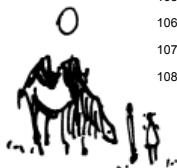
¹⁰⁴ Цит. по: *Лукомский В.К., Модзалевский В.Л.* Малороссийский гербовник с рисунками Е.Нарбута. Київ, 1993. С.24 (репринт изд. – СПб., 1914). См. также: *Милорадович Г.А.* Родословная книга Черниговского Дворянства. Т. 1. СПб., 1901. С. 70. В настоящее время автор этих строк совместно с В.Томазовым работает над «украинской» родословной поэта.

¹⁰⁵ Там же. С.24.

¹⁰⁶ Там же.

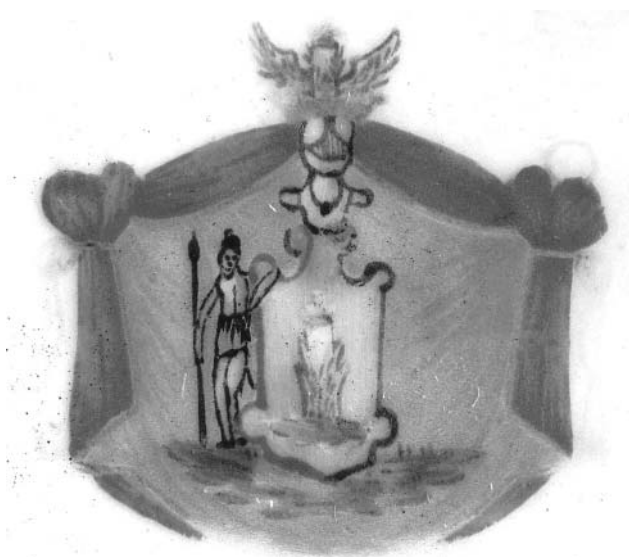
¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ *Мамаев А.* Указ. соч. Цветная вклейка между с.80-81.

Тарелка с фамильным гербом Вербицких. Фотография.
Дом-музей В.Хлебникова в Астрахани

Фамильный герб Вербицких. Фотография.
Дом-музей В.Хлебникова в Астрахани

ставную этой родословной. ВХ создает метафорическую формулу, навеянную реальными фактами из истории калмыцкого народа, четыре века назад откочевавшего из центральноазиатских степей в Европейскую часть России:

Там сложилось мое детство, где море Китая затеряло
в великих степях несколько своих брызг, и эти капли-станы,
затерянные в чужих степях, медленно узнавали общий быт
и общую судьбу со всем русским людом¹⁰⁹.

Первая и вторая части рассказа переплетаются в сложных временных конфигурациях, и ВХ представляет себя в виде «монгольского мальчика» («<второго> я»), который «задумался о судьбах своего народа»¹¹⁰. Далее автор продолжает: «А вырезанные из дерева слоны смотрели с ворот хурула. Тогда у меня было поручение достать монгольских кумиров, но я его позорно не выполнил»¹¹¹. По традиции, у калмыков хурульные постройки с наружной стороны украшались вырезанными из дерева животными. Здесь речь идет, вероятно, о «зан-эрдни» – «слоно-драгоценности», одной из буддийских символических фигур.

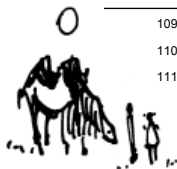
Третья часть этого автобиографического рассказа (польско-украинская) посвящена четырехлетнему пребыванию будущего поэта (1891–1895) вместе с родителями в селе Подлужном на Волыни. Сам автор рассказа вспоминал об этих годах:

Но вот другой конец страны: старый сад, столетние яворы, гора обломков камней, поросшая деревьями, – сгоревший во время восстания дворец польского пана; во время этой зари жизни мы были мудрецами, и проводить каждый день в теплой речке было законом этих дней. Там ловились лини и щуки во столько раз меньше вершка, во сколько мы были меньше взрослого человека, и самым ярким местом этих лет была весенняя охота на осетров величиною с иголку, подплывавших к берегу <...> И помню охоты: дорога в лесу, табор саней, верховые, волчьи следы в поле; взрослые исчезли, снежноусый пан поляк торопится догнать других. Раз к порогу нашего дома подъехала телега, полная

¹⁰⁹ Хлебников В. Творения. С.542.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

Н. Орда. Подлужное. Дворец Чарторыйских. 1862–1872 гг. Бумага, акварель.
Национальный музей в Кракове.
Печатается впервые

доверху телами молодых вепрей. <...> Один косой бивень долго лежал у отца на письменном столе...¹¹².

По-видимому, ВХ выдвинул свою версию «о сгоревшем во время восстания дворце польского пана» в селе Подлужное на Волыни. Здесь необходимо отметить неточность ВХ.: этот дворец в середине XIX в. принадлежал не «польскому пану», а княгине Марцелине Радзивилл (см. о ней далее). Глава будетлян мотивировано сдвинул дату.

В Национальном музее в Кракове находится акварель известного белорусского художника и композитора Наполеона Орды, датированная 1862–1872 гг., – на ней запечатлен дворец князей Чарторыйских в Подлужном в полной сохранности¹¹³. Как

¹¹² Там же. С.542-543.

¹¹³ Ранее эта акварель Н. Орды (Инв.№ MNK III - г.а. 4232) была воспроизведена (к сожалению, в некачественном разрешении) в труде польского искусствоведа Р.Афтаназы (см. примеч. №120).

следует из датировки акварели, если она верна, во время польского восстания 1863–1864 гг. дворец был еще цел. Между тем даты с интервалом в десять лет (1862–1872) могут означать не годы создания этой акварели, а могут быть начальной и конечной датами создания одного цикла зарисовок дворцов Н.Орды во время его поездок по Украине, Белоруссии и Польше. Он запечатлел на своих работах многие польские дворцы. В таком случае определить, когда именно была создана эта акварель не представляется возможным. Эта акварель, изображающая дворец Чарторыйских, воспроизводится здесь впервые с подлинника, но когда же именно сгорел этот дворец, установить пока не удастся.

Детские и отроческие впечатления от недолгого пребывания в польско-украинском селе так или иначе отразились впоследствии в творчестве будущего поэта. Через много лет, в 1912 г., он в письме к А. Крученых сообщал о своих ближайших творческих задачах – «заглянуть» «в Польшу»¹¹⁴. В 1913 г. он написал поэму «Марина Мнишек»¹¹⁵, в которая, вероятно, навеяна воспоминаниями о жизни в селе Подлужном в конце XIX века.

Начало поэмы «Марина Мнишек» восходит, вероятно, к сцене у фонтана из «Бориса Годунова» Пушкина, а весь текст поэмы навеян воспоминаниями о пребывании будущего поэта в отрочестве в Подлужном – описание сада Сапеги, деталей быта, описание замка, сцен охоты, а также использование полонизмов. Например:

Порой его давит виденье:
Косматый конь с брадою мужа,
Рысью каменно-гулкой,
Стуча копытом по каменным плитам,
Протягивал руку,
Чтобы прогулкой
Рассеять их скуку.
И мчался после бело-пегий
(Кругами расходилась лужа)
Из тополевого сада Сапеги

¹¹⁴ СС Т.VI. Кн.2. С.146

¹¹⁵ Полный текст поэмы «Марина Мнишек» был мною найден в Тбилиси в частном архиве и впервые опубликован в журнале «Звезда» (1975, №11.С.199–205).

Так на досуге пламенея,
В своем решенье каменея,
Он ходит, строг и нелюдим,
Сам-друг с желанием своим.
Стояла ночь. Как полководцы,
Стояли тихо тополя.
Смотрели в синие колодцы
Звезды, лучами шевеля.
И уж приблизился рассвет,
И ум готовит свой ответ.
Охота. Звон. Как в сказках,
На тылах кисти – кречетá,
И пляшет жеребцов черкасских
Умных кровная чета.
Промчалась нежная козуля.
Убит матерый был кабан.
И годы всем сочла зозуля:
Ей дар пророчить дан.
И много игр веселых и забавных
Знал старый князь.
Гостей своих в чертогах славных
Он веселил, развеселясь.
И говорит: «Сегодня у Потоцкого ночуем.
Он дома, он хандрит. Он болен почечуем.¹¹⁶

Приблизительно это же время ВХ написал стихотворение «Из песен гайдамаков» (1913)¹¹⁷, которое исследователи (в том числе и автор этих строк) ошибочно относили к реальным событиям, происходившим в селе Подлужном в конце XIX века, когда там жили Хлебниковы. Однако, это не так: сохранилась другая редакция этого стихотворения под названием «Челядь Мнишка»¹¹⁸, которое свидетельствует о том, что оно связано с поэмой «Марина Мнишек». Примечательно, что ВХ, вероятно, вычленил фрагмент из этой поэмы, который представляет собой реплику дворового. Поэт переосмыслил его, перенес его содержание в другое пространство и время, дал ему новое назва-

¹¹⁶ Творения. С.240-241.

¹¹⁷ Там же. С.78-79.

¹¹⁸ Рукопись этого стихотворения находится в фонде Хлебникова в Отделе рукописей РНБ (Ф. 1087).

ние и сделал его самостоятельным текстом, под которым оно сейчас известно, – «Из песен гайдамаков».

Польско-украинскую часть автобиографического рассказа ВХ можно прокомментировать отрывком из воспоминаний Е.Н., где она подробно описывает жизнь семьи в Подлужном, и, в частности, рассказывает о бывших владельцах усадьбы, живших здесь в середине XIX века:

И затем семья двинулась в Волынскую губернию, куда перевелся на службу отец Вити. Там жили в бывшем имении князей Чарторыйских, окруженном с трех сторон древним лесом. К дому прилегал парк необычайный – своими редкими растениями, деревьями, множеством цветов и... фруктовых деревьев, которым детьми уделялось особое внимание. Перед домом цветники – целый радостный, душистый праздник цветов...

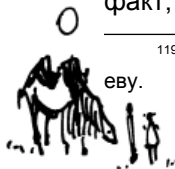
Таинственные развалины сгоревшего дворца "Palazzo", блескшие на солнце голубым и перламутровым отливом расплавленного стекла и изразцов, внизу, через аллею лиственниц и вязов – канал, весь выложенный деревом, для увеселительных катаний княгини Радзивилл; в конце парка – фамильная каплица, в которой хранились в особых урнах набальзамированные сердца бывших владельцев (так требовал старинный польский обычай). Для детей все это было неисчерпаемо таинственным миром.¹¹⁹

Вероятно, история сгоревшего дворца и «таинственный мир» приусадебного парка впоследствии дали ВХ толчок для создания поэмы «Марина Мнишек» и стихотворения «Из гайдамаков».

Попытаемся реконструировать историю усадьбы с дворцом и узнать о судьбе ее владельцев, которая, как нам кажется, могла бы заинтересовать не только Е.Н., но и ВХ. Вне сомнения мать поэта, а впоследствии и сам ВХ проявляли определенный интерес к истории усадьбы, дворца и к судьбе ее бывших владельцев.

Основным источником по истории села Подлужное является труд польского ученого Романа Афтанази: «Известен только факт, что в начале XIX столетия это имение было родовой соб-

¹¹⁹ Сведениями о князьях Радзивиллах и Чарторыйских я обязан А. Куваеву.

ственностью князя Михаила Радзивилла по бердичевской линии, полковника войск польских, женатого на Эмилии Ворцель. Получил ли князь имение по отцу в наследство или оно был приданым жены, неизвестно»¹²⁰.

Последней владелицей усадьбы и дворца в Подлужном была дочь Михаила – княгиня Марцелина Радзивилл (1817–1894), т.к. ее брат, тоже Михаил, умер в младенчестве. В 1840 г. она вышла замуж за князя Александра Ромуальда Чарторыйского (1811–1886). Она была известной пианисткой, близким другом и одной из последних и любимых учениц Фредерика Шопена. Она присутствовала при его смерти. Он завещал, как сообщается в Интернете, «секреты своей игры, тайны своих магических заклинаний, как законной и осведомленной наследнице его воспоминаний и надежд». Марцелина Радзивилл подолгу жила в Париже, Петербурге и в Кракове. Многократно выступала с благотворительными концертами в разных городах. В 1860 г. она продала имение русскому правительству и окончательно переехала в Краков. Она была также дружна с Эженом Делакруа и упоминается в дневнике художника. В ее доме в Кракове был музыкальный салон, который был очень популярен среди художников. Она подарила свою коллекцию шопеновских реликвий музею Чарторыйских, который находится в Кракове. В этом музее находится ее портрет работы известного польского художника Яна Матейко (1874).

Трудно сказать, знал ли ВХ об этих любопытных эпизодах из биографии хозяйки Подлужного. Во всяком случае, в те годы, когда семья Хлебниковых жила в Подлужном, Марцелина Чарторыйская, урожденная Радзивилл, еще была жива и проживала в Кракове. И когда ВХ в своей поэме «Настоящее» (1921) упоминал о «звуках Шопена», возможно, здесь был некоторый намек на виртуальную «связь» автора поэмы с последней ученицей великого польского композитора.

Итак, публикуемый здесь впервые полный текст воспоминаний Е.Н. значительно расширяет пространство очерка ВХ «Нужно ли начинать рассказ с детства?..».

¹²⁰ *Aftanazy R.* Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej: 11 т. Т. 5. Województwo: wołyńskie. Wydanie drugie przejrane i uzupełnione. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1994.

А главное – эти воспоминания Е.Н. вместе с некоторыми письмами родных поэта, относящихся к его раннему периоду, вводят в научный оборот много неизвестных фактов из детства и юности будущего поэта.

Например, в семейной переписке упоминается эпизод, когда маленький Виктор вместе с Е.Н., братьями и сестрами впервые приехал в Петербург к бабушке и дедушке (по матери) летом 1891 года. С тех пор, вплоть до 1895 г. вся семья Хлебниковых, кроме В.А., который находился на службе в Подлужном, почти каждый год проводила летние месяцы на даче у бабушки в Мурине и в Сестрорецке вместе с другими членами этой большой семьи. В Мурине Виктор не только впервые увидел северную природу, но и впервые познакомился с профессиональным художником и заинтересовался его творчеством, как упоминает В.Н. Вербицкая в письме к отцу поэта от 13 октября 1891 года: «На долю Шуры, Вити и Веры выпадает больше похвал, чем на долю старших – Витя всегда занят чем-нибудь. На него произвел впечатление в Мурине художник, срисовывавший, и он часто спрашивает, будет ли и он уметь рисовать, когда вырастет. Мне кажется, что у него есть способности к рисованию – от Тебя унаследовал. Дети решили, что он будет художником, а Боря музыкантом».¹²¹

Воспоминания Е.Н. свидетельствуют о том, что отец и мать поэта еще в раннем детстве стали приобщать к искусству не только Виктора, но и других детей – Екатерину, Бориса, Александра и даже Веру, водили их в Эрмитаж и в другие музеи.

В детстве и юности ВХ был очень близок с матерью и она оказала на него несомненно большое влияние. Е.Н. не всегда понимала то, о чем писал ее сын, но, вне сомнения, она была на его стороне, когда он стоял перед выбором – продолжать ли заниматься естественными науками и стать ученым, или полностью переключиться на литературную деятельность. И, конечно же, она была внимательным читателем его произведений.

Любопытно, что из произведений сына Е.Н. упоминает в мемуарах только две его вещи – пьесу «Маркиза Дзезес» (она была впервые опубликована в сборнике «Сорок судей», I, 1910) и текст, название которого не поддается идентификации – «Сон Прив<едений?>». Вероятно, второй текст не сохранился, или он

¹²¹ Цит. по: Мамаев А. Указ.соч. С.139-140.

опубликован под другим названием (например, стихотворение или рассказ со схожим заголовком «Сон», или каким-либо другим).

В Казани Виктор стал учиться рисованию у профессиональных художников – П.П.Бенькова и Л.М.Чернова-Плесского. Как позже свидетельствовал отец поэта, еще в юности Виктор планировал стать художником и тогда же начал собирать (вместе с младшей сестрой) художественные открытки. Быть может, именно эти непосредственные встречи с неизвестным нам художником в Мурине, а также посещения Эрмитажа и других музеев стали первыми толчками и стимулом к зарождению интереса будущего поэта к искусству, хотя сам ВХ вряд ли мог тогда это осознавать.

В ранней юности он общался, как вспоминала Е.Н., также с репетитором своего старшего брата А.С.Глинкой-Волжским (1878-1940), ставшим впоследствии известным критиком. Сохранилось письмо А.С.Глинки от 17 июля 1933 к Вере Хлебниковой, в котором он вспоминает о жизни вместе с Хлебниковыми в Помаеве и под Казанью и в котором он сообщает, что работает над мемуарами:

Вспоминаю всех вас и как-то на днях, опережая задолго хроникаль<ный> план мемуарной работы, вдруг и без внешнего повода унесся воображением в лесной кордон под Казанью, где в 1899 г. провел красное лето со всеми вами (ребятами) среди берез и сосен, грибов и земляники. Терпкие лесные запахи, сливаясь с <нрзб.> ароматами внутренне пережитой мной в то лето, разворачивается в душе в какую-то такую зовущую симфонию, мысль об одной лишь попытке передать ее в слове солнечной радостью защекотало сердце... Вспомнилось Помаево, Боря, Витя, Шура с его рассказами о птицах, все вы, каждый по своему насыщенные первозданным теплом жизни только еще продирающие глаза, озаряющиеся на огромность ее – ну, вот, как котят, вылезающие из земного лукошка на опушке большого зачарованного леса... Так барахтаясь в зеленых зарослях, слепо наталкиваясь друг на друга (ссорились), ползали вы за грибами, ягодами и золотыми крупичками радости жизни, а я, совсем тоже юный (21 г.), но уже проколотый ядовитостью игл <нрзб.> прокля-

тых вопросов, уже изведавший боль познания самого себя – смотрел на вас всех с умело скрываемой лаской и завистью уже взрослого и вместе неосознанно питался чем-то от вас. Шурка, <нрзб.> с его птичьими рассказами, которыми он буквально захлебывался, дал мне много больше <питания> жизни, чем многие профессора юридического факультета и разные толстые книги. <...> Как-то один из начинающих писателей, узнав, что я знал Викт<ора> Хлебникова (так, вот – из моего угла) заволновался даже и стал уговаривать записать воспоминания. Я почувствовал через него, что это, пожалуй, могло быть кому-нибудь и нужно.¹²²

Особо следует отметить упоминание (без имени) в воспоминаниях Е.Н. студента старшего курса Казанского университета, с которым ВХ сблизился в тюрьме, где они сидели за участие в студенческих волнениях. После тюрьмы этот студент пригласил поэта к себе в Ярославскую губернию (на хутор Терпино, около села Бурмакино). Как удалось установить, речь идет о Петре Владимировиче Кузнецове. Он родился в Терпине в 1880 году¹²³. Как и ВХ, он закончил 3-ю Казанскую гимназию, но знакомы по гимназии, они, видимо, не были, так как он был на пять лет старше поэта, а познакомились они скорее всего в тюрьме. Кузнецов также поступил в университет в 1903 году, но на юридический факультет, после окончания университета стал штурманом дальнего следования. Весной 1904 г. ВХ пробыл у Кузнецова в Терпино около двух месяцев. Затем ВХ вернулся в Казань, и стал посещать историко-литературный кружок, который собирался дома у Кузнецова. К сожалению, о деятельности домашнего кружка почти ничего неизвестно, кроме одного свидетельства соученика ВХ по гимназии, Б.П. Денике (1885–1941), впоследствии известного ученого-востоковеда, который оставил ценные воспоминания о поэте, но в них он ничего не написал об этом кружке. Денике познакомился с Кузнецовым позже, чем ВХ, – осенью 1904 года. В своем дневнике он оставил примечательную запись об этом кружке: «Из интересных событий осени 1904 года отмечу собрания у Петра Владимировича Кузнецова, где

¹²² Письмо А.С.Глинки-Волжского к В.В.Хлебниковой от 17 июля 1933 г. находится в Музее Велимира Хлебникова в Астрахани (сообщено А.А.Мамаевым).

¹²³ Национальный архив Республики Татарстан. Ф.977. Оп. «Совет». Д.34818 (личное дело П.В.Кузнецова. №34705).

В.В. Хлебников, А.В. Хлебников, Н.Н. Рябчевский. Фотография.
Казань. 1903–1904 гг. Собрание А.Е. Парниса (Москва)

Казань. Главное здание университета.
Открытие начала XX века

Вера Хлебникова. Портрет Виктора в студенческой фуражке.
Рисунок. 1903-1908 гг. РГАЛИ

оживленно обсуждались философские и общественные вопросы. Там в конце октября в один и тот же вечер я познакомился с М.М.Хвостовым¹²⁴, В.Н.Ивановским¹²⁵ и Н.А.Васильевым¹²⁶; там бывали С.М.Юрьев¹²⁷, К.Б.Бронковский¹²⁸, М.С.Бухов¹²⁹ и другие. Помню впечатление от этого первого вечера – вечера чистых умственных интересов, умственного подъема: я шел ночью по Грузинской и ощущал это, какое-то очищение от обыденности¹³⁰.

Участие ВХ в этом кружке – неизвестная, но крайне важная страница в биографии поэта. Несомненно, его общение с участниками кружка (некоторые из них были преподавателями университета и известными учеными), оказало серьезное воздействие на его произведения раннего периода. Интерес к философии, психологии и логике возник у ВХ, очевидно, под влиянием общения с участниками кружка (в связи с этим см. философскую повесть под условным названием «Еня Воейков», драму «Госпо-

¹²⁴ *Хвостов* Михаил Михайлович (1872-1920) – историк античности, автор трудов по истории Египта. В 1900-1907 гг. приват-доцент историко-филологического факультета Казанского университета, затем – профессор (с 1907). См. о нем: *Шофман А.С.* Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1978.

¹²⁵ *Ивановский* Владимир Николаевич (1867-1939) – историк философии и психологии, ученый секретарь журнала «Вопросы философии и психологии», приват-доцент Казанского университета (1904-1912), затем – профессор (1917–1919). Под его редакцией вышли переводы книг «Дедуктивная и индуктивная логика» В.Минто (1895) и «Апология сумасшедшего» П.Я.Чаадаева (Казань, 1906). Обе эти книги входили в круг чтения Хлебникова (первую он упоминает в письме к родителям из тюрьмы от 3 декабря 1903 г.).

¹²⁶ *Васильев* Николай Александрович (1880–1940) – один из создателей неоклассической логики, психолог, литературовед, переводчик, автор сборника стихов «Тоска по вечности» (Казань, 1904). В.Брюсов написал рецензию на этот сборник в «Весах» (1904. №6). Н.А. – сын известного математика и общественного деятеля, профессора А.В.Васильева, у которого ВХ прослушал один курс лекций в 1903/1904 годах. Есть предположение, что ВХ посещал домашний кружок, который собирался у Васильевых. См. о нем также: *Харджиев Н.И.* Новое о Велимире Хлебникове (К 90-летию со дня рождения) // День поэзии. 1975. М., 1975. С.201-202. См. о нем также: *Бажанов В.А.* Николай Александрович Васильев (1880–1940). М., 1988.; *Бажанов В.А.* Н.А. Васильев и воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. М., 2009.

¹²⁷ *Юрьев С.М.* – переводчик, вместе с Б.П. Денике перевел с французского яз. «Апологию сумасшедшего» П.Я. Чаадаева (Казань, 1906).

¹²⁸ *Бронковский К.Б.* – сведений о нем обнаружить не удалось.

¹²⁹ *Бухов М.С.* (1884–1938) – экономист, юрист, в 1902–1907 гг. учился на юридическом факультете Казанского университета.

¹³⁰ См. кн.: «И никому не сделал зла...». Памяти Бориса Петровича Денике: автобиографический дневник и воспоминания друзей. М., 2006. С.26.

жа Ленин» и «автоэпитафию» «Пусть на могильной плите прочтут...»). Примечательно, что идея «законов времени» возникла у ВХ весной 1904 г. в Бурмакине (Терпине), когда он жил у Кузнецова, о чем он написал в автобиографии «Свояси» (1919): «Законы времени, обещание найти которые было написано мною на березе (в селе Бурмакине, Ярославской губернии) при известии о Цусиме, собирались 10 лет»¹³¹. Под впечатлением одного из собраний у Кузнецова ВХ написал ранний рассказ «Была уже ночь...»¹³². В неизданной ранней записной книжке ВХ, относящейся к 1904 г., имеется много записей, связанных с орнитологическими наблюдениями, неожиданно на отдельном чистом листе сделана лаконичная запись, которая говорит сама за себя: «Впечатления Терпина».

Мать поэта упоминает также об еще одном малоизвестном факте из студенческой жизни ВХ, о котором пока не обнаружено никаких сведений. Молодой поэт был связан с каким-то революционным кружком и должен был принимать участие в террористическом акте. Об этом вспоминала и сестра Вера¹³³.

И наконец, еще один трагический эпизод из личной жизни поэта в казанский период. В прозаическом автобиографическом тексте ВХ, известном под условным названием «Три Веры» (1916), упоминаются три адресата его стихотворений – Вера Будберг, Вера Лазаревская и некая Вера Казанская. Если о первых двух адресатах имеются краткие сведения (например, известны тексты, обращенные к ним), то о Вере Казанской, вероятно, первой любви поэта, ничего неизвестно, кроме того, что он сам о ней писал:

Или за этой Верой, как за Верой [Лазаревской], блеснит копьё первой Веры, Казанской, умевшей умереть среди цветов, смеясь, среди подруг, [теребивших] ее за руки, чтобы разбудить. Но мак убивает, как выстрел.

Да, последнее время я все чаще и чаще чувствовал блеск копья первой Веры, самоубийцы, на прекрасных девичьих крыльях<в> 17 лет отлетевшей к предкам¹³⁴.

¹³¹ СС. Т.1. С.97. Аберрация памяти ВХ: вероятно, речь идет о гибели броненосца «Петропавловск» (31 марта 1904 г.), на котором погиб командующий Тихоокеанским флотом С.О.Макаров. Известие об этом событии стало трагедией для русского флота.

¹³² СС. Т.V. С.61-64.

¹³³ *Хлебникова Вера*. Воспоминание // *Хлебников В. Стихи*. М., 1923. С.60.

¹³⁴ СС. Т.V. С.151

П.В. Митурич. Портрет Веры Хлебниковой-Митурич.
Рисунок. 1924. ГТГ.

Кто такая Вера Казанская? Это фамилия или прозвище? Когда и почему она покончила с собой? Не является ли она родственницей Петра Александровича Казанского (1874–1919), с которым ВХ летом 1903 г. ездил в Дагестан в геологическую экспедицию, и которая закончилась конфликтом между ними? Никаких сведений о Вере Казанской обнаружить пока не удастся. О геологической экспедиции в Дагестан и о причинах конфликта между ВХ и Казанским впервые рассказала Е.Н. в публикуемых воспоминаниях. Под впечатлением от этой поездки ВХ впоследствии написал стихотворение «Вам» (1909), но это тема отдельного исследования.

Публикуемые здесь воспоминания матери поэта, значение которых трудно переоценить, дают широкую панораму детских, гимназических и университетских лет «долитературного» периода ВХ. Они, несомненно, должны лечь в основу творческой биографии поэта.

Текст воспоминаний Е.Н. печатается по рукописи, находящейся в нашем распоряжении. Она состоит из двух частей, написанных в разное время – в 1923 и 1929 годах. Текст приводится с сохранением авторского стиля матери поэта; некоторые слова, которые не удалось прочесть, обозначаются условными значками: <...>, [].

Во время поиска дома попечителя в Малых Дербетах, в котором родился будущий поэт, мне помогали местные жители, которых уже нет в живых, но я с благодарностью хочу вспомнить их имена – Б.С.Матышевой и П.М.Цибанева. Также хочется с особой благодарностью вспомнить историка-краеведа И.В.Борисенко, который предоставил мне уникальную фотографию дома попечителя, сделанную в 20-е годы. Без их помощи мне трудно было бы развязать этот сложный «калмыцкий» узел. Считаю своим приятным долгом поблагодарить лиц, которые помогали мне в работе над рукописью воспоминаний матери поэта, и тех, кто щедро делился со мной различного рода материалами, – прежде всего хочется назвать Ю.В. Диденко, В.М. Митурич-Хлебникову, С.В. Митурича, А.А. Мамаева, З.А. Малометову, Т.В. Горячеву, Т.А. Рогозовскую, К.М. Азадовского, Г. Квантришвили, Д. В. Татнинова, А. Куваева, А.Р. Биряльцеву, а также сотрудников Национального музея в Кракове.

Хлебникова Е. Н.

<ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О СЫНЕ>

Часть первая

Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам, подписью узника,
На строгих стеклах рока.
Так скучны и серы
Обои из человеческой жизни!
Окон прозрачное «нет»!
Я уж стер свое синее зарево, точек узоры,
Мою голубую бурю крыла – первую свежесть.
Пыльца снята, крылья увяли и стали прозрачны
и жестки.
Бьюсь я устало в окно человека.
Вечные числа стучатся оттуда
Призывом <на родину, число зовут> к числам вернуться.
Зангези.

Виктор Владимирович Хлебников родился в 1885 году, 28 октября, в Калмыцкой степи Астраханской губернии, в Малодербетовском улусе, где отец его был улусным попечителем¹.

С самого раннего возраста Витя, еле овладев звуками речи, сознавал себя маленькой личностью и относился с чувством кроткого превосходства к старшим детям и, не умея еще сам правильно говорить, очень строго и нещадно следил за правильностью речи, – постоянно контролируя своего старшего брата²:

^{1 1} О поиске подлинного места рождения ВХ см. в предисловии к настоящей публикации. См. также примечание № 18.

² *Старший брат* – речь идет о Борисе, родившемся 22 октября 1884 г. и

однажды, во время прогулки по степи, брат его, очаровавшись мотыльком, воскликнул: «Ах, какой айосенький!». Витя, которому было около трех лет, важно и наставительно ему заметил: «Низя кизять айосенький, нузно кизять – кайосенький». Или так: старший брат Боря говорит радостно: «Бобки, мабки, мамыры!», показывая на окружавших горящую лампу бабочек, мошек и комаров, – «Бобки, мабки, макары», – поправляет сурово Витя.

Он также любил, чтобы почтительно относились к его маленькой особе: когда он шел гулять с остальными, то обычно отставал, увлекаясь тщательным обследованием всего нового, заглядывая в норки, присаживаясь над червяком... Раз как-то его мама осмелилась прервать наблюдения, сказав: «Ну, ну, ползи, моя черепашка». Этого было достаточно, чтобы оскорбить Витю, что и было продемонстрировано долгим и мрачным стоянием на одном месте, пока не прошел гнев и не ушли далеко остальные. Но и сам он относился необычно деликатно и ласково к окружающим, удивляя этим даже калмыка, бывшего при доме: «Что это за мальчик, никогда «она» грубого слова не скажет, ни с кем «она» не ссорится», – говорил тот растроганно.

Наружность у Вити была самая привлекательная, за его стройное тельце и хорошенькое личико некоторые звали его «маленьким Аполлоном».

Рос он на приволье: лето в степи знойное, но легкая и чарующая весна: ясное небо, нежная трава и множество золотых цветов засыпают необъятные степи...

Даже свист суслика тогда звучит как-то особенно весенне-нежно и прозрачно как колокольчик. Позже отец стал брать Витю с остальными детьми (братьями³) на охоту – на голубые степные

умершем 11 (или 12) июня 1908 г. в психиатрической больнице Казани.

³ В.А. брал на охоту с раннего детства трех сыновей – Виктора, а также и его братьев Бориса и Александра (1897–1920). Ср. в поздней работе В.А. «Список птиц Астраханского края»: «Восточный козодой добыт в северной части Малодербетовского улуса – 25 IY / 8 Y 1890 (♂)»; «Мои сыновья Виктор и Александр слышали пение самцов [плавунчика – А.П.] в г.Астрахани весной» (Известия Петровского Общества исследователей Астраханского края. Т.1. Вып.3. Астрахань, 1928. С.35, 38). Ср. в раннем письме ВХ (1897) из Помаева к неизвестному адресату (вероятно, к Николаю Дьякову, сыну хозяев дома в Симбирске, в котором проживала его старшая сестра Екатерина): «Папа часто берет нас в лес. Я, Шура и Катя научились набивать <чучела – А.П.> и завели маленькую коллекцию чучел и рисунков ракушек, для чего ходим в Калинный <правильно – Каменный> овраг, где их очень много. <...> В 20 верстах есть озеро, в котором так много рыбы, что

озера, где зовно и радостно носится прилетевшая птица... Где белой сказкой плавают лебеди. Сначала охота так увлекала детей, что, когда они видели красивую птицу, говорили: «Какая хорошая, вот бы ее в коллекцию...»⁴. Но вдруг все изменилось: «Ты победила, ты победила», – кричал издали, размахивая шапкой, отец идущей навстречу их матери. Оказалось, что когда он прицелился было в какую-то «хорошенькую» птицу, поднялся детский бунт под предводительством Вити. «Не надо, не надо убивать птиц – они только живые красивые», – раздавалось со всех сторон, и отцу пришлось заключить с ними мирный договор, что убиваться будут только те, которые уж очень нужны ему для коллекции. Но зато в доме постоянно что-то шелестело, мелькало, скреблось: это прятались приручаемые зверьки. А вечером, когда затихала детская и крепко спал с братьями Витя, в ней начиналась другая жизнь, совсем особенная: вокруг большого медного таза с зажжен-

Шура ловит руками довольно больших рыб» (СВ VI. Кн.2. С.107). Этот интерес детей В.А. к собиранию коллекций сохранялся еще многие годы. Летом 1903 г. ВХ участвовал в геологической экспедиции в Дагестан, а летом-осенью 1905 г. вместе с братом Александром по предложению Общества естествоиспытателей находился в пятимесячной орнитологической экспедиции на Урал (Павдинский завод). После этой экспедиции в октябре 1906 г. он выступил с докладом в Обществе естествоиспытателей и был принят в члены-сотрудники этого Общества. См. его научные работы: *Хлебников В.* О нахождении кукушки, близкой к *Cuculus Intermedius Vahl.*, в Казанском уезде Казанской губернии // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете (1906-1907). Приложение №240. Казань, 1908; *Хлебников В.* Опыт построения одного естественно-научного понятия // Вести студенческой жизни. СПб, 1910. №1. 15 марта. С.11-13; а также: *Хлебниковы В.В. и А.В.* Орнитологические наблюдения на Павдинском заводе // Природа и охота. М., 1911. №12. С.1-25 (см. перепеч.: СВ VI. Кн. 1. С. 11-12; 18-21; 303-331). Орнитологические наблюдения ВХ продолжал вести и в последний свой приезд в Астрахань (август 1918 г.- март 1919). См. также: *Харджиев Н.* Новое о Велимире Хлебникове // День поэзии. 1975. М., 1975. С. 203 – 204; а также примеч № 48.

⁴ В.А. собирал не только личную коллекцию птиц, но и коллекции для университетов. Как член-сотрудник Петербургского Общества естествоиспытателей, а затем Казанского Общества и почетный член Петровского Общества исследователей Астраханского края, он также собирал коллекции птиц, млекопитающих, земноводных и пресмыкающихся для Петербургского и Казанского университетов, Императорской Академии наук, а также для Астраханского краевого музея. В 1890 г. на Казанской научно-промышленной выставке В.А. был награжден Большой серебряной медалью «за систематизирование обширной коллекции птиц Астраханского края, напечатания списка этих птиц и за содействие к устройству научного отдела выставки» (см. илл: *Мамеев А.* Астрахань Велимира Хлебникова. Астрахань, 2007. Между с.80-81).

ной лампочкой посредине (это мера против пожара) собиралось таинственное общество: тушканчик, еж, черепаха и еще какой-то зверек, они сидели кружком, не шевелясь, уставясь пристально на огонь – так проходили в детской часы до рассвета...

Из степи вся семья переехала временно в Петроград к бабушке (по матери)⁵, там часто, к ее ужасу, детей водили в Эрмитаж, в картинные галереи, музеи⁶. Летом, живя в Мурине, под Петроградом, в первый раз Витя увидел северную природу⁷, пылливо всматриваясь и вслушиваясь в ее лесные тайны.

И затем семья двинулась в Волынскую губернию, куда перевелся на службу отец Вити⁸. Там жили в бывшем имении кня-

⁵ Здесь речь идет о бабушке – Марии Петровне Вербицкой (урожденной Левитовой, 1826? – 1909?), которая была женой действительного статского советника, помещика Черниговской губернии Николая Осиповича Вербицкого (1816 - 1895/1896). Начиная с июля 1891-го по лето 1895 г., Е.Н. вместе с детьми подолгу (летом-осенью) жила у своих родителей в Петербурге, а также на дачах в Мурине и в Сестрорецке. Ср., например, в письме ее сестры В.Н.Вербицкой к В.А. от 13 октября 1891 г. из Петербурга (см.: *Мамеев А.* Указ. соч. С.140).

⁶ Ср. об этом в недатированном письме В.А. к Е.Н. из Подлужного в Петербург: «...Сведи непременно Витю в Эрмитаж и всех четверых в зоологический сад и зоологический музей Академии наук. Зайди с ними в соборы Казанский и Исаакиевский. Покажи, по крайней мере, Кате, Боре и Вите образ Божьей матери на <нрзб.> Каз<анского> собора. Вот еще одно поручение. Узнай, сколько стоит голова Спасителя, хорошая копия с работы какого-нибудь знаменитого художника. Например, такая, что у меня <нрзб.>. Я хочу скопить деньги, чтобы сделать это приобретение для детей. Такую картину можно будет повесить, как образ, в хорошей рамке. Когда пойдешь в Эрмитаж, составь программу, чтобы показать, чтобы не утомить впечатления, но статуи не обходи» (см.: *Чуйков Ю.* Почему тускнеют жемчужины. Астрахань, 1996. С.98). См. также в недатированном письме Е.Н. к мужу: «Сегодня собиралась уже в 3-й раз в Эрмитаж: помешала сильная выюга... Пиши, приедешь ли в отпуск по делам...» (Там же. С.99).

⁷ Будущий поэт, вероятно, увидел впервые северную природу в Мурине в июле 1891 г., когда Е.Н. с детьми приехала из Калмыцкой степи в Петербург к родителям (см. цитированное в предисловии письмо В.Н.Вербицкой к В.А.). Это было связано с переводом В.А. на новую службу – Окружным надзирателем 1-го разряда Беловежского удельного управления.

⁸ В.А. перевелся в Волынскую губернию на должность управляющего Подлужанским удельным имением Ровенского уезда и проработал в этой должности с 8 июля 1891 г. по 27 июля 1895 года. О своих детских годах, проведенных в Подлужном, ВХ вспоминал в незаконченной очерке «Нужно ли начинать рассказ с детства?...» и упоминал в автобиографической заметке (1914): «Жил на Волге, Днепре, Неве, Москве, Горыни» (СС V. С.202-204; СС VI. Кн.2. С.243). Ср. в воспоминаниях сестры поэта: «Там было приволье: река Горынь, чудный парк, запущенные цветники, всевозможные развалины... Это заставляло работать детское воображение, и Витя упорно утверждал изумленным братьям, что у него свое королевство и каждый день за ним прилетает белый лебедь...» (цит. по:

зей Чарторийских⁹, окруженном с трех сторон древним лесом. К дому прилегал парк необычайный – своими редкими растениями, деревьями, множеством цветов и... фруктовых деревьев, которым детьми уделялось особое внимание. Перед домом цветники – целый радостный, душистый праздник цветов...

Таинственные развалины сгоревшего дворца "Palazzo"¹⁰, блесевшие на солнце голубым и перламутровым отливом расплавленного стекла и изразцов, внизу, через аллею лиственниц и вязов – канал, весь выложенный деревом, для увеселительных катаний княгини Радзивилл¹¹; в конце парка – фамильная каплица¹², в которой хранились в особых урнах набальзамированные сердца бывших владельцев (так требовал старинный польский обычай). Для детей все это было неисчерпаемо таин-

Хлебников В. Стихи. М., 1923. С.59).

⁹ Здесь ошибка памяти Е.Н.: имение в селе Подлужное со второй половины XVII в. принадлежало не князям Чарторийским, а магнату С.Радзивиллу, в начале XIX в. Михаилу Радзивиллу. Ошибка мотивирована тем, что последняя владелица Подлужного Марцелина Радзивилл в 1840 г. вышла замуж за князя Александра Чарторийского (см. примеч. №11).

¹⁰ "Palazzo" – дворец Радзивиллов в Подлужном был построен архитектором Хенриком Иттаром в начале XIX в. Он запечатлен на акварели известного художника Наполеона Орды (1862-1872), которая здесь воспроизводится впервые (см. подробнее о нем в предисловии). Дворец сгорел, вероятно, в 70-80-х годах XIX века.

¹¹ Вероятно, здесь речь идет о графине Эмилии (урожд. Ворцелль, 1795–1822), жене князя Михаила Радзивилла (1791-1846), который в 1820-х гг. устроил в усадьбе Подлужное новую резиденцию. Марцелина Чарторийская (урожд. Радзивилл, 1817–1894) – известная пианистка, последняя и любимая ученица Ф.Шопена. В 1851 г. (по другим сведениям – в 1860-м) она продала имение русскому правительству. Ее портрет работы Яна Матейко находится в музее Чарторийских в Кракове (сообщено Х.Бараном). См. также о ней в предисловии.

¹² Каплица – католическая часовня. Возможно, Е.Н. ошибается, речь может идти о костеле, построенном Михаилом Радзивиллом. В крипте костела находились фамильные захоронения рода Радзивиллов. Здесь были похоронены князь Михаил, умерший в 1846 г., его младший сын Михаил и другие предки Радзивиллов. По описанию польского исследователя Р. Афтанази, «здание было двухэтажным, девяностосеовым, имеющим в плане классический прямоугольник, с покрытием в виде ровной четырехскатной крыши с двумя симметричными дымовыми трубами. Главный фасад был украшен портиком из шести дорических канелированных колонн, увенчанных треугольным фронтоном. Гладкие фасады дворца были расчленены подчеркнуты лишь межэтажными карнизами. Что до интерьеров, то на эту тему нет пока никаких сведений» (Aftanazy R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej: 11 т. Т. 5. Województwo: wołyńskie. Wydanie drugie przejrzone i uzupełnione. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź: Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1994).

ственным миром.

Зима обычно бывала мягкая, с ранней весной: и в конце февраля земля в парке и лесу покрывалась фиалками, лиловыми, белыми, как забытые душистые снежинки, анемонами... Дети всегда были на страже: нужно было не пропустить появления новых цветов – когда должен был зацвести сон¹³, они с матерью (обязательно с ней, а не с французенкой-гувернанткой¹⁴, так как это были прогулки слишком интимные) отправлялись в лес – так продолжалось всю весну и лето. Витя с увлечением учился у матери узнавать и определять травы и цветы, всегда интересуясь их свойствами: он был очень горд, когда ему удалось из полевых васильков сделать чернила... У него был свой гербарий и цветничок, за которым он усердно ухаживал, вспоминая, что особое внимание он уделял барвинку¹⁵, этому странно-простому цветку.

А летом грибы, никто – как в детстве, так и после – не умел их отыскивать, как Витя... он всегда так <умел> подстерегать лесные тайны. Бывало, когда только что прошел кто-нибудь другой – это был просто зеленый лесной мох, ровный и бархатистый, но при появлении Вити, под приподнятой им моховой крышей, появлялась целая семья крошечных белых или других грибов и он, торжествуя (как и бывало уже взрослым), бережно укладывал их тонкими белыми пальцами в корзину или кузов. Это было чудесной тайной для младших – ведь найти большой гриб – это на диво...

У каждого из братьев было свое сказочное царство, и они изредка, милостиво разрешали друг другу его навещать.

Еще тогда у него явилась впервые мысль создать новый об-разный язык, и одно из слов его, как помнят старшие, нередко

¹³ Речь идет о сон-траве (*Pulsatilla patens*) или простреле раскрытом. См. стих. ВХ (1912): «Сон – то сосед снега зимой...» (СС I. С.241).

¹⁴ Здесь имеется в виду домашняя учительница французского языка m-le Adrienne (Адриенна Роже), которая занималась с будущим поэтом и другими детьми Хлебниковых в Подлужном и Помаеве. ВХ вспоминал о ней в письме к родным от 30 декабря 1909 г. (СС VI. Кн.2. С.131). Сохранилось ее письмо к ВХ на французском языке, датированное 26 октября 1896 г. (см. перевод письма: Мамаев А.А. «В Хлебникове есть все...». Астрахань, 2010. С.78-80). См. также фотографию, на которой запечатлена А.Роже вместе с детьми Хлебниковых (см.: Старкина С. Велимир Хлебников. Король времени. СПб., 2005. С.28).

¹⁵ Об интересе ВХ к барвинку и свойствах цветов см. в предисловии.

можно было слышать в разговорах между братьями, это – «зуб-каразуб», что означало нож и казалось могуче-восхитительным всем троим.

Учиться читать он начал еще в степи четырех лет. И здесь с увлечением читал русские и французские книги¹⁶, уже тогда особенно увлекаясь историей, что выразилось лишь придуманной им игрой в печенегов, где в обиду он себя не давал и был неустрашимо храбр.

К жизненным явлениям он и тогда относился философски: однажды растерявшаяся прислуга прибежала к его матери, крича: «Витя горит!», – та двинулась скорее его спасать – они встретились на лестнице – Витя медленно поднимался вверх, спокойно сияя навстречу маме голубыми глазами; она остановилась совершенно успокоенная, но когда Витя подошел, оказалось, что сзади у него горит рубашка – он просто торжественно нес маме – свой пожар; и пока мама, вновь перепуганная, спешно тушила огонь, он спокойно и терпеливо стоял в размышляющей позе наблюдателя.

Отец был первым, кто пристрастил Витю к рисованию, сам рисуя не без увлечения картинку для детей.

И когда Витю спрашивали, кем бы он хотел быть, он, не задумываясь, отвечал: «Художником»¹⁷.

¹⁶ Сестра поэта впоследствии опровергла эти сведения, которые вызваны тем, что Степанов неверно прочел соответствующее место в рукописи воспоминаний Е.Н. и привел их в первом биографическом очерке о ВХ (СП I. С.8). Уже после выхода первого тома СП сестра поэта в письме к Степанову от 5 декабря 1928 г. высказала свои замечания, например, она усомнилась в следующих сведениях, приведенных Е.Н.: «Конечно, <с> 4 лет он читал мало, а особенно французских книг... Может только начал читать...» (письмо находится в нашем распоряжении).

¹⁷ Сохранилась статья Петра Митурича и Веры Хлебниковой «Велимир как художник» (1933; РГАЛИ. Ф. 613. Оп.1. Ед. хр. 7115). Митурич во второй части этой статьи, опубликованной нами, вспоминал: «Велимир Хлебников имел врожденные наклонности к изобразительному искусству. Еще будучи 14-летним гимназистом, после уроков и вечерних занятий садился с сестрой и братом за рисование (портрет с натуры), <...> которым руководил молодой художник, а ранее рисовал маленькие уголки натуры или с репродукций. Отцу он говорил, как свидетельствует сам Владимир Алексеевич, что если бы по своей воле избрал специальность, то остановился бы на живописи. Тяготение и живой интерес к живописи у него были и потом всегда...» (Литературное обозрение. 1985. №12. С.102). Впоследствии ВХ был дружен и творчески связан со многими художниками-авангардистами начала XX века (Д. и В. Бурлюки, М. Ларионов, Н. Гончарова, К. Малевич, П. Филонов, В. Татлин, Л. Бруни, Б. Григорьев, В. Ер-

Отец переехал из степи на Волынь главным образом, чтобы показать более жизненную, разнообразную природу детям, чтобы показать им лес и научить полюбить его, который он сам так любил.

Из Волыни снова двинулись в Симбирскую губернию, в село Помаево¹⁸, кругом также были огромные леса с чудесными сказочными цветами, и еще таинственней казались они от поверий и преданий, которыми их одарил народ: мало было мест, где бы, по словам стариков, не было зарыто под лесными курганами клада, заколдованного... богатырского, разбойничего, и были в нем кольчуги, мечи и, конечно, золото...

И беда тому, кто разроет его в неурочный час! Или сам богатырь-великан лежит издревле под курганом. Иные видели, как Стенька Разин скачет по лесу на коне... А ночью голубыми огнями мечется нечистая сила – блуждающие огни, оберегая клады.

Так что путешествие на «Репище»¹⁹ – языческую лесную молельню мордвы (на солнечной, лесной, нагорной поляне) – было, особенно для младших детей, радостно-мучительным: чудилось, что вот-вот откроется холм кургана и из него поднимется кто-то кольчужный, с мечом,... и ни в коем случае нельзя было взбегать на эти бугорки, чтобы не оскорбить «его». Зато там, на поляне, покрытой душистыми цветами и клубникой, все забывалось.

милов, М. Доброковский, П. Митурич), а также выступал как теоретик искусства.

¹⁸ Помаево – В.А. работал три года, с 27 июля 1895 г. по 27 июля 1898 г., управляющим Помаевским удельным имением Буинского уезда Симбирской губернии. Среди местных жителей Помаева, по свидетельству краеведа Э. Подтяжкина, еще в начале XX в. имели хождение легенды о Степане Разине, которые он записал.

¹⁹ «Репище» – поле, засеянное репой, здесь, по свидетельству Э. Подтяжкина, – место, «где мордва отмечала свои праздники. В определенное время года, на троицу, там собирались все жители окрестных мордовских деревень (5 сел) плясать, играть, танцевать. Устраивались кулачные бои. Русским туда вход был закрыт» (письмо от 25.02.76 г.). Поэт и его сестра Вера проявляли серьезный интерес к быту, фольклору и этнографии мордвы (см. незаконченную поэму ВХ «Напрасно юноша кричал...» – СС III. С.60-66). По утверждению Харджиева, ВХ в работе над этой поэмой использовал монографию И.Н.Смирнова «Мордва» (Казань, 1905) и статью П.Мельникова (А.Печерского) «Очерки Мордвы» (Русский вестник. М., 1867. Т.71) (см.: Хлебников В. Неизданные произведения. М., 1940. С.434). Сохранилась мордовская шапка, принадлежавшая ВХ, и портрет работы Веры Хлебниковой «Велимир в мордовской шапке» (1911; см. илл. в кн.: Мамаев А.А. Астрахань Велимира Хлебникова. С.72-73).

По праздникам мать Вити, которая любила старинные песни, устраивала дома странно-необычные пляски с пением: плясали молодые мордовки, высокие и статные, в старинных уборах их бабушек, носились они по горнице, стуча каблуками сапог, звеня бесчисленными раковинами, бусами и деньгою высоких колдовских шапок, с развевающимися черными «хвостами», с бьющимися на шеях монистами, с дико раздувающимися ноздрями на разгоревшихся лицах...

Понемногу пляска затихала, меркла дикая яркость... Их наделали конфетами и пряниками. Затем, чинно «заводились» тягучие песни...

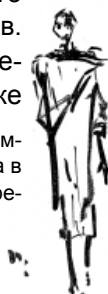
Много было вокруг ключей и русл пересохших рек, где проводил Витя с остальными детьми подчас целые дни, ползая по сухому дну реки, усыпанному морскими раковинами и окаменевшими частями мелких морских животных другого периода Земли. Протирались насквозь костюмчики, опухали до боли колени и локти (так как полагалось ползать на четвереньках), но зато коробочки, карманы наполнялись такими редкостями... Сколько было найдено перламутровых отпечатков чудесных морских раковин,... чертовых пальцев (белемнитов, аммонитов), тонких и острых зубов.

Еще собирались нещадно: коллекция бабочек, птичьих яиц и гербарий. Так что весь день нужно было быть настроженным, зорким и быстрым. Хотя у Вити все это шло спокойно своим чередом.

Но все это было прервано увозом его в Симбирск для поступления в гимназию²⁰. Это первое событие, как-то надломившее светлые лучи его голубой жизни. Витю приняли в третий класс гимназии. Там было принято «испытывать новичка». Не миновал этого и Витя, его называли «Чижиком» и приступили к делу: не обошлось без щипков, не говоря о словесной атаке. Витя стойчески выносил все это, но вдруг терпенье истощилось, и он славно отколотил своими крепкими кулачками ближайшего врага, став сразу равноправным товарищем в глазах озорников.

Учиться ему было легко, но его угнетала постоянная «неправда» в отношениях учеников с учителями. Его тяготила также

²⁰ В августе 1897 г. ВХ поступил в 3-й класс симбирской классической гимназии и проучился в ней один год (по май 1898). Незадолго до своего отъезда в Симбирск ВХ написал одно из первых стихотворений «Птичка в клетке» (6 апреля 1897 – День поэзии. 1975. С. 203).

жизнь в чужой семье, куда он был помещен матерью, он начал тосковать по дому. Или, придя к старшей сестре²¹, которая тоже училась в гимназии и жила в другой семье, он начинал горько плакать, но никто не мог добиться причины. Однажды, когда приехавшая к нему погостить мать уезжала обратно домой, он в холодный осенний день выбежал не одетый из дому и бежал так долго по улице, пока ему не удалось догнать тарантас; и к ужасу матери он весь мокрый от дождя, слез, с растрепанными ветром волосами вскочил к ней и стал опять целовать... Пришлось ехать обратно к Е.К.²², где он жил, чтобы как-нибудь успокоить его. Огорчали его также новые стороны открывавшейся ему жизни; он настолько не мог сказать кому-либо неправды, что когда однажды Е.К., у которой он жил, очень добрая и умная, попросила его ласково пойти и сказать, что ее нет дома, когда кто-то позвонил или пришел, Витя остановился изумленный: «Как же я это скажу, когда Вы дома?!», – и как его не убеждала она, Витя, обычно мягкий и податливый, остался при своем, наотрез отказавшись пойти.

Помнит также мать его, как он, возвращаясь с ней домой в Помаево, после поступления в гимназию, сидел на тарантасе на большом мешке с яблоками, обещанными за успех, и звонко смеясь, бросал их пригоршнями направо, налево, бегущим гурьбою за ними светлоголовым ребятишкам – он был счастлив. Это повторялось все сто верст пути в каждом селе и деревне, пока не опустел мешок.

Весною Витя так затосковал, что отец нашел необходимым переселить семью в Симбирск, хотя это было сопряжено с большими трудностями. Витя опять ожил. Был у него тогда хороший товарищ, такой же мягкий и нежный, как он сам – Сережа Масловский²³; свободное время они проводили обычно вместе,

²¹ Старшая сестра поэта Екатерина (1883-1924) в это время также училась в симбирской женской гимназии. См. о ней в главке «Катя»: Чуйков Ю. Указ. соч. С.99-103; и в кн.: *Мамеев А.А.* «В Хлебникове есть все...». Астрахань, 2010. С.14-20.

²² Здесь имеется в виду Елена Константиновна Никольская, знакомая Хлебниковых, которая была, вероятно, родственницей друга и однокашника отца поэта В.А. – А.М.Никольского (1858-1942), впоследствии известного ученого-зоолога, академика.

²³ Жизненные пути будущего поэта и его друга детства Сергея Ивановича Масловского (1885 - ?) неоднократно пересекались. Они учились в одной и той же

живя вдобавок по соседству, нисколько не пренебрегая общением младшего брата Вити и маленькой сестры²⁴.

Затем двинулись семьей в Казань²⁵. Здесь Витя был принят в Третью гимназию²⁶. Учителя относились к нему с особым вниманием, даже батюшка, хотя Витя никогда не знал его уроков, выделял его, говоря, что на его лице виден отпечаток чистой и правдивой души²⁷. Хотя он предпочитал чтение готовке уроков

симбирской гимназии, которую Масловский закончил в 1903 г., поступив в том же году на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета. 5 ноября 1903 г. он, как и ВХ, также участвовал в студенческой демонстрации и был арестован полицией, просидел в тюрьме один месяц. В 1906 г. он покинул университет, чтобы продолжить обучение за границей (Национальный архив республики Татарстан. Ф. 977. Д. 34735; Ф. 977. Д. 207-а. Л. 90). Известно, что он впоследствии также встречался с Хлебниковыми. Младший брат поэта Александр сообщал отцу в письме от февраля 1913 г.: «Ко мне недавно заходил Сережа Масловский, он теперь инженер и служит в Москве в какой-то иностр<анной> компании. Просил кланяться вам» (см.: Волга. Саратов. 1987. №9. С.154). Между тем, по свидетельству сестры поэта Веры (в неизданном письме к Степанову), Масловский был не инженером, а юристом. Сохранилось одно письмо М. Масловского к В.А.Хлебникову (РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. Ед. хр. 00).

²⁴ *Маленькая сестра* – Вера Хлебникова (1890-1941), будущая художница, автор первых воспоминаний о ВХ, написанных сразу после известия о смерти поэта (см.: *Хлебников В. Стихи*. М., 1923. С.57-62; *Хлебникова В. «Что нужно душе...»*: Стихи. Проза. Письма. М., 2000).

²⁵ Летом 1898 г. Хлебниковы переехали в Казань – В.А. был переведен на должность управляющего Казанским удельным имением Казанской губернии. Об этом периоде ВХ см.: *Аристов В.В.* В.В.Хлебников в Казани. Казань, 2001; *Старкина С.* Казанские друзья В.В.Хлебникова // *Вестник Общества Велимира Хлебникова*. М., 1996. Вып.1. С.67-74; *Биряльцева А.Р.* По казанским следам Велимира Хлебникова // *Вестник Общества Велимира Хлебникова*. М., 2002. Вып.3. С.156-166.

²⁶ В сентябре 1898 г. ВХ поступил в 4-й класс Третьей гимназии Казани (Гимназический пер., №1, дом Чемезова), которую закончил в 1903 году. Соученик ВХ по гимназии Б.П.Денике (1885-1941), впоследствии известный искусствовед – востоковед, вспоминал: «Я познакомился с Хлебниковым в 1898 году в Казани, куда он приехал из Симбирска, чтобы поступить в 4-й класс III гимназии. Тихий, замкнутый, говоривший коротко и односложно, он произвел на товарищей впечатление малоспособного мальчика. Через год преподаватель словесности (Суханов В.М. – А.Л.) сказал, что прочтет лучшее сочинение. Оно поразило нас оригинальностью языковых оборотов и очень свободным подходом к теме. “Это написал Виктор Хлебников”, – сказал преподаватель. Хлебников во время чтения сидел с равнодушным видом, как будто это его не касалось. Вскоре, однако, преподаватель словесности разочаровался. Он сказал, что у Хлебникова есть способности, но он их губит стремлением к необычным выражениям» (День поэзии 1975. С.202).

²⁷ Закон Божий в гимназии с 1898 по 1903 год преподавал священник Василий Васильевич Кошурников.

и сидел обычно дома и в классе с двумя книгами рядом – учебник сбоку, а спереди просто книга, в общем он шел из первых, и сами учителя старались как-нибудь оправдать его, когда он не знал урока. Не так было с греческим – греческого Витя не выносил, а «грек» был беспощаден...²⁸ Витины сочинения обычно читались в классе ученикам.

Также выделялся он по математике, заинтересовав самого преподавателя П., бывшего выдающимся математиком²⁹.

В Казани Витя все больше и больше стал увлекаться рисованием, и отец, который шел всегда навстречу разумным увлечениям детей, пригласил ему в учителя ученика казанской художественной школы³⁰. Но учеников оказалось четверо – Витя, два брата и маленькая сестра, отец пробовал было за малолетством ее «изгнать», но ее упорство и Витина защита победили. Рисовали карандашом и красками, с натюрморта быстро перешли на портреты с живой натуры (карандаш), так продолжалось

²⁸ У ВХ в гимназии были разные преподаватели греческого языка. В аттестате зрелости ВХ за №732 (1903) по греческому языку стоит оценка 3 и общая – 4 и подписано – Черняев (ЛГИА. Ф.14. Оп.3. Ед. хр.53212. Л.8).

²⁹ Математику в 3-й гимназии с 1901 по 1903 г. преподавал Николай Николаевич Парфентьев (1877-1943), который затем стал преподавателем математики в Казанском университете. С 1904 г. он – приват-доцент, впоследствии получил звание профессора и стал видным деятелем науки, президентом Казанского физико-математического общества, недолго (в декабре 1921 – марте 1922) был ректором Казанского университета, одним из организаторов конкурсов имени Лобачевского (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904): В 2 частях. Ч.1. Казань, 1904. С.451-452). Известно, что в 20-х годах Н.Н. Парфентьев написал воспоминания, но разыскать их пока не удалось.

³⁰ В гимназии рисование и чистописание преподавал П.К.Вагин (1859-?). Здесь, вероятно, имеется в виду Павел Петрович Беньков (1879-1949), впоследствии известный художник, много лет работавший в Самарканде и Ташкенте. Он учился в Казанской художественной школе и преподавал рисование детям Хлебниковых до своего поступления в Академию художеств в Петербурге (1901). См. альбом: Павел Петрович Беньков / Авт.-сост. М.Лещинская. М., 2009. Затем ВХ и его сестра продолжали занятия у художника Л.М.Чернова-Плесского (1883-1943), ставшего известным книжным графиком. Сохранились двойной портрет работы Чернова-Плесского, изображающий Виктора и Веру, а также портрет их матери (Музей В. Хлебникова, Астрахань; см.: *Старкина С.* Указ. соч. С.34). О Чернове-Плесском см. в словаре: *Усевич Е.* Кинешемские художники. Кинешма, 2000. С.52-54; *Корнева Н.Л.* Опальный художник // Приволжская правда (Кинешма). 1993. 28 августа; *Рыбаков И.* Леонид Чернов-Плесский. Живопись, графика, поэзия. Каталог выставки. Тула, 2002. *Кончин Е.* «Это прекрасный город». Кинешма: художники, картины, музеи... М., 2008. С. 149 – 161.

и на следующий год, но потом Витя стал отходить, увлекаясь все больше и больше литературой и начав писать сам³¹. К этому приблизительно времени относится написанный им и посланный к Горькому на суд большой рассказ или повесть³².

В его комнате, когда он был у себя, на столе бывало разложено множество листков, обрывков, написанных его паутинным почерком. Тогда же его начала тяготить обывательская обстановка. Он вынес из своей комнаты всю мебель, оставил стол, кровать и стулья, на окне повесил новые мелкоплетеные рогожи и детски радовался своему новшеству, говоря, что только в такой обстановке он может заниматься, но скоро рогожи надоели ему, и он их выбросил куда-то.

В то время он успевал работать по математике (для него это было наслаждением), естествознанию, увлекаясь историей, филологией, литературой, философией, начав писать сам, не было области знания и мысли, в которую бы он пытливым не заглянул, творчески стремясь проникнуть в сущность ее, и в то же время он и тогда еще охотно уделял время самым детским шалостям, вовлекая в них младших. Его трудно было вывести из себя, и обычно уступчивый, временами он становился непреодолим, возможно, «правотой», в упрямстве, и тогда он изобретал самые невероятные меры наказания-возмездия за несправедливость или обиду. Так было однажды еще в Симбирске: обидевшись за

³¹ По свидетельству сестры, ВХ стал серьезно пробовать свои силы в литературе в последних классах гимназии (см.: *Хлебников В. Стихи*. С. 60).

³² Здесь неточность: Хлебников послал Горькому не прозу, а пьесу «Елена Гордякина», которая не сохранилась (удалось обнаружить лишь одну сценку из этой пьесы). Ср. в воспоминаниях сестры: «Я смутно помню, что как-то, взяв меня таинственно за руку, он увел в свою комнату и показал рукопись, исписанную бисерным почерком, внизу стояла крупная подпись красным карандашом: "Горький", и многие места были подчеркнуты и перечеркнуты красным. Витя объяснил, что он посылал свое сочинение Горькому, и тот вернул с своими замечками, насколько помню, одобрил, так как вид у Вити был гордый и радостный» (*Хлебников В. Стихи*. С. 60). Между тем Горький крайне негативно отнесся к присланной пьесе и отказался ее опубликовать. Сравнительно недавно удалось разыскать письмо Хлебникова в Горькому, связанное с этой пьесой, но, к сожалению, ответное письмо автора «Фомы Гордеева» с отзывом о ней не сохранилось. Скорее всего, ВХ обрадовал сам факт, что Горький внимательно отнесся к его пьесе и написал отзыв о ней. В дальнейшем Горький продолжал отрицательно относиться к творчеству Хлебникова. См. подробнее об этом: *Парнис А. Неизвестная пьеса Хлебникова «Елена Гордякина»: к истории литературного дебюта // Творчество Велимира Хлебникова в контексте мировой культуры XX века. Астрахань, 2003. Ч. 1. С. 193-194* (там же опубликована сохранившаяся сценка из этой пьесы).

что-то на маму, он решил подчеркнуть это особым способом. На табуретку были поставлены один за другим стулья, затем выше положено множество подушек со всех кроватей, начиная с самой большой маминой, а затем на самом верху этой странной башни, почти под потолком, возлежало «мамино зеркало». Все это было устроено в маминой комнате, и Витя, радостно и ясно сияя голубыми глазами, ждал, окруженный восхищенными младшими, мамино прихода. Увидя все это, она просто удивилась, а Витя торжествовал, так как никто, кроме него не сумеет расколдовать этой башни – при малейшем неловком движении все рухнет и гибнет «мамино зеркало». И он, после победоносных взглядов в мамину сторону, с добродушием победителя, быстро и ловко все разобрал, вернув побежденной зеркало. Но все это обычно делалось без малейшей злобы... С тех пор, как появилась у младшей сестры коса и по мере того, как она росла, она чуть ли не ежедневно бывала в удобную минуту привязана им незаметно и бережно к стулу занявшейся чем-нибудь сестры (обычно за рисованием), а Витя где-нибудь в стороне внимательно следил за самым интересным – когда стул не пустит сестру встать, и она оглянется и увидит его весело улыбающееся лицо. У него это выходило очень мило, почти ласково, обычно эти маленькие развлечения он устраивал себе после самых серьезных и вдумчивых занятий, может, в противовес им. Совмещая в себе мыслителя и ребенка, его расцветающий мозг походил на тот сказочный «алый цветок», который «в урочный час» откроет счастливцу клад³³ – этим счаст-

³³ Речь идет об одной из народных легенд, связанных с цветением папоротника. По древнеславянской традиции, каждый год в ночь на Ивана Купала, с 23 на 24 июня (7 июля), бог Ярило посылает на землю огонь, который разгорается в цветке папоротника. Цветок распускается в полночь на одно мгновение, и человек, увидевший цветущий папоротник получает способность находить в земле клад, а также понимать язык деревьев, трав, птиц, зверей и домашних животных. Кому удалось найти цветок папоротника, того ожидает счастье и богатство, цветок откроет тайны и человек обретает способность постигнуть *прошлое, настоящее и будущее*. По преданию этот цветок горит ярко-красным пламенем. Здесь упоминание «алого цветка» папоротника, вероятно, навеяно повестью Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала», которую мать поэта неоднократно читала своим детям.. Автобиографические записи, написанные сестрой поэта и неслучайно датированные 23 июня 1923 г., также начинаются с этой легенды: «Папоротник цветет маленьким неприглядным цветком, но если сорвать его в урочный час, тогда может вспыхнуть и загорится Алокупальский цвет...» (Хлебникова В. «Что нужно душе...»: Стихи. Проза. Письма. С.26). Не исключено, что этот образ навеян также сказкой С.Т.Аксакова «Аленький цветочек».

ливцем стал он сам.

Часть вторая

В Каз^{анскую} гимназию В^{итя} поступил, вероятно, в 1898 г. в 4-й класс³⁴. Первое время его поражала сильно грубость учителей по отношению <к> ученик^{ам}. Иногда после какого-нибудь конфликта между ними он приходил печальный, жаловался на головную боль. Учителя сразу его выделили среди других. Сочинения его учитель слов^{есности}³⁵ держал у себя в кармане, и, раздав все сочинения, читал В^{итино} вслух как образцовое. Учитель математ^{ики} из универ^{ситета}³⁶ приглашал его к себе на дом, давал разные книги, толковал с ним. Также обратил на него внимание уч^{итель} истор^{ии}³⁷. В^{итя} интересовался истор^{ией}, много читал, но уроки не всегда готовил. Учитель, вызвав его врасплох, не ставил плохой отметки, а говорил: «Ты, верно, не мог по болезни или другой причине приготовить урок, спрошу тебя в другой раз». Такое отношение к нему тянулось б^{ольшее} года, и он совсем не готовил урок^а истор^{ии}, а только читал, с жадностью брался за книги по естес^{тво}знанию, истории, забыв про уроки. Иногда говорил с юмором: «Как хорошо! Еще только 11 ч^{асов} (веч^{ера}), а я уже знаю половину одного урока. По З^{акону} Б^{ожью} он еле знал мол^{итвы} и тексты. Свящ^{енник}³⁸ ему многое прощал, говоря, что на лице его – отпечаток правдивой, чистой души. Раз в стар^{шие} классы приехал архиерей во время ур^{ока} З^{акона} Б^{ожия}. Лучшие ученики по З^{акону} Б^{ожью} были слабоваты и спутали все молитвы, в том числе и В^{итя}. Батюшка не растерялся; сказал архиерею, что ученики все перепутали от смущения в присутствии такого лица. Дело обошлось

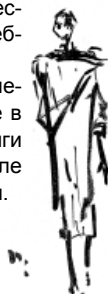
³⁴ См. об этом также в примеч. №26.

³⁵ См. о В.М.Суханове в воспоминаниях Б.П. Денике (примеч. №26).

³⁶ См. о Н.Н.Парфентьеве в примеч. №29. Имеются сведения, что ВХ весной 1922 г. послал Н.Н.Парфентьеву в Казань свой «Временник Велимира Хлебникова». № 2. 1922.

³⁷ Историю и географию в гимназии преподавал известный филолог, исследователь чувашского языка В.А. Белилин (1852-1932). Он принимал участие в разработке первого варианта чувашского алфавита, а также был автором книги «Двадцатипятилетие Казанской 3-й гимназии. 1871-1896» (Казань, 1896). После Октябрьской революции он – один из создателей новой системы образования.

³⁸ См. о нем в примеч. №27.

благополучно.

Равнодушно относился к В<ите> учитель греч<еского> и лат<инского> яз<ыков>³⁹, ставил, как и прочим, отметки за ответы, и <по> эти<м> предмет<ам> он д<олжен> б<ыл> готовиться. Вообще он шел всегда <одним – А.П.> из лучших учеников. Увлекался еще рисованием.⁴⁰ Для занятий по рисованию на дому В<ите> и еще двоим (брату и сестре) приглашали учеников худож<ественной> школы⁴¹.

По летам жили где-нибудь на даче, кругом б<ыло> при-волье, леса и луга, купанье. Любил В<итя> бродить по лесу, наблюдать за птицами, искать грибы, ягоды, которых б<ыло> изобилие. В семье все его чрезвычайно любили, он б<ыл> кроток и мягок, иногда т<олько> на него совершенно неожиданно нападало какое-то упорство. Иногда <?> там бывал репетитор Г<линка>⁴² его брата, с котор<ым> он мог беседовать. Вообще жили в своей семье, знакомых б<ыло> немного. В<итя> любил ходить в Т<ашевку ?> <нрзб>, от обуч<ения> танц<ам> все почему-то отказались.⁴³ Еще В<итя>, как и его бр<ат> и се-

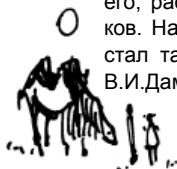
³⁹ См. о преподавателе греческого языка Черняеве в примеч. №28. Латинский язык в 3-й гимназии преподавал В.П. Андроников, он же подписал аттестат зрелости ВХ.

⁴⁰ См. о П.К. Вагине в примеч. №30.

⁴¹ См. об этом там же.

⁴² Речь идет об А.С. Глинке (1878-1940, псевдоним - Волжский), мыслителе, критике, историке литературы. В юности он был домашним учителем в семье Хлебниковых (в 1896-1898 гг. в деревне Помаево Симбирской губернии и летом 1899 г. под Казанью). Сохранились четыре письма Глинки – одно к старшему брату Борису от 24 июля 1898 г. (РГАЛИ. Ф.527. Оп.1. Ед.хр.346) и три письма к сестре Вере, относящиеся к 1930-м годам (Музей В.Хлебникова, Астрахань). В одном из них (от 14 июля 1933 г.) он сообщает, что планирует написать воспоминания о семье Хлебниковых, которые пока разыскать не удалось. См. о нем также в предисловии.

⁴³ *Ташевка* – село находится в 64 км. от Казани на правом берегу Волги в районе Услонских гор. В 1907 г. ВХ часто бывал в Ташевке у своих друзей – в семье Дамперовых, которые снимали там же дачу. Варвара Дамперова, в которую был влюблен ВХ, в неизданных мемуарах вспоминала о таком эпизоде: «Устраивали маскарад и решили, что Хлебников будет пажем, он отнесся к этому с полной готовностью. Сшили из простыни ему огромный костюм, и Хлебников стал учиться танцевать. Так как это не ладилось, то знакомый, обучавший его, расчертил на полу мелом все па, которые должен был сделать Хлебников. На маскараде Хлебников пригласил даму, стал с ней к печке и от печки стал танцевать. Увлечение танцами продолжалось недолго» (Воспоминания В.И.Дамперовой были записаны А.Г.Островским в 1930-х годах). См. о Ташевке

стры, не выносил нем<ецкого> языка⁴⁴, все б<ыли> достаточно подготовлены, но при малейшей возможности отказались от немецк<ого> яз<ыка>. На книги и образование детей отец денег не жалел, во всем себя урезывал, чтоб им б<ыло> все необходимое, все пятеро д<етей> учились на трудовые деньги отца, не было никаких стипендий, пособий.

По летам иногда ездили по Волге в Астрахань (родину отца)⁴⁵. Отец старался развить в детях любовь к ест<ественным> наукам. В<итя> часто с ним беседовал и далеко заглядывал вглубь ^{46*}.

При окончании г<имназии> с ним чуть не произошел казус. Тогда обязательна б<ыла> исповедь. В<итя> пошел на исповедь к священнику и на вопрос св<ященника>, верит ли он в Б<ога>, ответил просто, что он не верит. Свящ<енник> ответил: «Ежели не веришь, то иди прочь». В<итя> ушел. Дома он б<ыл> очень удручен, так как это грозило исключением из гимназии. Отец, конечно, б<ыл> тоже огорчен, обдумывали, что делать. Когда я узнала, в чем дело, <то> посоветовала идти исповедоваться в мал<енькую> церковку, где бат<юшка> совершенно глухой. Отец и В<итя> не верили, что это поможет делу, но я их уговорила попробовать немедленно. В<итя> пошел к глухому бат<юшке>, тот говорил свое, В<итя> свое, и все обошлось благополучно. Инцидент был улажен. При выпуске В<итя> окончил <одним – А.П.> из лучших, медали не получил, пять по З<акону> Б<ожию> у него не выходило, в среднем двенадцать за два года.⁴⁶

также в воспоминаниях Д.И.Дамперова (см. примеч. №72).

⁴⁴ Немецкий язык в 3-й гимназии преподавал А.В.Барон. Неприязнь к немецкому языку впоследствии переросла у ВХ в антигерманские тенденции в его произведениях.

⁴⁵ А.А.Мамаев установил, что супруги Хлебниковы возили детей в Астрахань, когда они проживали еще в Калмыкии, в конце XIX в. – в 1885-1891 годах (см.: Мамаев А. Астрахань Велимира Хлебникова. Астрахань, 2007. С.17). Затем он посетил родину отца летом 1903 г., когда после конфликта с руководителем геологической экспедиции П.А.Казанским был вынужден возвращаться в Казань через Астрахань. ВХ приезжал сюда и в 1911г., а начиная с сентября 1912 г., когда родители окончательно переехали из Алферова на родину В.А., он стал бывать у них ежегодно, вплоть до последнего приезда в августе 1918 года.

^{46*} [На полях:] «Он часто так глубоко заглядывал вглубь, думалось, что со временем он сделает что-нибудь большое» (прим. Е.Н.).

⁴⁶ ВХ закончил гимназию «хорошистом», в аттестате зрелости (№732) по Закону Божьему была проставлена оценка «четыре», а также было отмечено, что он «занимался с большим интересом математикой» (ЦГИА. СПб. Ф.14. Оп.3.

Забыла упомянуть, что когда они ходили в гим<назию>, то им приходилось видеть, как учат солдат и бьют их по щекам и по лицу. Это их страшно возмущало, и они с горечью рассказывали про это и сожалели, что ничем не могут помочь.

Во время Ок<тябрьских> свобод, они ходили кого-то спасать и в телефон просили выслать солдат д<ля> защиты евреев от монархистов.⁴⁷

Должно б<ыть>, в 1906 г. Витя получил от универ<ситета> командировку в Павдинский З<авод> на Урал⁴⁸. Денег выдали ему всего 100 р<ублей>, но он набрал порядочно в коллекцию, помогал ему младший брат, ездивший на свой счет. Зимой нужно б<ыло> дать отчет о своей поездке. В<итя> отправился

Ед. хр.53312. Л.8).

⁴⁷ Манифест 17 октября 1905 г., или так называемый Октябрьский манифест Николая II, провозглашал политические права и гражданские свободы (свободу совести, свободу слова, свободу собраний, свободу союзов и неприкосновенность личности). Однако этот Манифест привел к всеобщей забастовке и к массовым еврейским погромам в Российской империи – прошло до 690 погромов, во время которых погибло более 800 евреев.

⁴⁸ Аберрация памяти Е.Н.: ВХ участвовал (вместе с братом Александром) не в 1906 г., а с мая по октябрь 1905 г. в орнитологической экспедиции на Павдинский завод (Урал). На заседании Общества естествоиспытателей профессор А.А.Остроумов выступил с заявлением: «Прошу Общество оказать материальное содействие в размере 100 р<ублей> студенту В.Хлебникову для орнитологических сборов на Павдинской даче, в Северной части Среднего Урала. Он обладает навыком к наблюдениям над жизнью птиц и к коллектированию и мог бы составить интересную коллекцию гнезд, яиц и птичьих шкурок» (Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1904-1906. Казань, 1907. Приложение к Протоколам... №233. С.3-4). На 399-м заседании Общества от 12 апреля 1905 г. принято решение: «Студенту В.В.Хлебникову <выделить – А.П.> 100 руб<лей> для орнитологических сборов в Павдинской даче (сев<ерная> часть Средн<его> Урала)» (Протоколы... С.21). Брат ВХ Александр в двух письмах к родным (от мая и 20 июня 1905 г.) подробно описал их пребывание на Павдинском заводе (см.: Волга. 1987. №9. С.140-142). Братья Хлебниковы провели в экспедиции около пяти месяцев и привезли коллекцию из 111 экспонатов, которую передали в Зоологический музей Казанского университета. Сестра поэта Вера в своих замечаниях Степанову по поводу первой биографии ВХ в неизданном письме к нему от 5 декабря 1928 г. сообщала: «Коллекции эти собраны совместно с младшим братом его Александром или, главным образом, им, ездившим с В.В., того требует отметить истина и справедливость. Это был тоже высокоодаренный человек (он пропал без вести в последней войне). А В.В., насколько помню, привез бесконечные записи, где много уделяется места напевам лесных птиц... И спустя много времени читал, кажется, отчетный доклад в Каз<анском> университете».

на собрание⁴⁹, но говорил оч^{чень} тихо, а, вернувшись, отвечал нам с кротостью: «Я так тихо говорил, что никто ничего не разобрал». ⁵⁰ Так оно и вышло, его труда не заметили.⁵¹

В 1903 г. он кончил г^{имназию}. Приятно б^{ыло} смотреть на его жизнерадостное лицо и ясные глаза, пытливо всматривающиеся в окружающее. Отец устроил ему поездку с одним прив^{ат}-доц^{ентом} в Дагестан⁵². Но вышло неудачно:

⁴⁹ Через год с небольшим на заседании Общества естествоиспытателей от 3 декабря 1906 г. ВХ прочел «Отчет о поездке на Урал летом 1905 г» (Протоколы... С.11, 23, 37).

⁵⁰ Папа <должен> б^{ыл} сам тебе писать, он б^{ыл} цензором, и что сам вспомнил, того я не поместила, долго мы говорили о В^{ите}. П^{апа} б^{ыл} с^{ильно}?> расстроен, <мы> спорили, чуть не поссорились и т.д. П^{апа} даже вспомнил д^{ядю} Петю^{50*}, говорил, что он б^{ыл} прав, <отказывая мне ?>. Увы! Я очень <боюсь?> <нрзб> об этом вспоминать (примеч. Е.Н.).

^{50*} Речь идет о Петре Николаевиче Вербицком (1854–1918?) – брате Е.Н., генерал-майоре, главном редакторе журнала «Морской сборник». Он жил в Петербурге. У ВХ произошел с ним конфликт, по-видимому, из-за «закона времени», которым поэт много занимался в это время, и из-за этого дядя прекратил с ним отношения. Ср. в статье профессора В.Я.Анфимова, записавшего рассказ ВХ о П.Н.Вербицком: «Другой дядя, будучи морским офицером, категорически отказывался от какого-либо плавания и достиг большого служебного положения, редактируя специальный журнал. Был известен как выдающийся полиглот. Был страстным любителем птиц. Его, как в свое время композитора Глинку, окружали в квартире целые стайки птиц. Особенно он любил попугаев. Когда пришли годы революции с последующими экономическими затруднениями, он никак не мог приспособиться к изменившимся обстоятельствам Ленинграда (!) и погиб от истощения среди своих попугаев» (Анфимов В.Я. К психопатологии творчества. В.Хлебников в 1919 году // Труды 3-й Краснодарской клинической гор^{одской} больницы. Вып.1. Краснодар, 1935. С.67).

⁵¹ Этот труд «не заметили», скорее всего, потому что ВХ и его брат напечатали свой отчет только через шесть лет после прочитанного доклада (см. примеч. №3).

⁵² Перед началом учебы в Казанском университете, летом 1903 г., ВХ участвовал в геологической экспедиции в Дагестан, возглавляемой приват-доцентом Казанского университета П.А.Казанским (1874–1919). На заседании Общества естествоиспытателей 23 марта 1903 г. П.А. Казанский выступил с заявлением об ассигновании ему 300 рублей для изучения мезозойских отложений губернии Симбирской, Саратовской и Дагестанской области (см.: Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1902-1903. Казань, 1904. С.19, 20, 27). Отец поэта В.А. на этом заседании поддержал просьбу П.А.Казанского о предоставлении ему денег на экспедицию. Впоследствии П.А.Казанский напечатал «Предварительный отчет о геологической экскурсии в Дагестан летом 1903 г.» (Приложение к протоколам Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. 1903-1904. Казань, 1904. №232. С.1-8). Во время экспедиции (до конфликта) ВХ

В<итя> любил зоол<огию> и бот<анику>, а доц<ент> б<ыл> геолог<ом>. На месте они ходили по пустым местам, где б<ыли> интер<есные> геол<огические> отложения, и В<ите> приходилось носить д<ля> своего спутника тяжелые камни. Словом, В<итя> был использован д<ля> геол<огии>. Часто ему приходилось, несмотря на его кротость, спорить со спутником; [последний дошел до того, что раз, когда они о чем-то заспорили, д<олжно> б<ыть>, В<итя> отстаивал свои права, Каз<анский>, не долго думая, плюнул в стоявший перед В<итей> стакан чаю].⁵³ Это их разлучило. В<ите> едва удалось добраться до Астр<ахани>⁵⁴, там родные ему помогли, и он добрался и до Каз<ани>.⁵⁵

Осенью он начал посещать унив<ерситет>.⁵⁶ С удовольствием ходил на лекции и увлекался математикой.

5 н<оября> была студ<енческая> демонстрация.⁵⁷ Полиция

побывал в аулах Гуниб, последнем оплоте имама Шамиля, и Гергебиле. Эта поездка в Дагестан в 1903 г. и впечатление от «могил вольностей» нашли отражение в его стихотворении «Вам», написанном через шесть лет (в СС этот текст ошибочно отнесен к поездке поэта в Дагестан в 1909 г.).

⁵³ Зачеркнуто рукой Е.Н., на полях помечено : «Цензура не пропустила».

⁵⁴ Эта вынужденная самостоятельная поездка ВХ в Астрахань в 1903 г. была для него после долгого перерыва почти случайной – до этого он бывал в родном городе отца только с родителями в раннем детстве.

⁵⁵ Вскоре должны были начаться занятия в университете, а в Обществе естествоиспытателей он, вероятно, должен был сделать отчет об экспедиции в Дагестан и объяснить причину конфликта.

⁵⁶ ВХ был зачислен 13 августа 1903 г. на физико-математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета. Начиная с этой фразы, в рукописи воспоминаний Е.Н. имеются два листа (с незаполненными оборотами), которые являются фактически повтором эпизодов, связанных с университетским периодом ВХ, но с незначительными разночтениями. Фрагменты с повторами снимаются, но сохраняются те места, где есть серьезные разночтения с основным текстом.

⁵⁷ Эта студенческая демонстрация возникла после музыкального концерта, приуроченного к годовщине Казанского университета. В докладной записке попечитель Казанского учебного округа Спешков сообщал ректору университета Д.И.Дубяго: «Казанский губернатор, секретным отношением от 6 ноября, за №6406 уведомил меня, что 5 ноября, в 10-м часу вечера, по окончании концерта студенческого музыкального кружка, студенты, собравшись в актовом зале университета, начали петь песни: "Gaudeamus", затем «Дубинушку» и другие песни. Остановленные Вашим превосходительством студенты прекратили пение и, направившись толпою к выходу, намеревались возобновить пение на улице, причем кто-то из студентов пытался запеть «Дубинушку», а другие «Из страны далекой». При самом выходе толпы из университета, по сообщению казанского

разгоняла учащихся. Отец пошел и уговаривал Витю уйти, но он остался. Когда стали арестовывать, многие убегали почти из-под копыт конной полиции. Витя не бежал, а остался, как он объяснял потом: «надо же было кому-нибудь и отвечать». Его записали, и на другой день полицейский увел в тюрьму.

В тюрьме он провел месяц. С ним много сидело студентов. Книг, вероятно, давали им мало,⁵⁸ гуляли тоже немного; от

губернатора, полицией тотчас же был вызван приготовленный заранее резерв, который быстро рассеял собравшихся, причем часть студентов возвратилась в университет к оставшимся там товарищам. Вскоре после этого из университета появилась на улице новая толпа студентов, из среды которой послышались голоса: «К театру, там споем». Один закричал: «Спойте вечную память Симонову» (Сергей Львович Симонов - бывший студент Казанского университета, который был арестован и скончался в земской больнице 26 октября 1903 г. - А.Л.). Другие крикнули: «Шапки долой», и толпа запела «Вечную память». Полиция тотчас же окружила демонстрантов, коих было около 100 человек, и часть их, шумевшая у парадного входа в университет и кричавшая полиции: «Долой, вон», - была задержана и отправлена в полицейскую часть, а остальные снова вернулись в вестибюль университета, разбив при входе несколько стекол в парадном крыльце. Через некоторое время Ваше превосходительство, по просьбе находившихся в университете студентов, обратились по телефону с запросом к полицмейстеру относительно задержанных полицией лиц и получили ответ, что по составлении протокола о случившемся и по удостоверении в личностях, задержанные будут освобождены. На этом беспорядок окончился. О вышеизложенном имею честь сообщить Вашему превосходительству, с приложением списка лиц, задержанных полицией в указанное время.

Попечитель Округа *Спешков*.

Правитель Канцелярии *Жохов*.

(Национальный архив Республики Татарстан. Ф.977, Инспектор студентов. Д.207-а. Л.90).

К этой записке приложен список студентов, арестованных 5 ноября 1903 г., который состоит из 32 лиц. Под номером четырнадцать в нем значится: **Хлебников Виктор Владимирович**. См. также публикацию казанских архивных материалов об аресте студентов Ю.Биряльцевой в газ. «Астраханская Веранда» (№ 38, март 2004 г.).

Сам поэт вспоминал об этом аресте в сохранившемся прозаическом фрагменте: «Нас не била плетъ, но плетъ свистала над нашей спиной. Четвертого <ноября> прошлого года мы мирно беседовали в этот час у самовара, пятого мы пели, мы стояли спокойно у дверей нашей Alma Mater, а шестого уже сидим в Пересыльной тюрьме. Вот мое прошлое, которым я горд» (СС V. С. 60).

⁵⁸ 3 декабря 1903 г. ВХ писал родителям из тюрьмы и просил прислать нужные книги: «Я не писал оттого, что думал, что кто-нибудь приедет на свидание. Теперь осталось уже немного — дней пять, а может, и того еще меньше, и время идет быстро. Мы все здоровы, на днях был выпущен один чахоточный — студент Кибардин, ему устроили шумные проводы. <...> У меня есть одна новость, которую я после расскажу. Я занимался на днях физикой и прошел

скуки они занимались борьбой. Когда В<итя> вернулся домой, одна его рубашка б<ыла> вся в мелких клочках, до такой степени ожесточенно они боролись. С этих пор с ним произошла неузнаваемая перемена: вся его жизнерадостность исчезла, он с отвращением ходил на лекции или совсем не посещал. Бывший его товарищ по заключению, студент ст<аршего> курса⁵⁹ очень ему симпатизировал и предложил В<ите> ехать с ним в его Ярослав<скую> деревню, чтоб встряхнуться. Витя отправился и отдохнул там мес<яца> два.⁶⁰ Но, вернувшись в

больше 100 страниц, сегодня читаю Минто. Один из нас, математик 1-го курса, написал Васильеву письмо, спрашивал, как быть с репетициями. Васильев отвечал, что последние репетиции будут 18 декабря, так что к ним всегда можно будет подготовиться. Из анализа я прошел больше половины. Здесь есть несколько с хорошим слухом и голосом и перед вечерним распределением по камерам мы их слушаем, а иногда поем хором. Сгорела ли художественная школа? До нас дошли слухи, что она горела, но сильно или немного – не знаем. Пожар этот можно было предвидеть, потому что там много легко воспламеняющегося материала и еще больше керосиновых ламп в картонных абажурах» (СС VI. Кн.2. С. 107, 109). *Минто* – имеется в виду одно из изданий университетского учебника «Дедуктивная и индуктивная логика» английского логика и литературоведа В.Минто (1845-1893), первый русский перевод которого, сделанный С.А.Котляревским под редакцией В.Н. Ивановского, вышел отдельным изданием в 1896 году.

⁵⁹ *Студент старшего курса* – в тюрьме ВХ сблизился с П.В.Кузнецовым (1880-?), студентом-юристом, который был старше его на пять лет. О нем вспоминала Е.Н. в другом варианте мемуаров, также не называя его по имени: «Книг давали им мало. В одной компании с В<итей> было еще двое». Вероятно, первый – П.В.Кузнецов, второй – С.И.Масловский, соученик ВХ по симбирской гимназии. Сохранились свидетельства о том, что после тюрьмы поэт посещал литературно-философский кружок, который собирался дома у Кузнецова, но об этом кружке не удалось обнаружить почти никаких сведений, кроме краткого упоминания самого ВХ. На рукописи раннего очерка «Была уже ночь» (1904) стоит помета: «После собрания у Кузнецова» (СС V. С.398). Ср. свидетельство об этом кружке соученика и друга поэта Б.П. Денике в предисловии.

⁶⁰ После потрясения, вызванного месячным пребыванием в тюрьме, ВХ уволился из Казанского университета (согласно прошению от 23 февраля 1904 г.) и, чтобы прийти «в себя», вскоре уехал к своему старшему другу П.В. Кузнецову на его родину – в Ярославскую губернию в село Бурмакино (хутор Терпино). По другой версии, сообщенной Е.Н., он провел в Бурмакине (Терпине) один месяц: «Витя пробыл в деревне один м<есяц>, немного отдохнул, но рвение к лекциям пропало, он перестал ходить в унив<ерситет>, мечтал уехать из Каз<ани> и уехал в Москву». Пребывание в Бурмакине было для него знаковым событием. В автобиографии «Свои» (1919) он написал, что именно в Бурмакине он дал себе клятву найти «законы времени», по которым можно предсказывать будущее (см. об этом также в предисловии).

Каз^ань>,⁶¹ стал стремиться в Москву.⁶² Как его н^ее отговаривали, он все-таки уехал.

Вернулся на лето в Каз^ань>, жил в деревне среди лесов.⁶³ Он производил впечатление человека с^ильно> чем-то подавленного. Писанием как будто не занимался, много читал.⁶⁴

Во время японской войн^ы> усиленно читал газеты⁶⁵ и говорил, что рус^ские> б^удут> побиты и что это б^удет> им по-

⁶¹ Летом 1904 г., после Бурмакина, он жил в деревне под Казанью и уехал в Москву только в начале августа, где провел около месяца. О встречах с ВХ в селе под Казанью вспоминал его соученик по гимназии Б.П. Денике: «Летом 1904 года студент Хлебников жил в селе на берегу Волги, один в избе. Бытовая его неприспособленность была поразительна. Помню, однажды я пришел к нему, и мы решили сделать яичницу. Масла не оказалось.

— Это ничего, — сказал Хлебников. И, разостлав на сковородке бумагу, не без ловкости изжарил яичницу таким своеобразным способом. Мне эта яичница не понравилась.

Приходя к нему в избу, я часто заставлял его за изучением японского языка.

— Я ищу в нем особых форм выразительности, — объяснил мне Хлебников...

В этот период Хлебников увлекался поэтами-символистами, внимательно следил за «Весами», знал наизусть многие стихи Сологуба» (см.: *Харджиев Н. Новое о Велимире Хлебникове // День поэзии. 1975. С.202*).

⁶² Поездка ВХ в Москву в августе 1904 г. (это был его первый «вылет» из дома) была связана, вероятно, с его литературными интересами и с попыткой завести литературные знакомства. Он послал А.М. Горькому (на адрес редакции издательства «Знание») свое первое произведение — пьесу «Елена Гордячкина» (писатель дал отрицательный отзыв, пьеса и отзыв не сохранились, см.: *Парнис А.Е. Неизвестная пьеса Хлебникова «Елена Гордячкина»: К истории литературного дебюта // Творчество Велимира Хлебникова в контексте мировой культуры XX века: В 2 ч. Астрахань, 2003. Ч. I. С.191-197*). Сохранились также два письма ВХ к родителям из Москвы с рассказами о посещениях музеев и с описанием древней архитектуры столицы (СС VI. Кн. 2. С.109-110).

⁶³ Ср. в другом варианте воспоминаний Е.Н.: «Летом вернулся в Казань, жили все на даче. Он в это лето м^ало?> писал, больше гулял в лесу, занимался фило^софскими?> разгов^орами» (с Т. <Вл. ?>). К сожалению, эти инициалы расшифровать не удалось.

⁶⁴ Эти сведения не совсем верны: в это время он начал серьезно заниматься литературной деятельностью, написал свое первое произведение — пьесу «Елена Гордячкина» и ряд других текстов

⁶⁵ ВХ не только внимательно следил за событиями русско-японской войны (1904–1905 гг.), но и стал изучать японский язык, собирал японские лубки и стал углубленно изучать культуру Японии. Как он сам написал в автобиографии «Своиси» (1919), при известии о гибели 31 марта 1904 г. броненосца «Петропавловска» поэт дал клятву «найти законы времени» (см. в предисловии и в примеч. № 62). В кн. «Битвы 1915-1917 гг. Новое учение о войне», написанной через 10 лет после русско-японской войны и вышедшей в ноябре 1914 г., ВХ пытался построить «морской закон», сопоставляя хронику этой войны с датами русских походов в Сибирь: «Война 1904 г. была уменьшенным и обратным повторением завоевания Сибири» (СС VI. С.98). См. также примеч. №87.

лезно в будущем. Конечно, тогда общество считало японцев не сильными врагами, и потому его предсказания вызывали горячие протесты и негодование. Кажется, в это время он переменил ест<ественный> ф<акультет> на математи<ческий>⁶⁶; в чте<нии> он сильно разбрасывался, увлекался то одним предметом, то другим. Один наш знакомый из унив<ерситета>⁶⁷ 67 говорил по этому поводу, что с высоко даровитыми людьми это бывает, [пока они выйдут на настоящую дорогу, в пример приводил Спенсера и Л.Н. Толстого.⁶⁸]

Дни свободы 17 окт<ября> проводили с увлечением: ходили на митинги, затем собирались спасать студ<ентов> от преследования, вызывали патрули солдат для спасения евреев от избивения⁶⁹. В кружке революционеров⁷⁰, к кот<орому> принадлежал и В<итя>, налаживался какой-то террорист<ический> акт. В<итя> д<олжен> б<ыл> действовать в качестве караульного солдата⁷¹. С<о> свойственной ему наивностью он спрашивал меня, как нужно отдавать честь офицерам. Я ему посоветовала взять на себя другую роль, т.к. не только военный, но даже такой несведущий человек, как я, догадался бы, что он переодетый рев<олюционер>, а не солдат. Отсутствием малейшей военной выправки он может погубить все дело. Выступление это не удалось, я разыскала сол-

⁶⁶ Аберрация памяти Е.Н.: будущий поэт сначала поступил на математическое отделение физико-математического факультета Казанского университета, а затем в конце февраля 1904 г. уволился из университета и два месяца жил в Ярославской губернии у своего друга П.В. Кузнецова, а затем в августе 1904 г. был снова принят, но уже на естественное отделение этого же факультета.

⁶⁷ Вероятно, речь идет о профессоре зоологии А.А. Остроумове (1858 – 1925), или о профессоре зоологии М.Д. Рузском (1864 – 1948).

⁶⁸ Зачеркнуто рукой Е.Н. и на полях помечено: «Цензура не пропустила». Здесь речь идет о следующих фактах из биографии английского философа и социолога Герберта Спенсера (1820 – 1903), одного из родоначальников позитивизма и эволюционизма: он долго отказывался от образования в Кембридже, а потом и от должности профессора в лондонском колледже, в молодости часто менял профессии, он был учителем, инженером, журналистом. Его книги были в домашней библиотеке Хлебниковых. Кроме того, имеются в виду, вероятно, такие факты из биографии молодого Л.Н. Толстого: он, как и ВХ, также учился в Казанском университете и переходил с одного факультета на другой, но так и не закончил его.

⁶⁹ См. примеч. № 47.

⁷⁰ Об этом революционном кружке никаких сведений обнаружить не удалось.

⁷¹ В своем письме к Степанову от 5 декабря 1928 г. Вера Хлебникова сделала поправку к этим словам из воспоминаний матери поэта: «В.В. надлежало сыграть роль жандарма, а не караульного солдата».

датскую шинель, в кот<орой> б<ыло> больше земли, чем сукна, и едва удалив ее, сожгла. Ему делалось все труднее заниматься систематично. Говорил, что ему мешает готовиться к экзамену комната, недостаточно светла; дали ему другую комнату, он стал готовиться к репетиции по физике, но потом сообразил, что не может. Переехал в отдельную комнату, но в ней только спал, а целый день б<ыл> дома. Опять перебрался домой, но все не помогало, готовиться не мог. Может, у него б<ыла> сильная невращаемость. Лето он проводил один в деревне на берегу Волги.⁷² Должно быть, он тогда много писал, но тексты, вероятно, б<ыли> мрачного характера, т.к. по ночам он ходил по берегу Волги [по заброшенному деревенскому кладбищу]⁷³ и там декламировал⁷⁴.

В <190>8-м г. здоровье его не поправилось, он все порывался куда-нибудь уехать, и мы отправились втроем в Крым ранней весной⁷⁵. Поселились на берегу моря в Судак. В<итя> ходил

⁷² В деревне на берегу Волги – вероятно, здесь речь идет о деревне Ташевка. См. в связи с ней примеч. №43, а также в воспоминаниях его соученика Д.И.Дамперова: «Ближе мне пришлось узнать Хлебникова в 1907 году, когда, вернувшись из Парижа, я с женой и сестрами проводил лето на Волге, в деревне Ташевка, километрах в 30 (? – А.П.) ниже Казани. Там же, в крайней (считая вниз по Волге – первой) избушке, на самом берегу поселился и Хлебников. Характерно, что и здесь он искал уединения и максимальной близости к природе» (цит. по: *Харджиев Н.* Новое о Велимире Хлебникове // *День поэзии.* 1975. М., 1975. С.201).

⁷³ Приведенные в тексте в квадратных скобках слова зачеркнуты Е.Н. Через год после летнего пребывания в Ташевке ВХ написал в Крыму стихотворение «На кладбище» (1908), связанное с прогулками по деревенскому кладбищу и навеянное, вероятно, несохранившейся ранней картиной Б.Д.Григорьева, изображавшей кладбище (см. ниже).

⁷⁴ Здесь в рукописи в круглых скобках – непосредственное обращение Е.Н. к дочери Вере: «(Ты жила тогда в Жигулях)». *Жигули* – Жигулевские горы. Возможно, в 1907 г. Вера Хлебникова выезжала на этюды (?) в долину Жигулевских гор.

⁷⁵ Ошибка памяти Е.Н.: в конце апреля 1908 г. в Судак приехали не трое, а четверо Хлебниковых. Кроме матери поэта, здесь находились трое ее детей – Виктор, младший брат Александр и сестра Вера. Для ВХ поездка в Судак была принципиально важна – он здесь познакомился с мэтром символизма поэтом Вяч. Ивановым, которому незадолго до этого он послал на отзыв свои стихи, и это знакомство фактически продолжалось всю жизнь. Кроме того, здесь он познакомился с молодым художником Б.Д. Григорьевым, который впоследствии нарисовал четыре портрета главы будетлян (см. в связи с этим: *Парнис А.* Встречи в Судак в 1908 году: Хлебников, Б.Григорьев и Вяч. Иванов // *Антикварный мир.* №7. Октябрь. 2014. С.77-85). См. также: *Парнис А.* Вячеслав Иванов и Хлебников: к проблеме диалога и о ницшевском подтексте «Зверинца» // *De Visu.* 1992. №0 (нулевой). С.39-45.

осматривать Генуэзские развалины⁷⁶, отыскивал скорпионов и совершал дальние прогулки по окрестностям. Раз как-то с торжеством объявляет по возвращении с прогулки, что он добыл около десяти скорпионов. Спирту у нас не было, и они могли разбежаться к соседям. Я взяла у него банку и оставила на ночь на низеньком каменном заборчике. Утром прихожу: банки на боку, а курсы что-то усердно подбирают; я подумала, что они съели скорпионов и несколько успокоилась. Раз принесенная им сколопендра забралась к соседям, и было большое смутение.

В Крыму он много плавал и так далеко уплывал в море⁷⁷, что со спасательной станции за ним посылали лодку с матросами, его привозили силою, очоженевшего, мы его отогревали, убеждали, но при первой возможности он опять уплывал.

Из Крыма осенью он уехал в Петербург, и там началось его знакомство с писателями и художниками⁷⁸. Тогда, кажется, он написал «Маркизу Дзэс» и «Сон Привидений?»⁷⁹. Был он в высшей степени непрактичен, не мог обойтись на деньги, которые ему высылали, нашел где-то за городом занятия репетитора с гимназистками, за стол и 5 рублей в месяц, но скоро эти занятия стали его тяготить, и он их бросил⁸⁰.

⁷⁶ Генуэзские развалины – речь идет о Генуэзской крепости в Судак, построенной генуэзцами в 14–15 веках на Крепостной горе в оборонительных целях.

⁷⁷ Ср. в воспоминаниях художника Б.Д. Григорьева: «Я считал его по крайней мере гидрофобом, но каково было мое удивление, когда Хлебников уплыл в море так далеко, что его перестало быть видно» (*Григорьев Б.* <О Хлебникове и футуристах>: Глава из неизданных воспоминаний «Моя жизнь» / предисл. и примеч. А.Парниса // *Антикварный мир.* С.72).

⁷⁸ В августе 1908 г. ВХ перевелся из Казанского университета на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, и в связи с началом занятий выехал из Судака в Петербург. В северной столице он дебютировал в молодежном журнале «Весна» (в октябре 1908 г.), а через секретаря журнала В. Каменского познакомился с молодыми литераторами. В мае 1909 г. он стал посещать «Башню» Вяч. Иванова, сблизился с его кружком и стал членом Академии стиха. В феврале 1910 г. В.Каменский познакомил его с Д.Бурлюком, Е.Гуро, М.Матюшиным и др. поэтами и художниками-новаторами.

⁷⁹ Пьеса Хлебникова «Маркиза Дзэс», направленная против журнала «Аполлон» и его сотрудников, была написана в конце 1909 г. и была напечатана в апреле 1910 г. в сборнике будетлян «Садок судей» I. О втором тексте «Сон Привидений?» никаких сведений обнаружить пока не удалось, вероятно, он не сохранился.

⁸⁰ В начале февраля 1910 г. ВХ снял комнату на окраине Петербурга у купца Михайлова по адресу: Волкова деревня, Волковский проспект, №54. Он давал уроки двум дочерям хозяина дома. Сохранился альбом Л.Михайловой, в который ВХ впи-

Вообще он не любил систем<атических> занятий, и ему б<ыло> трудно подчиниться и стеснить свое «я». В Петерб<урге> он, д<олжно> быть, с<ильно> нуждался. Ходил с год на лекции, а затем бросил и уехал на лето к нам в Киев<скую> губ<ернию>⁸¹, опять уехал, д<олжно> быть, в Москву, и начались его постоянные перекочевки с места на место. Приезжал он к нам в Полтав<скую> губ<ернию>. Жил в г<ороде> Лубн<ы>⁸², с каждым приездом он становился все нервнее и о своих планах мало сообщал.

сал два стихотворения (см.: *Старкина С.* Хлебников в альбоме Людм. Михайловой // *Русская литература*. 2003. №1. С.213-219). К этому времени относится и акварель Б.Д. Григорьева, изображавшая поэта, входящего в ворота Волкова кладбища (портрет не сохранился, но он экспонировался на отчетной выставке в Академии художеств в 1911 г. и был репродуцирован в ж. «Нива». 1911. №32. С.580). См. об этом в воспоминаниях Д. Бурлюка: «Через несколько дней я отправился за Хлебниковым на Волкова кладбище, чтобы перевезти его к себе, в нашу поместительную комнату на Каменноостровском проспекте (в Новой Деревне), где была, кроме <кроватей?> для нас, троих братьев Бурлюков, еще кушетка, где и решили устроить Витю, чтобы не расставаться. Велимир Владимирович Хлебников жил у купца на уроке за комнату. Это был деревянный неоштукатуренный дом, и во все окна, с одной стороны глядели кресты Волкова кладбища, то близкие, то далекие, то призрачные, то четкие, то малые, то... В моем воображении, когда я шагал за Велимиром, к нему, составились стихи, к ним Рославец написал музыку. <...> Витя занимался «за комнату» с двумя очень вспухшими блондинками, дочерьми купца: как длинные репы, висели на их розовых шеях сзади тугие косицы. Хлебников не решался, я заявил мамаше, что забираю студента. Быстро собрали «вещи», что-то очень мало. Был чемоданчик и мешок, который Витя вытащил из-под кровати; наволочка, набитая скомканными бумажками, обрывками тетрадей, листками бумаги или просто углами листов... „Рукописи...“ – пробормотал Витя. Когда совсем уже уходили, я увидел у двери бумажку на полу и поднял её; на ней начисто было переписано: „О, засмейтесь, смехачи ...“ Позже, в полной общей тетрадке рукописей Велимира Владимировича Хлебникова я нашел “черновик” этого ударного, исторического по значимости стихотворения... Черновик мной целиком был напечатан в “Творениях”. <...> К Волкову кладбищу относится также и рисунок Бориса Дмитриевича Григорьева; акварель изображает ворота Волкова кладбища, в арке видны кресты, и Хлебников шагает своими аистобразными ногами под арку... Рисунок был воспроизведён в одном из питерских журналов того времени» (*Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб, 1994. С.51-53).

⁸¹ После Казани Хлебниковы переехали в Святошин под Киевом и поселились на даче у дальней родственницы Вербицких Дидевич (ул. Северная, д.53). ВХ приезжал к родителям в 1909 г. дважды – на Рождество и летом (июнь-август). Здесь он написал поэму «Внучка Малуши», стих. «Крымское» и «Скифское», статью «Курган Святогора» и др. произведения. Сохранились два письма ВХ к В.Каменскому из Святошина от 10 января и 8 августа 1909 г. (СС VI. Кн.2. С.116-118, 122-125).

⁸² Семья Хлебниковых в сентябре 1909 г. переехала из Киева (Святошина) в город Лубны и пробыла здесь по март 1910 года. Вероятно, тогда же вместе с родителями в Лубны переехал и ВХ, но пробыл в этом городе недолго. Он посвятил этому городу рассказ – «Лубны – своеобразный глухой город» (СС V. С.89-90).

В 1910 г. он приезжал к нам в Симб<ирскую> г<убернию>,⁸³ летом. Жил в отдельном помещении, много писал, но, сколько я помню, не запирали своего помещения, бывшего за двором. Этим воспользовались и украли у него вещи, книги, д<олжно> б<ыть> и рукописи, и несмотря на поиски и справки ничего разыскать не удалось⁸⁴.

Приезжал к нам и на Рождест<во>⁸⁵. Помню, б<ыл> сильный мороз; по его телеграмме, мы выслали сани <с> парой лошадей и б<ольшой> узел теплой одежды. Жел<езно>дорож<ная> станция б<ыла> от нас <в> 60 в<ерстах> на М<осковский>-Каз<анской> дороге. Под вечер кто<-то> его увидел уже у крыльца. Он так обмерз, что с трудом встал с саней, одет б<ыл> в летнее пальто и ботинки, легкая фуражка, без перчаток. Его в доме, в комнате, всякими способами отогревали, сперва он не мог даже говорить, затем понемногу отогрелся, покушал. Когда прошел час, другой, все вспомнили с удивлением, как он мог так с<ильно> промерзнуть, когда ему выслали так много теплой одежды. Он пренаивно ответил: « Да, я видел, около меня лежал какой-то узел, но я не обратил на него внимания». Он сходил в горячую баню, выспался и на другой день б<ыл> совершенно здоров.

Его выносливость б<ыла> поразительна: раз как-то он катался на лыжах, началась метель, дороги занесло, б<ыл> уже вечер, он отошел в сторону от дороги, вырыл в глубоком сне-

⁸³ В 1910–1912 гг. В.А.Хлебников был заведующим земельными угодьями Крестьянского земского банка по Ардатовскому уезду Симбирской губернии. ВХ гостил у родителей в селе Алферово, вероятно, летом 1910 г., а затем с конца декабря этого года и до начала сентября 1911 года. Последний приезд к родителям был для него очень плодотворным: он написал много произведений, в том числе и стихотворение «Алферово».

⁸⁴ Об этом вспоминает и сестра поэта Вера в главке «Алферово» в «Автобиографических записках»: «На том же к<артофельном> поле в другом сарае водворился брат В<итя> с огромным мешком рукописей и, помню, мы по-соседски ходили друг к другу. Он в ветреном и темном сарае читал отрывки новых вещей..., но это продолжалось недолго: деревенские курильщики проведали о таких несметных бумажных богатствах... и однажды ночью был взломан замок и похищен весь мешок с рукописями... Брат сильно огорчился, но он никогда не показывал это окружающим... Отыскать их не удалось, только изредка маленькие деревенские друзья приносили, зажав в мохнатой светлой шерстой лапке какой-нибудь листок рукописи...» (см.: *Хлебникова В. «Что нужно душе...». Стихи. Проза. Письма* / Сост. А.А. Мамаев, Н.В. Колесникова. М., 2000. С.47).

⁸⁵ ВХ приехал к родителям в Алферово на Рождество 1911-го года. Ср. в письме к М.В.Матюшину от 23 декабря 1910 г.: «Симб<ирская> губ<ерния>, Ардатовский уезд, село Алферово – вот та точка, где я обитаю» (СВ VI. Кн.2. С.134).

гу ямку, поместился в нее, завернувшись снегом и проспал до утра, не заболел.

Подобный случай б<ыл> с ним, кажется, и в Каз<ани>, когда он был гимназистом, также благополучно кончился.

Из Симб<ирской> г<убернии> он переехал с нами в Астра<хань>⁸⁶ и тогда много писал, любил он писать ночью или же днем: закроев внутр<енние> ставни и зажжет электрич<ество>. Он многим родным показывал свои мелкие сочинения, но все это б<ыло> неудобопонятно. Перед началом немецк<ой> войны он что-то предсказал с б<ольшой> точностью⁸⁷, так что дв<оюродный> брат⁸⁸ ему сказал: «В<итя>, будет

⁸⁶ Ошибка памяти Е.Н.: в сентябре 1912 г. вся семья Хлебниковых возвратилась на родину отца в Астрахань, но без ВХ. Отец поэта, вероятно, в сентябре 1912 г. снова поступил на службу – заведующим частным лесным предприятием в Астрахани. Однако ВХ не мог переехать вместе с ними, т.к. он в это время гостил в семье Бурлюков в Чернянке, а в октябре был уже в Москве. Он стал регулярно и ежегодно навещать родителей в Астрахани, начиная с апреля 1913 г. по весну 1919 года. Ср.: *Мамеев А.А.* Астрахань Велимира Хлебникова. С.20-44, 87. Последний раз он приехал в Астрахань в августе 1918 г. и пробыл здесь семь месяцев, до начала марта 1919 года.

⁸⁷ Скорее всего, здесь случай мифологизации. Среди соратников ВХ и его близких друзей существовала легенда о том, что он предсказал или вычислил дату начала первой мировой войны. Например, А.Крученых в предисловии к брошюре «Битвы 1915-1917гг. Новое учение о войне» писал: «Кто читал его "Боевую славян", призыв "Посолонь на немь", "Ночь в Галиции" (см. "Изборник" и "Ряв!"), тот знает, что великая война 1914 г. и завоевание Галиции были воспеты уже в 1908 году». Здесь явная гиперболизация и сдвиг в датах. В этих текстах речь идет преимущественно об антигерманских тенденциях, характерных для раннего периода ВХ. Эту легенду повторяет и мать поэта. Среди его опубликованных статей о проблеме времени нам не удалось обнаружить его вычислений, связанных с предсказаниями даты начала первой мировой войны. Возможно, такие выкладки имеются среди неизданных текстов поэта, посвященных «закону времени». Только однажды ВХ упоминает дату начала войны (19 июля 1914г.) и находит ей соответствие в мировой истории, но это было не предсказание, а постфактум – само событие к этому времени уже свершилось. В письме к М.В.Матюшину от 17 декабря 1914 г. он сообщает: «Начинаю повесть о моей ошибке. <...> Допущение, что для морской войны 1914 г. нужно взять века борьбы Ислама с Западом, с начала крестовых походов – 1095 год. <...> 1095 <—> начало крестовых походов – найденное соответствие 19 июля. Начало войны» (СС VI. Кн.2. С.169; курсив мой – А.П.). Затем ВХ повторил эту формулу в книге «Время мера мира» (1916), изданной М.В.Матюшиным: «От крестовых походов 1095 до 1916 г. прошло 821 год, следовательно через 821 день от начала войны этот ряд должен исчерпаться. Это полезно для тех, кто взял в руки весло кормчего. 1095 год условно = 19 июля 1914 года» (СС VI. С.112-113; курсив мой – А.П.).

⁸⁸ Речь идет об известном в Астрахани враче Б.Л. Хлебникове (1877–1937), крестном отце ВХ. Он уступил родителям поэта свою квартиру на Большой Демидовской ул., дом Поляковых (в этой квартире сейчас находится Музей В.Хлебникова).

тебе болтать». Потом это сбылось удивительно точно. Он в начале войны много работал над трудом о периодичности войн⁸⁹.

Во время немец<кой> войны он б<ыл> взят в солдаты⁹⁰. Военная выправка ему не давалась: он выносил много неприятностей за неумение отдавать честь, товарищи сердились, что он мешал им маршировать. День весь б<ыл> занят учением, а ночь, писал он, посвящалась борьбе с внутренним врагом⁹¹. Еда б<ыла> ужасна, грязь, паразиты. Он заболел бронхитом, думали, что у него туберкулез, б<ыл> удушливый кашель. Писал, что ему угрожали отдачей под суд: мелкие недочеты считали за упорное сопротивление⁹². Пришлось писать письма с объяснениями⁹³, кот<орые>, кажется, имели некоторое влияние на начальство. По крайней мере он писал, что энергия, быстрота и натиск, по Суворов<ову> <нрзб>, имели свое действие⁹⁴.

⁸⁹ Вероятно, Е.Н. имеет в виду ряд работ ВХ, собранных и изданных в виде брошюр, посвященных «закону времени» в первой редакции, когда события в истории человечества происходят через 317 лет или в годы, кратные 317. Брошюры были изданы в Петрограде его единомышленником М.В.Матюшиным: «Битвы 1915-1917 гг. Новое учение о войне» (вышла с предисловием А. Крученых в ноябре 1914 г.; на обл.: 1915); «Время мера мира» (вышла в марте 1915 г.).

⁹⁰ ВХ был призван на военную службу 8 апреля 1916 г. и направлен из Астрахани в Царицын (в 93-й пехотный полк). Он посвятил этому событию стихотворение под названием «Печальная новость. 8 апреля 1916» (СС I. С. 371), которое было впервые напечатано в сборнике «Временник I», вышедшем в ноябре 1916 (на обл.: 1917). Затем после комиссии он был переведен снова в Астрахань, а затем в Саратов в 90-й запасной полк (см.: Харджиев Н. *Новое о Велимире Хлебникове (К 90-летию со дня рождения)* // *День поэзии* 1975. С. 205-206).

⁹¹ 25 декабря 1916 г. ВХ писал родным: «В Саратов меня не взяли (лагерь находился в двух верстах от города – А.П.): дескать я не умею отдать честь. Что же! Так, так, так. Я и в самом деле отдал честь, держа руку в кармане. Поручик впился в меня: “Руку, руку где держишь!” В ночь на Рождество охотился за *внутренними врагами*» (СС VI. Кн.2. С. 191).

⁹² Это письмо ВХ к родителям не сохранилось.

⁹³ *Писать письма с объяснениями* – эти письма родителей, которые пока не найдены, они были, вероятно, адресованы военному начальству, но не в Саратов, а в Царицын.

⁹⁴ Е.Н. имеет в виду ответное письмо к ней ВХ от 4 июня 1916 г., которое поэт начинает со знаменитого афоризма Суворова («Быстрота и натиск – душа настоящей войны»): «Мой привет и искреннее восхищение перед быстротой и натиском писем, так благотворно повлиявших на мою судьбу. Стеценко говорил о письме к нему. Я две недели плюс две недели снят с креста военной службы, а мое положение короля первого на земном шаре государства времени сильно изменено в лучшую <сторону>. Я в мягком плену у дикарей прошлых столетий. <...> 15 мая была комиссия, и меня, по милости капитана Супротивного, назна-

Нам рассказывал один моряк⁹⁵ о жизни В<ити> в Баку перед поездкой в Персию. В<итя> массу имел рукописей, лежали они попросту на полу в углу. В<итя>, когда разговорится, толкнет носком сапога эту бумажную гору, говоря: «Тут очень много ценных вещей»⁹⁶. Жена одного моряка, по происхождению крестьянка, неграмотная⁹⁷, но с природным умом и душевной чут-

чили в Казань на испытание, «Казанский военный госпиталь». Но до сих пор не отправлен. Я много раз задаю вопрос: произойдет или не произойдет убийство поэта (больше – короля) Аракчеевщиной? Очень скучно и глупо. Вообще про Казань ходят самые мрачные слухи» (СС VI. Кн.2. С. 184). Под воздействием писем от родителей и ходатайства соратника поэта врача Главного штаба и художника Н.И. Кульбина ВХ получил отпуск до 15 сентября 1916г. и уехал в Астрахань в ожидании второй комиссии.

⁹⁵ Моряк – здесь речь идет, вероятно, об Александре Николаевиче (Яковлевиче) Лоскутове (псевдоним – Кремлев, 1892 (?) – 1938), который в начале 20-х годов был матросом Волжско-Каспийской флотилии. Он писал стихи, был членом группировки «Маспролит», впоследствии стал журналистом. Лоскутов входил в близкий бакинский круг ВХ, сотрудничал вместе с ним в бакинских журналах «Военмор» и «Искусство» (1921. №2/3). Он познакомился с ВХ еще в Астрахани, но сблизился с ним в Баку, в Политотделе флотилии, где они одновременно работали и жили в одном общежитии. ВХ упомянул его в письме к Маяковскому от 18 февраля 1921 г.: «Здесь, кроме Крученых, - он собирается к вам, - <Б.> Самородов, <А.> Лоскутов, <Н.> Солнышкин, которых всех вы в свое время увидите» (СС VI. Кн.2. С.204). Впоследствии Лоскутов посвятил ВХ поэму «Голод – Любовь – Революция» (1922-1924). Отец поэта В.А.Хлебников упоминает Лоскутова в одной из неизданных записок как астраханского знакомого ВХ. См. о нем: Орлицкий Ю. Поэтика В. Хлебникова в зеркале творчества А. Кремлева // Тезисы докладов V Хлебниковских чтений. Астрахань, 1995).

⁹⁶ 17 декабря 1920 г. ВХ выступил в матросском университете «Красная звезда» в Баку прочел доклад об «основном законе времени», по которому событие через 2^ю дней усиливается, а через 3^ю дней превращается в противособытие. Он заявлял, что по этому закону можно будет предсказывать будущее. В это же время он работал над большим циклом статей, который назвал «Доски судьбы». Вероятно, ВХ имел в виду эти статьи, когда говорил Лоскутову о «ценных вещах».

⁹⁷ Жена одного моряка... крестьянка, неграмотная – в 1974 г. мне удалось разыскать в Куйбышеве вдову А. Лоскутова – ее звали Марфа Кузьминична. Она мне сообщила (в письме, написанном под диктовку ее дочерью Галиной), что в начале 20-х годов она проживала вместе с мужем в морском общежитии в Баку на Баилове. Она помнила ВХ и рассказала в письме о нескольких эпизодах из жизни поэта в Баку. Один из них: когда в 1921 г. Лоскутов с женой уезжал из Баку на родину жены в село Кайсацкое через Астрахань, ВХ передал с ним письмо для своих родителей. Вероятно, об этом визите и вспоминает Е.Н. в своих мемуарах. Лоскутов зашел в дом родителей, а М.К. осталась ждать его на улице. Он рассказал родителям поэта о жизни их сына в Баку, и, вероятно, тогда же упомянул о впечатлении, которое ВХ произвел на его жену.

костью, говорила мужу: «В<иктор> В<ладимирович> с первого взгляду <кажется ?> странным человеком, а разберешь, он, как будто рожден б<ыть> высоким человеком, царем или так высоко стоять над другими».

Будучи в Баку, он предсказал осуществление Азербайджанской республики⁹⁸, чуть ли не назначил число, ему не верили, смеялись, сбылись его слова с большою точностью. Он с живейшим интересом следил за политикой и отличался удивительною чуткостью и тонкостью понимания.

В нем погибл<о> много возможностей высоких, но он не вышел на свою настоящую дорогу, что, вероятно, его так сильно нервировало.

31 декабря 1923; <1929>.

Подготовка текста, публикация и комментарии
А.Е. Парниса.

⁹⁸ Здесь, вероятно, ошибка ВХ: поэт несомненно имел в виду какое-то другое важное событие в политической жизни Азербайджанской республики в первый год ее существования, т.к. Азербайджанская советская республика в Баку была провозглашена 28 апреля – 1 мая 1920 г., и он не мог этого не знать. Он трижды повторил это предсказание в своих записях. Вернувшись в конце 1921 г. в Москву, ВХ опубликовал это «Предсказание» в журнале В. Каменского «Наш журнал» (1922. №2. Март). В нем поэт привел текст удостоверения, подписанный тремя официальными лицами (заведующим морским университетом «Красная звезда» <А.> Бородиным, начальником общего отдела В. Гуцало, старшим делопроизводителем В. Колесников<ой>) в связи с тем, что в своем докладе, произнесенном в «Красной звезде» 17 декабря 1920 г., ВХ заявил, что 21 января 1921 г. «будет признана Советская Республика Азербайджана» и «этот день будет днем рождения союзного государства» (перепеч.: СС VI. Кн.2. С.286). См. также в «Досках судьбы» (Л. IV): «Находясь в городе Баку, на который упал жребий следующей очереди, я отложил найденный скачок времени в 48 дней и получил точку, очень близкую к<о> дню, принесшему г. Баку независимое советское правительство» (Хлебников В. Доски судьбы. М., 2000. С.61). Однако эту «загадку» до сих пор не удается расшифровать.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА*

Я родился 28 окт(ября) ст. ст. 1885 в урочище Ханская Ставка калмыцкой степи, или на морской окраине России вблизи устья Волги.

Печатал: 1) воззвание к славянам в газете «Вечер», статьи в «Славянине», описание поездки в Павдинский край в «Природа и Охота», стихи «О, рассмейтесь» в «Студии Импрессионистов», 1 вещь в «Весне», «Маркиза Дезес» в «Садке Судей» 1-м, «Мария Вечора» в «Садке судей» 2-м, «Учитель и ученик» (разговор, где определен год падения России в 1917 году), в «Союзе Молодежи» в 1913 году и в отдельной книжке в 1911 году, «Девий Бог» в «Пощечине Общественному Вкусу», «Дети Выдры» в «Рыкающем Парнасе», в «Стрельце», «Футуристах», «Молоке Кобылиц», «Дохлой Луне», «Изборнике», «Ряве», «Творениях», «Ошибке смерти». В харьковском «Временнике» изд. «Лирень», 5 №№, в газете «Заем Свободы» 1917 года, газете «Красный Воин», Астрахань, 1918, журнале «Пути Творчества», Харьков, 1919 г., сборниках «Харчевня Зорь», «Мы», «Ржаное слово», «Взял», «Центрифуга», «Трое», «Требник троих», «Игра в аду», «Мир с конца», в отдельных книжках «Время — мера мира», «Битвы 1917—1918 гг.», «Учитель и Ученик». В изданиях Казанского Общества Естествоиспытателей есть статья за 1905 год о кукушке *Cuculus minorus*.

Собрания сочинений не было.

В 1916 году напечатана написанная мной «Труба марсиан» и в 1917 «Воззвание Председателей земного шара», написанное тоже мной во «Временнике».

В. Хлебников
1920

* Произведения и цитаты из произведений поэта далее, кроме оговоренных авторами статей, приводятся с указанием тома и страницы в скобках по изданию: Хлебников Велимир. Собрание сочинений. В 3 т. СПб.: Академический проект, 1986. 2011. -

Т. 1. Стихотворения. 480 с.;

Т.2. Поэмы и «сверхповести», драматургические произведения. 448 с.;

Т. 3. Проза, статьи, декларации, заметки, автобиографические материалы, письма, дополнения. 685 с.

* * *

Меня окружали степь, цветы, ревучие верблюды,
Круглообразные кибитки,
Моря овец, чьи лица однообразно-худы,
Огнем крыла пестрящие простор удода —
Пустыни неба гордые пожитки.
Так дни текли, за ними годы.
Отец, далеких гроза сайгаков,
Стяжал благодарность калмыков.
Порой под охраной надежной казаков
Углублялся в глушь степную караван.
Разбои разнообразили пустыни мир,
И вороны кружили, чуя пир,
Когда бряцала медь оков.
Ручные вороны клевали
Из рук моих мясную пищу,
Их вольнолюбивее едва ли
Отроки, обреченные топоричу.
Досуг со мною коротая,
С звенящим криком: «сирота я»,
Летел лебедь, склоняя шею,
Я жил, природа, вместе с нею.
Пояс казаков с узорной резьбой
Мне говорил о серебре далеких рек,
Порой зарницей вспыхнувший разбой, —
Вот что наполняло мою душу, человек.

1909 (I, II5)

СВОЯСИ

В «Девьем боге» я хотел взять славянское чистое начало в его золотой липовости и нитями, протянутыми от Волги в Грецию. Пользовался славянскими полабскими словами (Леуна).

В. Брюсов ошибочно увидел в этом словотворчество.

В «Детях Выдры» я взял струны Азии, ее смуглое чугунное крыло и, давая разные судьбы двоих на протяжении веков, я, опираясь на древнейшие в мире предания орочей об огненном состоянии земли, заставил Сына Выдры с копьем броситься на солнце и уничтожить два из трех солнц — красное и черное.

Итак, Восток дает чугунность крыл Сына Выдры, а Запад — золотую липовость.

Отдельные паруса создают сложную постройку, рассказывают о Волге как о реке индоруссов, и используют Персию как угол русской и македонской прямых. Сказания орочей, древнего амурского племени, поразили меня, и я задумал построить общеазиатское сознание в песнях.

В «Ка» я дал созвучие «Египетским ночам», тяготение метели севера к Нилу и его зною.

Грань Египта взята — 1378 год до Р. Хр., когда Египет сломил свои верования, как горсть гнилого хвороста, и личные божества были заменены Руковолосым Солнцем, сияющим людьми. Нагое Солнце, голый круг Солнца, стал на некоторое время, волею Магомета Египта — Аменофиса IV, единым божеством древних храмов. Если определять землями, то в «Ка» серебряный звук, в «Девьем боге» золотой звук, в «Детях Выдры» — железно-медный.

Азийский голос «Детей Выдры»,

Славянский «Девьего бога» и

Африканский «Ка».

«Вила и Леший» — союз балканской и сарматской художественной мысли.

Город задет в «Маркизе Дезэс» и «Чёртике».

В статьях я старался разумно обосновать право на провидение, создав верный взгляд на законы времени, а в учении о слове я имею частые беседы с $\sqrt{-1}$ Лейбница.

«Крымское» написано вольным размером.

Мелкие вещи тогда значительны, когда они так же начинают будущее, как падающая звезда оставляет за собой огненную по-

лосу; они должны иметь такую скорость, чтобы пробивать настоящее. Пока мы не умеем определить, что создает эту скорость. Но знаем, что вещь хороша, когда она, как камень будущего, зажигает настоящее.

В «Кузнечике», в «Бобэоби», в «О, рассмейтесь...» были узлы будущего — малый выход бога огня и его веселый плеск. Когда я замечал, как старые строки вдруг тускнели, когда скрытое в них содержание становилось сегодняшним днем, я понял, что родина творчества — будущее. Оттуда дует ветер богов слова.

Я в чистом неразумии писал «Перевертень» и, только пережив на себе его строки: «Чин зван мечем навзничь» (война) — и ощутив, как они стали позднее пустотой: «Пал, а норов худ и дух ворона лап», — понял их как отраженные лучи будущего, брошенные подсознательным «Я» на разумное небо. Ремни, вырезанные из тени рока, и опутанный ими дух остаются до становления будущего настоящим, когда воды будущего, где купался разум, высохли и осталось дно.

Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращения всех славянских слов одно в другое, свободно плавить славянские слова — вот мое первое отношение к слову. Это самовитое слово вне быта и жизненных польз. Увидя, что корни лишь призраки, за которыми стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единиц азбуки — мое второе отношение к слову. Путь к мировому заумному языку.

Во время написания заумные слова умирающего Эхнатэна «Манч! Манч!» из «Ка» вызывали почти боль; я не мог их читать, видя молнию между собой и ими; теперь они для меня ничто. Отчего — я сам не знаю.

Но когда Давид Бурлюк писал сердце, через которое едут суровые пушки будущего, он был прав, как толкователь вдохновения: оно — дорога копыт будущего, его железных подков.

«Ка» писал около недели, «Дети Выдры» — больше года, «Девий бог» — без малейшей поправки в течение 12 часов письма, с утра до вечера. Курил и пил крепкий чай. Лихорадочно писал. Привожу эти справки, чтобы показать, как разнообразны условия творчества.

«Зверинец» написан в Московском зверинце.

В «Госпоже Ленин» хотел найти «бесконечно малые» художественного слова.

В «Детях Выдры» скрыта разнообразная работа над величинами — игра количеств за сумраком качеств.

«Девий бог», как не имеющий ни одной поправки, возникший случайно и внезапно, как волна, выстрел творчества, может служить для изучения безумной мысли.

Так же внезапно написан «Чёртик», походя на быстрый пожар пластов молчания. Желание «умно», а не заумно понять слово привело к гибели художественного отношения к слову. Привожу это как предостережение.

Законы времени, обещание найти которые было написано мною на березе (в селе Бурмакине, Ярославской губернии) при известии о Цусиме, собирались 10 лет.

Блестящим успехом было предсказание, сделанное на несколько лет раньше, о крушении государства в 1917 году. Конечно, этого мало, чтобы обратить на них внимание ученого мира.

Заклинаю художников будущего вести точные дневники своего духа: смотреть на себя как на небо и вести точные записи восхода и захода звезд своего духа. В этой области у человечества есть лишь один дневник Марии Башкирцевой — и больше ничего. Эта духовная нищета знаний о небе внутреннем — самая яркая черная Фраунгоферова черта современного человечества.

Закон кратных отношений во времени струны человечества мыслим для войн, но его нельзя построить для мелкого ручья времени отдельной жизни — отсутствуют опорные точки, нет дневников.

В последнее время перешел к числовому письму, как художник числа вечной головы вселенной, так, как я ее вижу, и оттуда, откуда ее вижу. Это искусство, развивающееся из клочков современных наук, как и обыкновенная живопись, доступно каждому и осуждено поглотить естественные науки.

Я ясно замечаю в себе спицы повторного колеса и работаю над дневником, чтобы поймать в сети закон возврата этих спиц.

В желании ввести заумный язык в разумное поле вижу приход старой спицы моего колеса. Как жалко, что об этих спицах повтора жизни я могу говорить только намеками слов.

Но, может быть, скоро мое положение изменится.

О

Весна 1919 (III, 254–257)

Нужно ли начинать рассказ с детства? Нужно ли вспомнить, что мои люди и мой народ, когда-то ужасавший сухопутный люд парусами и назвавший их турусы на колесах, осмеивая старым забытым искусством каждую чепуху, народ, который Гайявате современности недоверчиво скажет: турусы на колесах, и тот поникнет, седоусый, и снова замолчит — еще раз повод внутренне воскликнуть: «Нет друзей мне в этом мире!» — мой народ хитро, как осетр, подплывавший к Царьграду в долбленых, снабженных веслами подводных лодках, и невидимо качавшийся под волнами, в виду узорных многобашенных улиц шумной столицы, чтобы потом, после щучье-разбойничьих подвигов в узком проливе, нырнуть в море частыми ударами весел, внизу гордых парусов напрасно преследующего его турецкого флота, достичь устья Днепра и свободно вздохнуть в Запорожье, где толпились чайки. Мой народ забыл море и, тщетно порываясь к свободе, забыл, что свобода — дочь моря. Но племя волгорузов моей земли знало чары великой степи (отдых от людя и им пустота), близость моря и таинственный холод великой реки. Там сложилось мое детство, где море Китая затеряло в великих степях несколько своих брызг, и эти капли-станы, затерянные в чужих степях, медленно узнавали общий быт и общую судьбу со всем русским людом.

Вот вы прожили срок, срок жизни, и сразу почувствовали это, так как многие истины просто отвалились от вас, как отваливаются черные длинные перья из крыла ворона в свой срок, и он сидит один в угрюмой лесной чаще и молча ждет, когда вырастут новые.

Да, я прожил какой-то путь и теперь озираю себя: мне кажется, что прожитые мною дни — мои перья, в которых я буду летать, такой или иной, всю мою жизнь. Я определился. Я закончен. Но где же то озеро, где бы я увидел себя? Нагнулся в его глубину золотистым или темно-синим глазом и понял: я тот. Клянусь, что, кроме памяти, у меня нет озера, озера-зеркала, к которому неловкими прыжками пробирается ворон, когда всё вдруг тихо, и вдруг замолчавшие лесные деревья и неловкий поворот клюва — все сливается в один звук, звук тайны сумрачного бора. А ворон хочет зеркала: его встречают деревья, как лебедя.

Но и память — великий Мин, и вы, глубокие минровы, вы когда-то теснились в моем сознании, походя на мятежников, воровавшихся на площадь: вы опрокинули игравшую в чет и нечет стражу и просили бессмертия у моих чернил и моего дара. Я вам отказал. Теперь сколько вас, образов прошлого, явится на мой призыв? Так князь, начиная войну не вовремя, не знает, велико ли будет его войско, и смутно играет, гадая о будущем, и готовит коня для бегства. Здесь его голос начал звенеть, и я подумал: но ведь это я, но в другом виде, это <второй> я — этот монгольский мальчик, задумавшийся о судьбах своего народа. А вырезанные из дерева слоны смотрели с ворот хурула. Тогда у меня было поручение достать монгольских кумиров, но я его позорно не выполнил.

Я помню себя очень маленьким, во время детского спора: могу ли перелезть через балясину? Я перелезаю и вызываю похвалу старшего брата. Прикосновение телом к балясине до сих пор не исчезло из памяти. Но вот другой конец страны: старый сад, столетние яворы, гора обломков камней, поросшая деревьями, — сгоревший во время восстания дворец польского пана; во время этой зари жизни мы были мудрецами, и проводить день в теплой речке было законом этих дней. Там ловились лини и щуки во столько раз меньше вершка, во сколько мы были меньше взрослого человека, и самым ярким местом этих лет была весенняя охота на осетров величиною с иголку, подплывавших к берегу; но наша сетка двух рыбаков не помогла: они ускользали стрелой и опять показывались, замирая своим чешуйчатым туловищем. Два рыбака были взволнованы и озабочены — рама с сеткой для комаров была в их руках.

Здесь мне пришлось отвесть хвост бобра — известное лакомство. Покрытый землей, с черной засохшей кровью, он был принесен и под яблонями, бывшими тогда в цвету, хвост его, покрытый чешуйками и редким волосом, был изжарен. Ничего особенного. Я любил мясо серых коз, таких прекрасных и жалких с черными замороженными глазами. И помню охоты: дорога в лесу, табор саней, верховые, волчьи следы в поле; взрослые исчезли, снежноусый пан-поляк торопится догнать других. Раз к порогу нашего дома подъехала телега, полная доверху телами молодых вепрей. Раз привезли молодую собаку с распоротым брюхом. О, эти четвероногие люди лесов с желто-дымными

косыми отрезанными бивнями, как они мстили своим двуногим братьям за их ловкую пулю в темном зимнем сумраке! Один ко-сой бивень долго лежал у отца на письменном столе...

Вечерняя таинственная ловля бабочек, когда вечер делался храмом, цветы обратились к <зарю>, как жрицы в белых тонких рубашках, запах жертв, и, как молитва, неся, свистя полетом, бражник. Тогда, когда мы робко подкрадывались, вытянув руку к бабочке, тогда, как слышу, сверху трепетала зарница. Закрывались окна. Ждали грозу.

Годы ученичества на далекой Волге и новые удары молодой крови в мир...

1918–1919 (III, 92–94)

ЕСИР

(Отрывок из повести)

Недалеко от черты прибоя, на полудиком острове Кулалы, вытянутом в виде полумесяца, среди покрытых травой песчаных наносов, где бродил табун одичавших коней, стояла рыбацкая хижина. Сложенные паруса и весла указывали, что это был стан морских ловцов. Здесь жил ловец Истома и его отец, высокий, загорелый великан с первой сединой в бороде. Зимой они громили тюленей и, увидев зверя, когда он, похожий на человека, выстал в море и смотрел любопытными глазами, бросали в него копьё с подвижным кокотом.

Теперь они собирались в весеннюю путину и то подымались, то спускались из избушки на сваях около старой ивы; с веток ее падали морские сети, а около корней стояла смола. Заплаты, свежеположенные на парус, заново черная от смолы бударка, сверкающее солнце, сверкающее на волнах и на смоляных боках лодки, громадная белуга, лежавшая на лодке, свесив на землю свою махалку, орланы-белохвосты, сидевшие на отмели, другой — черной точкой сидел на верхушке песчаного обрыва, и тучи уток со свистом падали откуда-то сверху на то подымавшееся, то опускавшееся море, — вот что было вокруг.

Рано утром лодка весело побежала в город, охваченный тогда славой Разина. Полотняное небо паруса шумело над ловцами, и мир делался тесен и близок.

Трава, в которой свободно скроется верблюд, с обеих сторон склонялась над водой. Здесь они увидели лодку; охотник правил одним веслом; лицо его было настолько искусано мошками, что казалось изуродованным оспой. Он почти не видел; мертвый кабан лежал на лодке.

Сонные черепахи удивленно подымали свои головы или прыгали в воду, а в воде проворно скользили красно-золотистые ужи.

Иногда их было так много, что казалось, бесчисленные травы волнуются течением. Под шум согнутого паруса быстро скользила ловецкая лодка. Она пристала на Кутуме и там, где стояли старые ивы, покрытые рыжим ивовым волосом, отчего они походили на поставленных на голову людей, а прозрачные ветви были одеты гнездами цапель, бросила в песок тяжелую кошку.

Ловцы вышли на берег.

Мимо Кремля, через Белый город и Житный город, проходя то Вознесенскими, то Кабацкими воротами, ловцы, сгибаясь от осетра, положенного на плечи, пошли мимо рядов с ловецкой сбруей, к знакомому старообрядцу-помору.

В одном месте их остановило стадо красного степного скота. Конные пастухи гнали их по узким улицам, и их кривые рога теснились как речные волны. В самую гущу их врезалась тяжелая телега с зеленовато-белыми телами осетров. Там степняк ехал на стонавшем верблюде, здесь на белых украинских волах — чумаки.

У берега стояли суда с парусами из серебряной парчи и около них живописные женщины Востока. Вольные сыны Дона в драгоценных венках, усыпанных крупным жемчугом, и серебряных зипунах, там и здесь мелькали на улицах. Имя Разина <...>*

Черноглазые казачки в вышитых сорочках стояли около <...> глиняных плетней и широко улыбались всему миру; в черных покрывалах проходили татарки. Закутанные в белое, на верблюдах проезжали степные женщины <...>

* В первопечатном источнике дефект — отсутствует конец фразы.

<...> Среди горok камней, золы и человеческих костей был расположен степной аул. Древние зеленые изразцы лежали среди песка и пепла сожженных на костре человеческих костей. Редкие травы трепетали широкими кистями, да одинокий жаворонок резкой рысью бежал по песчаным волнам пустыни.

Вот он остановился и сел на синем обломке кувшина. Здесь была Золотая Орда, и лишь обломки башни темно-синего полива да старинный камень с татарскими письменами напоминали об этом.

Да змея бесшумно скользила около надписи: «Нет бога, кроме бога», а черноволосая девушка этих мест ходила с медной деньгой, вплетенной в косу. И надпись древнего хана: «Я был — мое имя высоко» — тонула в черном шелку ее кос.

Вот она зажгла костер и села на землю, раздумывая про Сюмер-Улу, срединную гору мира, где сходятся души мертвых предков пить молоко кобылиц.

Старый калмык пил бозо — черную водку калмыков.

Вот он совершил возлияние богу степей и пролил жертвенную водку в священную чашу.

— Пусть меня милует Чингиз богдо-хан, — важно проговорил он, опустив голову.

Великий Чингиз казался ему беспечным богом войны, надевшим как-то раз на плечи одеяние человеческой судьбы. Любимец степной песни, он и до сих пор живет в степи, и слова славы ему сливаются со степным ветром.

Первую чашку он плеснул в огонь, вторую — в небо, третью — на порог. И бог пламени Окын-Тенгри принял жертву. Тысяча рук окружала его. Окруженный заревом, он выскочил из пламени, и с невыносимым для смертного уха звуком залязгали, застучали и запрыгали одна о другую его красные челюсти, а белые мертвые глаза страшно уставились на смертного. Зарево тысячи рук окружило его. Словно черным парусом белое море, свирепые зрачки косо пересекали глаза. Страшные белые глаза подымались к бровям головой мертвого, повешенной за косу. Удар ветра, и он исчез, и вновь из костра выступил черный котел, сменив багрового духа.

Коку, его дочь, подошла к нему. Ее косы, завернутые в шелковые чехлы, падали ей на грудь.

Вот она повернула голову, и вся миловидность Китая сказалась на темном лице; сквозь черный загар выступала степная алая кровь, живые глаза сверкали, как два черных месяца, умом и радостью. Малиновая, шитая золотом, шапочка была у ней на голове.

Она помнила, что девушка должна быть чистой, как рыба чешуя, и тихой, как степной дым, и бесшумно села на землю в своих черных шаро-варах.

И снова лицо ее, как пламенеющий уголь, склонилось над землей.

А калмык грезил.

Он мысленно садится на коня, на аршин быстрее мысли, и скачет в великой охоте Чингиза; в ней участвовали все покоренные Чингизом народы, и почти вся Средняя Азия была охвачена кольцом великой облавы. Здесь несется ветроногий табун диких коней, там падает вилорогий первобытный бык, а здесь тетива лука вышиной с человеческий рост посылает стрелу в курчавого красного теленка. Полунагие наездницы с дикими криками проносятся по степи, и там и здесь звенят тетивы.

Старый калмык выпил еще чашку бозо, когда всадник с орлом на руке подъехал к нему. Он сообщил про приближающего-

ся киргиза с невольником, и они вдвоем выехали ему навстречу. Кони бодро переехали небольшую речку.

Утренние голые люди, обмазанные для борьбы жиром тюленя, были теперь одеты и громко обсуждали что-то. На Истому надели мешок для муки, сделав дыры для рук и головы, и, посадив его на седло и связав ноги, все поскакали в кочевье.

Так к нему подошел старик и коротко сказал: «Моя есир». Истома знал всё страшное значение этого слова. Вихорь и огонь удара плети пере-вели слово.

Вечером они двинулись в путь.

Киргиз нараспев пел «Кудатку-Билик». Истома бежал за Ахметом <...>

(III, 101–102, 105–106)

Иллюстрации С. Ботиева

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
В. ХЛЕБНИКОВА

Очирова Н. Г.

«ПРИНАДЛЕЖУ К МЕСТУ ВСТРЕЧИ ВОЛГИ И КАСПИЯ МОРЯ...»

Велимир Хлебников, великий русский поэт, «гражданин мира» и «Председатель Земного Шара», мог, словно оторвавшись от земли, рассматривать Земной шар как часть Вселенной, лежащей на ладони («Блажен земной шар, когда он блестит / На мизинце моей руки!»), но он был и неизменно близок природе, знал ее, любил, изображая ее в своих поэтических произведениях. Его знание природы – из детства, когда маленьким мальчиком Виктор Хлебников бродил по калмыцкой степи, наблюдая за жизнью, окружающей мир людской. Свое отношение к земле, на которой он познал законы жизни, окружающую природу, первые мечты и фантазии, поэт выразил в словах: «Принадлежу к месту встречи Волги и Каспия моря...».

Виктор Владимирович Хлебников «родился 28 октября 1885 в стане монгольских, исповедующих Будду, кочевников — имя «Ханская ставка», в степи — высохшем дне исчезающего Каспийского моря» [Хлебников 2006 VI: 243]. О том, что окружало его, и что он любил тогда, поэт сказал так:

*Меня окружали степь, цветы, ревучие верблюды,
Круглообразные кибитки,
Моря овец, чьи лица одинообразно-худы,
Огнем крыла пестрящие простор удода —
Пустыни неба гордые пожитки,
Так дни теплы, за ними годы.
Отец, далеких гроза сайгаков,
Стяжал благодарность калмыков...*

[Хлебников 2006 I:205]

Природа Калмыкии окружала поэта с детства, именно ее красоту и богатства приучал ценить его отец, ученый-биолог Владимир Алексеевич. Он окончил Санкт-Петербургский университет, обучался у известного зоолога, писателя-натуралиста и путешественника М. Н. Богданова (1841–1888); участвовал в нескольких научных экспедициях. Со времени рождения сына Виктора (Велимира) В. А. Хлебников работал попечителем (1885–1891) Малодербетовского улуса и изучал культуру и быт калмыков как по призванию, так и по должности. Поэтому его сын, будущий поэт, был с детства знаком не только с природой калмыцкой степи, где он часто наблюдал с матерью закаты, но и с культурой калмыцкого народа, в среде которого он родился.

С раннего детства Виктор (Велимир) Хлебников сопровождал отца в поездках, наблюдал как он вел фенологические и орнитологические записи, а позже и сам участвовал в научных экспедициях в Дагестане, вместе с братом в 1905 совершил самостоятельное научное путешествие на Урал. По воспоминаниям сестры Велимира — Веры Хлебниковой, отец — «естественник», желал видеть на том же пути своих сыновей, и ... они всегда возились с гнездами, яйцами, зверьками, бабочками...» [Воспоминание 1923: 56]. Неудивительно, что поэт всегда был связан с землей, на которой рядом с отцом он провел так много времени.

Калмыцкие степи пробудили в нем жажду познать мир Востока, его сродство с культурой европейской России. В. Хлебников рассматривал многоязычную Азию как некую модель будущего единения различных культурных пластов.

В его «сверхповести» «Зангези», написанной в конце жизни [Хлебников 1922], главный герой использует «заумный язык», по словам автора, в произведении звучит также и птичий язык, язык богов, звездный язык, разложение слова, звукопись, безумный язык. Весьма значимо, что имя главного героя — непонятого пророка, «второго я» автора — произведено от слияния названий рек Ганг и Замбези, символизирующих Евразию и Африку.

Образы, связанные с Востоком, объединяющие Восток и Запад, как и идейные основы ряда произведений Велимира Хлебникова, заставляют исследователей его творчества обращаться

к тем истокам, которые не могли не повлиять на его становление. И в поисках этих истоков мы не можем не обратить внимание на ранние годы поэта, на влияние отца, с которым, несмотря на сложные отношения в более поздний период, его связывали дружба и общие интересы. «Стяжавший благодарность калмыков», Владимир Алексеевич Хлебников серьезно занимался изучением истории и обычаев калмыков и явился тем проводником, который связал в судьбе сына Восток и Запад, способствовал познанию культуры калмыков и природы калмыцкой степи.

Возможно, именно восточные мотивы повлияли на интерес В. Хлебникова к поискам математических законов развития истории, естественнонаучных основ времени и пространства. Ведь известно, что поэт объединяет классический стих и лингвистические эксперименты с древней и новой математикой, со бытия Вселенной и историю человечества с событиями дня.

О том, что его поиски математических основ развития времени связаны с культурой Востока, мы находим свидетельства у самого поэта:

Мой разум точный до одной энной,
 Как уголь сердца, я вложил в мертвого пророка вселенной,
 Дыханием груди вселенной,
 И понял вдруг: нет времени.
 На крыльях поднят как орел, я видел сразу,
 что было и что будет,
 Пружинны троек видел я и двоек
 В железном чучеле миров,
 Упругий говор чисел.
 И стало ясно мне,
 Что будет позже.
 И улыбался улыбкой Будды,
 И вдруг застонал, увидев молнии и подымая руку,
 И пена пошла из уст и.... растерзал меня.
 (Взлом Вселенной. Чудесаавль. [Хлебников 2002 III: 291])

Отзвуком метафорического сравнения самого поэта с образом Будды звучит воспоминание его сестры, записанное вскоре

после его ухода: «Как Сакия-Муни, отказавшись от земных почестей для достижения духа, — шел он по земле. Он был великим наблюдателем, от него, на вид равнодушного и безразличного ко всему окружающему, ничто не ускользало: никакой звук бытия, никакой духовный излом. Так он шел по жизни, так он шел по лесу, с таким отрешившимся видом, что даже птицы переставали его бояться, доверчиво посвящая в свои тайны». [Хлебников 1923: 58]

Два образа — отрешенного странника, подобного Будде, и человека-птицы, знакомого с языком природы, — возвращают нас к истокам творчества Поэта. И в его научных исследованиях законов истории ясно просматривается знание о существовании разных астрологических систем счисления времени и предсказаний. Но еще более явно прослеживается знание об астрологических системах калмыцких монахов, у которых, кроме сакральных текстов («зурхайн ном»), существовали специальные доски, на которых астрологи совершали подсчеты. «У каждого зурхачи, — писал этнограф И. Житецкий, — ... есть еще доска для вычислений и особенная таблица, под именем «тан-шим», в которой сгруппированы все данные для предсказаний. Доска зурхачи делается из крепкого дерева и имеет около 1¼ аршина длины и вершков 6 ширины; сверху середина выдолблена в палец глубины, так что ее окружает род маленького валика. Зурхачи пишет на ней заостренной палочкой, насыпая предварительно мелкой пыли. Прежде чем начать писать, каждый раз зурхачи совершает символическую молитву — ставит и стирает ряд особых знаков по разным направлениям доски» [Житецкий 1893: 62].

«Доски судьбы» — так будут называться составленные Велимир Хлебниковым числовые соотношения между историческими событиями, включенные в его позднее произведение «Зангези». Анализируя истоки образа «досок судьбы», нельзя не вспомнить о том, что отец поэта, В.А. Хлебников, занимался этнографией калмыков по долгу службы и ежегодно направлял в Управление калмыцким народом отчет о состоянии хозяйства и культуры жителей Малодербетовского улуса.

Свою жизнь поэт символически связывал с системой восточного летосчисления, и так называемое «избрание Председа-

лем Земного Шара», дата которого была вычислена Велимиром Хлебниковым по обоснованной им новой «системе предсказания» и счета времени, именованное затем поэтом первым днем новой калпы — именно так называются грандиозные исторические периоды-зоны в буддийской астрологии: «Считать первым днем новой Калпы 25 декабря нового стиля 1915 года».

Существует свидетельство очевидцев: 31 декабря 1915 года Осип Брик провозгласил тост за короля времени В. Хлебникова, но поэт отнесся серьезно к этому званию и отметил в «Досках судьбы»: «20 декабря 1915 был избран королем времени».

Был ли знаком поэт с мифологией калмыков? Знал ли он о существовании образа Хозяина времени в мифопоэтической традиции народа, в среде которого он вырос?

Все эти вопросы открывают новые аспекты в изучении творчества Поэта. Аспекты, которые требуют междисциплинарного подхода и совместных исследований русистов и ориенталистов.

Литература

- 1 *Воспоминание Веры Хлебниковой* // Хлебников В. Стихи. М.: Товарищество «Художественная печатня», 1923. С. 56–62.
- 2 *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 70 с.
- 3 *Хлебников В. В.* Зангези. М.: Типолит. Упр. ОГЭС, 1922. 35 с.
- 4 *Хлебников В. В.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2002. 544 с.
- 5 *Хлебников В. В.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2002. 500 с.
- 6 *Хлебников В. В.* Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2006. 448 с.

Парнис А. Е.

«... МОНГОЛЬСКИЙ МАЛЬЧИК, ЗАДУМАВШИЙСЯ О СУДЬБАХ СВОЕГО НАРОДА»

(Калмыцкая тема в творчестве
В. Хлебникова)*

Калмыцкая тема в творчестве Хлебникова почти не разрабатывалась исследователями. Она до сих пор фактически остается *terra incognita*, хотя первые шаги в этой области были сделаны К. Ерымовским, Г. Глининым, Ю. Чуйковым и автором этих строк¹. Мало исследованы ранние детские годы будущего поэта, проведенные им с родителями в Калмыцкой степи. Отец поэта В.А. Хлебников (1857–1934) был попечителем Малодербетовского улуса Черноярского уезда Астраханской губернии (1885–1891). Калмыцкий период Хлебникова, по его определению, «первые годы ученичества на далекой Волге» [Творения 1986: 543], сестра поэта — художница Вера назвала «счастливой порой жизни»².

* В основу этой статьи легла моя работа о подлинном месте рождения (2-я глава, «калмыцкая», из большого исследования «Евразийские» контексты Хлебникова), напечатанная в 2003 г. в сб. «Евразийское пространство: звук, слово, образ», т. к. до сих пор в некоторых статьях и в Интернете утверждается, что Хлебников якобы родился в Ханской ставке Калмыцкой степи.

¹ *Ерымовский К.* Певец Лебедии // Ерымовский К. Легенда о лотосе. Элиста, 1969. С. 151–188. Примечательно, что К. Ерымовский в очерке «Певец Лебедии» не ставил под сомнение место рождения Хлебникова, а по-прежнему считал, что поэт родился в селе Тундутово Черноярского уезда. См. также: *Глинин Г. Г.* Калмыкия в прозе Хлебникова // Тез. докл. III Хлебниковских чтений. Астрахань, 1989. С. 34–35. *Чуйков Ю.* Почему тускнеют жемчужины. Астрахань, 1996 — гл. «Калмыцкая степь»; а также: *Парнис А.* «Конецарство, ведь оттуда я...» // Теегин герл (Свет в степи). Элиста, 1976. № 1 (67). С. 135–151. Лишь в последнее время, начиная с 2005 г., были напечатаны несколько работ Р. М. Ханиновой, посвященных калмыцкой теме поэта: *Ханинова Р. М.* Калмыцкий компонент в творчестве В. Хлебникова // Творчество Велимира Хлебникова и русская литература XX века: поэтика, текстология, традиции: материалы X Междунар. Хлебниковских чтений. Астрахань, 2008. С. 314–319.

² Из неизданных записей В. В. Хлебниковой.

Хлебников мифологизировал место своего рождения и загадочно называл себя «сыном Азии» [НП 1940: 472], или с характерным для него эпитетом — «сыном *гордой* Азии» [1986: 589]. В автобиографических заметках и анкетах он зашифровал название места своего рождения. Он называл его то «станом монгольских, исповедующих Будду, кочевников», или «Ханской ставкой», то обобщенным наименованием — Астраханские степи, то «морской окраиной России вблизи устья Волги» [1986: 641–644]. Многие годы (до начала 1970-х гг.) существовала версия, что поэт родился в селе Тундутово Черноярского уезда Астраханской губернии [СП 1933: I, 7]. Первые биографы Хлебникова, Н. Л. Степанов и Н. И. Харджиев, основывались на данных копии метрического свидетельства и на выписке из него³, а некоторые расхождения в автобиографиях поэта и в документальных данных не вызывали у них никаких сомнений.

Чтобы развязать этот запутанный узел и разобраться в разночтениях, в 1971 г. я поехал на родину поэта — в Калмыкию. Впоследствии, основываясь на собранных во время поездки материалах, хотя ни в Тундутове (тогда — Городовиково), ни в Малых Дербетах (села с таким названием в конце XIX в. в Калмыкии не было) никто не слышал о фамилии Хлебниковых, проживавших здесь в конце XIX в., и, тщательно проанализировав и сопоставив выявленные материалы с документами, обнаруженными в архивах и в печатных источниках, я смог установить подлинное место рождения Хлебникова — это главная, или зимняя, ставка Малодербетовского улуса (из нее впоследствии выросло нынешнее село Малые Дербеты).

³ Н. Л. Степанов в первом биографическом очерке о Хлебникове [СП 1928–1933: I, 7] и в других своих статьях полагал, что место рождения поэта — село Тундутово. Однако в монографии [Степанов Н. Л. Велимир Хлебников. М., 1975. С. 7–8.] он говорит об этом осторожнее, приведя лишь свидетельства самого поэта. В сноске от редакции (монография Степанова вышла уже после смерти автора) была указана наша статья о подлинном месте рождения Хлебникова [Парнис А. Родина поэта // Советская Калмыкия. Элиста, 1974. 19 марта]. Н. И. Харджиев в своих первых статьях о Хлебникове (например, в публикации, подготовленной совместно с Т. С. Грицем в журнале «30 дней». — 1935. № 7. С. 65.), а также в других статьях, написанных в 1970-х годах, по-прежнему считал, что глава будетлян родился в селе Тундутово.

Более того, во время поездки в 1971 г. мне удалось найти и определить дом, в котором родился будущий поэт и который простоял более ста лет, но уже после моего отъезда он, к сожалению, неожиданным образом сгорел. Я подробно рассказал об этой поездке в статье «Конецарство, ведь оттуда я...»⁴. И этот новый факт был введен в научный оборот и в основные справочные издания и энциклопедии: «Краткую литературную энциклопедию» (Т. 8: 293; в нем новое место рождения дано в виде гипотезы) и «Большую советскую энциклопедию» (3-е изд. М., 1978. Т. 28.).

Однако до сих пор исследователи и биографы поэта не могут идентифицировать подлинное место рождения Хлебникова и соотнести его с названием «Ханская ставка». Они не могут понять, как согласуются между собой Тундутово, Малые Дербеты и Ханская ставка, они путают Ханскую ставку с зимней (главной) ставкой Малодербетовского улуса, поэтому я снова вынужден вернуться к этому вопросу.

В биографической справке о Хлебникове, написанной в 70-х гг. М. А. Рашковской и предваряющей опись личного фонда В. В. Хлебникова, находящегося в РГАЛИ, слова «родился <...> в селе Тундутово Астраханской губернии» зачеркнуты и помечены звездочкой (*), а внизу дана сноска, написанная, вероятно, той же М. А. Рашковской: *Хлебников родился в зимней ставке Малодербетовского улуса (ныне село Малые Дербеты). См. статью А. Е. Парниса «Родина поэта» (газ. «Советская Калмыкия», 19. III. 74 г., и 8 т. «Краткой Литературной Энциклопедии»)*. Рядом с этими словами в конце 70 гг. была сделана приписка рукой Н. И. Харджиева: «(об этом многократно писал сам Хлебников)». Затем, зачеркнув в тексте предисловия Рашковской фразу о Тундутове, он сверху приписал: «...в Астраханской степи (в Мало-дербетовском улусе)»⁵.

Однако это не совсем так, и здесь необходимо внести определенные коррективы. Как упоминалось, в томе «Неизданные произведения» В. Хлебникова (1940), подготовленном Н. И. Харджиевым и Т. С. Грицем, была напечатана «Автобиографи-

⁴ Парнис А. «Конецарство, ведь оттуда я...» // Теегин герл (Свет в степи). Элиста, 1976. № 1 (67). С. 135–151.

⁵ РГАЛИ. Ф. 527 (предисл. М. А. Рашковской к описи. С. 2).

ческая заметка» (1914), в которой поэт так назвал свое место рождения: «родился <...> в стане монгольских, исповедующих Будду, кочевников – имя «Ханская ставка», в степи...» [НП 1940: 352]. В комментариях к автобиографии не разъяснено это наименование, а также не отмечено, почему в биографии Хлебникова, написанной Н. Л. Степановым и опубликованной в 1928 г. в первом томе Собрания произведений, т. е. при жизни родителей поэта, указано другое место его рождения – село Тундутово. Более того, Н. И. Харджиев в статье о Хлебникове, написанной в начале 1970-х гг. для восьмого тома «Краткой литературной энциклопедии», продолжал указывать прежнее место рождения — Тундутово⁶. А в 1975 г. в сборнике «День поэзии» Н. И. Харджиев в своей публикации фрагмента из автобиографической «повести в стихах» Хлебникова «Меня окружали степь, цветы, ревучие верблюды...», посвященной детству поэта (см. ниже), почему-то вообще не указал точного названия места рождения Хлебникова и написал неопределенно — Калмыцкая степь, Малодербетовский улус⁷. Другие исследователи (Р. В. Дуганов, В. В. Бабков), а также калмыцкий поэт Д. Н. Кугультинов считали, что место рождения Хлебникова называлось Ханская ставка Малодербетовского улуса⁸.

⁶ Статья Н. И. Харджиева о Хлебникове была отклонена редакцией КЛЭ (ее текст находится у автора настоящей работы) и заменена другой статьей, написанной И. Б. Роднянской (Т. 8. 1975. С. 293), в которой названы две версии места рождения поэта – Тундутово и Малые Дербеты (без указания источника «второго» места его рождения).

⁷ Харджиев Н. Новое о Велимире Хлебникове: к 90-летию со дня рождения // День поэзии. 1975. М., 1975. С. 201–211. Харджиев ошибочно указал, что будущий поэт в детстве жил с родителями в Калмыцкой степи восемь (!) лет. В действительности Хлебниковы в Малодербетовском улусе прожили шесть лет, с 1885 по 1891 г., и летом 1891 г. переехали в село Подлужное Ровенского уезда.

⁸ Р. В. Дуганов приводит цитату из автобиографии Хлебникова (1914) с указанием мифопоэтического названия «Ханская ставка», но не дает подлинного названия села, в котором родился поэт. [Дуганов Р. В. Велимир Хлебников: Природа творчества (М.: Совет. писатель, 1990. С. 12.] См. также коммент. Р. В. Дуганова в: Хлебников В. Утес из будущего / сост., вступ. ст. и примеч. Р. В. Дуганова. Элиста, 1988. С. 249; Крученых А. Наш выход / вступ. ст. Р. В. Дуганова, коммент. Р. В. Дуганова, А. Т. Никитаева и В. Н. Терехиной. М., 1998. С. 210.

Как было отмечено выше, Хлебников родился — в зимней, или главной, ставке Малодербетовского улуса, в нескольких километрах от села Тундутово. В девятимесячном возрасте 1 августа 1886 г. его крестили в Воскресенском храме, в метрической книге была сделана соответствующая запись⁹. Однако в некоторых литературно-биографических словарях до сих пор местом рождения Хлебникова указывается село Тундутово¹⁰.

Вероятно, по ассоциации с Калмыцким ханством, ликвидированным после смерти в 1803 г. последнего хана, Чучея Тундутова, и в связи с его именем, Хлебников метафорически назвал улусную ставку — Ханской¹¹.

Но не исключено, что название Ханская ставка возникло посредством игры слов. Отвечая на вопрос анкеты С. Л. Венгерова (1914) о месте рождения, Хлебников написал: «Степь Астрах. Ханская ставка» [Творения 1940: 642], вероятно, он расчленил, вернее, мог расчленить слово «Астраханская» на две части: «Астра+ханская» и образовать мифопоэтическое название своего места рождения. Вторая часть слова была переосмыслена Хлебниковым и превращена в «древний» топоним — Ханская ставка.

В. В. Бабков в комментариях к «Доскам судьбы» В. Хлебникова дважды цитирует формулировки поэта из его автобиографических заметок, в которых названа «Ханская ставка», но не объясняет, что это название — метафора [Хлебников В. Доски судьбы / сост. и коммент. В. В. Бабова. М., 2000. С. 160, 170.]. Д. Н. Кугультинов пишет, что Хлебников родился в Ханской ставке Малодербетовского улуса, а также упоминает дом Хлебниковых в Малых Дербетах, но не разъясняет, как соотносятся между собой эти два названия [Хлебников В. Ладомир / предисл. Д. Н. Кугультинова; сост., вступит. ст. и примеч. Р. В. Дуганова. Элиста, 1988. С. 5, 10].

⁹ РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед.хр. 153.

¹⁰ См., например, статью о Хлебникове, изобилующую многочисленными ошибками: А. И. Михайлов. Хлебников В.В. // Русские писатели. XX век: Биобиблиографический словарь. Ч. 2 / под ред. Н. Н. Скотова. СПб., 1998. С. 519.

¹¹ Е. Р. Арэнзон в новом собрании сочинений Хлебникова безо всяких оснований утверждает в комментариях к одной из анкет поэта, что Ханская ставка — это «почтовое отделение зимнего поселения кочевников-калмыков северо-восточных районов Астраханской губернии» [Хлебников В. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. М., 2006. С. 340].

Самому факту своего рождения не в русском селе Тундучово, а в «стане монгольских, исповедующих Будду, кочевников», или «Ханской ставке», как он назвал калмыцкую улусную ставку, поэт придавал особое символическое значение. Вероятно, поэтому Хлебников и называл себя «сыном Азии» или «сыном гордой Азии».

Критик Д. П. Святополк-Мирский еще в 1928 г. проницательно указал на истоки «азиатского» мировидения Хлебникова: *И кажется правильным, что его город <sic! – А. П.> была Астрахань, узел России, Турана и Ирана, самый голый и онтологический из русских городов, караван-сарай, окруженный стихиями – пустыней и водой. Астрахань – один из ключей к Хлебникову...*¹².

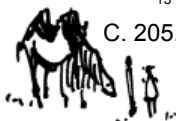
«Калмыцкое» происхождение Хлебникова, его раннее детство, проведенное в Астраханской степи, позволяют не только многое понять в постоянном стремлении Хлебникова к Востоку, но и правильно оценить генезис этого тяготения.

В черновом фрагменте из упомянутой автобиографической «повести в стихах» Хлебников писал о своем детстве:

Меня окружали степь, цветы, ревучие верблюды,
Круглообразные кибитки,
Моря овец, чьи лица единообразно-худы,
[Огнем крыла пестрящие простор удода],
Пустыни неба гордые пожитки.
Так дни текли, за ними годы.
Отец, далеких гроза сайгаков,
Стяжал благодарность калмыков.
<.....>
Пояс казаков с узорной резьбой
Мне говорил о серебре далеких рек.
Порой зарницей вспыхнувший разбой, –
Вот что наполняло мою душу, человек¹³.

¹² Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи / сост. В. В. Перхин. СПб., 2000. С. 205.

¹³ Цит. по: Харджиев Н. Новое о Велимире Хлебникове. М., 1975. С. 205.

В незаконченной беллетризированной автобиографии «Нужно ли начинать рассказ с детства?..» поэт связывает свою судьбу непосредственно с исторической судьбой ойратов-калмыков, покинувших в начале XVII в. свою прародину — степи Джунгарии (Северо-Западный Китай) и обосновавшихся в Европе — в низовьях Волги, на ее правом берегу.

Калмыцкая тема в творчестве Хлебникова также непосредственно связана с монгольской темой и нижневолжскими сюжетами и мотивами. О своей «калмыцкой» родословной Хлебников упоминал в том же автобиографическом рассказе, где он отождествил «второе я» с «монгольским мальчиком»:

<...> и я подумал: но ведь это я, но в другом виде, это я — этот монгольский мальчик, задумавшийся о судьбах своего народа. А вырезанные из дерева слоны смотрели с ворот хурула. Тогда у меня было поручение достать монгольских кумиров, но я его позорно не выполнил. [1986: 542]. Под «монгольскими кумирами» Хлебников имел в виду вырезанные из дерева фигуры животных, которые с наружной стороны украшали хурульные постройки и которых должно было быть шестнадцать, и одна из них — «зан-эрдни», т.е. «слон-драгоценность»¹⁴.

Здесь, безусловно, переплелись личные впечатления о жизни и быте калмыков, хорошо знакомых поэту с детства, и этнографические сведения о калмыках, почерпнутые из различной научной литературы и, в частности, из трудов И. А. Житецкого, в 1883–1886 гг. путешествовавший по Калмыцкой степи, был знаком с отцом поэта В. А. Хлебниковым, который помогал ему в сборе материалов о быте калмыков (сохранилось несколько писем этнографа к Хлебникову-старшему). Эти книги, несомненно, находились в домашней библиотеке попечителя Малодербетовского улуса.

В повести «Есир» (1918–1919), построенной на синтезе европейских и восточных традиций, есть эпизод, в котором индус выпускает на свободу дикого лебедя, а в него «могла переселиться душа его отца» [1986: 550]. В джайнской традиции существует учение о переселении душ, но в индийской мифологии

¹⁴ См.: Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М., 1893. С. 46, 64 (далее — [Житецкий 1893]).

нет обряда отпускания птиц на свободу. Скорее всего, Хлебников приписал индусу обряд, характерный как для калмыков, так и для христианской традиции, когда в праздник Благовещения (25 марта) выпускают птиц из клеток. Контаминированный эпизод из «Есира», вероятно, восходит к пассажу из книги И. А. Житецкого «Очерки быта астраханских калмыков»: Так как душа воплощается и в «адусен» — животных, то убивать их грех. (...) Напротив, полезно в видах спасения освобождать животных от смерти: муха попала в пищу — ее нужно скорее вынуть и отпустить; вша попала под руку — следует ее пустить на свободу; в невод попала рыба — нужно освободить хоть часть ее и т. п. Благочестивые калмыки ежегодно покупают пойманных рыб и пускают их в воду, освобождают птиц из клеток и проч.¹⁵

Хлебников приводит в повести «Есир» еще один эпизод из быта калмыков, связанный с варением и питьем водки «арьки» (у него неточно — «бозо», т. е. молочная гуща, остающаяся в котле после того, как сварят водку) и сопровождаемый обрядом «зулук-эрггёхё» (или «зулук-э(р)ктёкё»; (в первоисточнике, вероятно, опечатка)¹⁶. Автор повести варьирует описание этого обряда или допускает неточности. Кроме того, калмык в «Есире» пьет, почему-то «бозо», а не «арьку», и произносит только одну фразу при совершении обряда, а не несколько фраз, которые, по традиции, как отмечено у Житецкого, должны сопровождать каждое жертвенное возлияние водкой. И все же хлебниковский вариант описания обряда восходит к описанию обряда зулук-эрггёхё в указанной работе Житецкого — с характерным сдвигом или «ошибкой»: поэт превратил Окон-тенгри, женское божество времени и судьбы ламаистского пантеона, в бога пламени Окина-Тенгри, который у Житецкого написан также в мужском роде — как «огненный Окин-тенгир»:

Самое питье арьки сопровождается обычно обрядовым церемониалом. Когда арька готова, женщина снимает крышку и ставит котел перед хозяином кибитки. Последний прежде всего наливает арьку(у) в «таклын цёкцо» (жертвенную чашку)

¹⁵ Житецкий И. А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки) // Сборник трудов Петровского Общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1892.

¹⁶ [Житецкий 1893: 46, 64].

и ставит ее перед бурханами на «таклын ширэ» (жертвенный столик) или на барун-баране; а затем совершает обряд «зулук-эркэжэ», который состоит в следующем. Хозяин льет в чашку немного арьки и выливает ее в огонь очага, произнося: <..> (пусть милует нас **огненный Окин-тенгир**) (выделено мной – А. П.); льет во второй раз арьку в чашку и мечет ее в небо, вверх со словами: <...> пусть милуют нас все боги); третью чашку мечет в дверь и говорит: <...> (пусть лошадь стоит в седле постоянно); <...> (пусть будет приход, а не рас-ход; да минет всякая болезнь; да не зовут хозяина в суд); в 4-й раз льет арьку на «хапхык» (слепок из глины) со словами: <...> (пусть милует сакусын Чингис Богдо-хана); наконец, пятую подает уже или почетному гостю, или же, если такого нет в кибитке, сам выпивает...¹⁷.

В «Есире» есть еще несколько калмыцких и буддистских эпизодов, реалий и мотивов (упоминается мифологическая гора Сюмер-ула, а также первый слог главной **буддистской** молитвы «аум»: «ом мани патме хум!», в переводе — «драгоценность „ом» воистину на лотосе»¹⁸ и др.), которые в сложных комбинациях перемежаются с образами, мотивами и элементами других традиций и составляют единую многоплановую «славяно-восточную» структуру повести.

Сохранились черновые фрагменты или заготовки текста, озаглавленного «Ловецкий рассказ» (1918?) и написанного в старой орфографии, — они относятся, вероятно, к повести, получившей окончательное название «Есир». Приведем один фрагмент:

продажа в рабство (...)
Калмык узнает место по вкусу почвы
В степи
<...>
мало воды, мало травы, много песка, много (нрзб.)
Нет леса, нет и камня
(дымные?) поселки, волны Китая

¹⁷ Подробнее об обряде см.: [Житецкий 1893: 32–33]; Эрендженов К. Золотой родник. Элиста, 1990. С. 78–79. (гл. «Обработка молока»).

¹⁸ И. А. Житецкий считал эту молитву «первой молитвой каждого ламаита» [Житецкий 1893: 69].

Он ехал в ту страну
 белел каменный детинец
 и т. д.¹⁹

Еще в 1912–1913 гг. Хлебников задумал, как он впоследствии напишет в автобиографии «Свояси», «построить общеазиатское сознание в песнях» [1986: 36]. И с этого времени, а может быть, и раньше калмыцкая тема и калмыцко-монгольский «голос» поэта будут отчетливо и уверенно звучать в ряде его текстов. В письме к Л. Е. Крученых (1912) он заявлял: «4) Заглянуть в монгольский мир» [СП 1928–1933: 298]. В своей замечательной статье «О расширении пределов русской словесности» (1913; ср. заглавие стихотворения А. Пушкина «Я видел Азии бесплодные пределы...») Хлебников ставил перед ней глобальные задачи, одна из которых звучала так: *Она (русская словесность. – А. П.) не знает персидских и монгольских веяний, хотя монголо-финны предшествовали русским в обладании землей* [Творения 1986: 593].

Естественно, что сам поэт пытался реализовать столь широкую и непростую задачу. Эта тема будет занимать в его «обще-азиатской» эстетической программе вполне определенное и важное место.

Рожденный в калмыцкой степи, он, очевидно, хорошо знал фольклор калмыков, и поэтому поэма «Хаджи-Тархан» (1913), посвященная Астрахани и Нижневолжскому краю, не случайно начинается с легенды о священной для калмыков горе Богдо:

Где Волга прынула стрелой
 На хохот моря молодого,
 Гора Богдо своей чертою
 Темнеет взору рыболова.
 Слово песни кочевое
 Слуху путника расскажет:
 Был уронен холм живой,
 Уронил его святой, —

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 527. 1. Ед.хр. 125. Л. 32. Цит. по выписке Н. И. Харджиева из рукописей Хлебникова (Фонд Харджиева-Чаги, Стеделийк музей).

Холм, один пронзивший пажить!
А имя, что носит святой,
Давно уже краем забыто.
Высокий и синий, боками крутой,
Приют соколиного мыта!
Стоит он, синее травой.
Над прадедов славой курган.
И подвиг его, и донны живой
Пропел кочевник-мальчуган.
<.....>
Стоит верблюд, сутул и длинен,
Космат, с чернеющим хохлом.
Здесь люда нет, здесь край пустынен.
Трепещут ястребы крылом.
Темнеет степь; вдали хурул
Чернеет темной своей кровлей,
И город спит, и мир заснул,
Устав разгулом и торговлей.

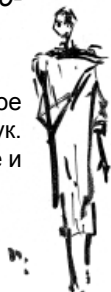
[Творения 1986: 245–246]²⁰

Во время своего последнего пребывания в окруженной кольцом фронтов Астрахани (август 1918 — март 1919) Хлебников работал над повестью «Есир», посвященной традициям различных народов, живущих в Нижнем Поволжье, а также задумал интернациональный сборник. Об этом свидетельствует объявление, напечатанное в газете «Красный воин»: *Внимание т<оварищей> авторов. Предположен к изданию литературный сборник на русском, калмыцком (выделено мной. — А. П.), армянском, грузинском, персид<ском> и татар<ском> языках. Авторы, пишущих на указанных языках, просят направлять свои писания по следующему адресу: г. Астрахань, Бол<ьяшая>Демидовская, д<ом> Поляковых, В. В. Хлебникову или в ред<акцию> «Красного Воина». Конверты должны снабжаться отметкой: для сборника.*

Личный прием от 2 <до> 3 часов дня. 22»²¹.

²⁰ Об этой калмыцкой легенде см.: *Россия: Полное географическое описание нашего отечества* / под ред. В. П. Семенова и под общ. рук. П. П. Семенова и В. И. Ламанского. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. 529.

²¹ Красный воин. Астрахань, 1918. № 31. 16 октября.

Но эту замечательную идею реализовать не удалось.

В текстах Хлебникова последнего периода использованы и переосмыслены различные этнографические, фольклорные и мифологические материалы, связанные с жизнью, **бытом** и культурой калмыков и других восточных и славянских народностей, проживавших в Нижнем Поволжье в далеком прошлом и в начале XX в. Они воплощены, как показано выше, не только в поэме «Хаджи-Тархан» и повести «Есир», но и в очерке «Лебедя будущего» (1918), в поэмах «Война в мышеловке» и «Азы из узы», а также в статьях и заметках, написанных в разное время. Выявить эти материалы, установить их источники и верно их идентифицировать — задача, требующая значительных усилий и отдельного исследования.

Калмыцкая тема не только является одной из составляющих **«общеазиатской»** программы Хлебникова и его «азиатского» мировидения, она — генетический первоисточник этой программы. Не случайно в стихотворении «Да есть реченья князь и кнезь...» (1916) Хлебников превратил детскую калмыцкую игру в альчики — овечьи или коровьи бабки («шагалцан» или «шага надылган», по Житецкому²² (23), популярную также и среди русских детей, в «божественную» или космическую метафору:

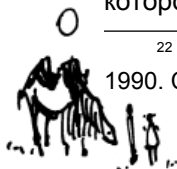
Я видел: мир, играя в альчики,
Дожднул на всех дыханьем Бога.

[НП 1940: 270.]

Позволю себе два лирических отступления.

Первое отступление. В апреле 2002 г., спустя тридцать лет после первой поездки в Калмыкию в 1971 г., я вместе с моим американским другом и коллегой Х. Бараном снова ездил на родину поэта в Малые Дербеты. К сожалению, на месте дома улусного попечителя, где в 80–90-х годах XIX века проживали Хлебниковы и где родился будущий поэт — в 1971 г. он еще стоял целым, — мы увидели, увы, только пепелище. Но зато в двух комнатах малодербетовской школы был открыт несколько лет назад небольшой школьный музей Хлебникова, в котором собраны различные материалы и издания поэта последних лет. Но, возможно, я ошибся — не исключено, что дом попечителя, в котором родился Хлебников, находился в другом месте.

²² См.: [Житецкий 1893: 39]; Эрендженев К. Золотой родник Элиста, 1990. С. 80–85.

После появления в печати в 1974 г. моей статьи «Родина поэта» кандидат исторических наук, краевед И. В. Борисенко, напечатал статью «Где дом поэта?», в которой он полемизировал со мной. Он согласился с главным — Хлебников родился не в Тундудове, как считалось ранее, а в зимней ставке Малодербетовского улуса, но утверждал, что я допустил ошибку и что на самом деле дом попечителя, в котором родился поэт, находится в другом месте, и у автора имеется фотография этого дома 1920-х годов²³.

Во время второго приезда в Элисту в 2002 г. я познакомился с И. В. Борисенко, и он показал мне эту старую фотографию. На снимке, вероятно, запечатлен дом попечителя Малодербетовского улуса, но изображение, к сожалению, очень плохого качества (на заднем плане фотографии нечетко зафиксированы три постройки попечительской усадьбы), и его трудно идентифицировать с другой — единственной! — фотографией, где на фоне попечительского дома заснята вся семья Хлебниковых (1886?), в том числе и маленький Витя на коленях у няни. Эта фотография попечительского дома, любезно предоставленная И. В. Борисенко в мое распоряжение, впервые была опубликована в книге В. Хлебникова «Ладомир» (1988)²⁴.

Второе отступление. В конце августа 2008 г. — прошло тридцать семь лет после первой поездки в Калмыкию — я снова посетил родину Хлебникова. Меня пригласили на межрегиональную конференцию «Велимир Хлебников и калмыки в III тысячелетии», приуроченную к 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России. Конференция началась 1 сентября на родине поэта в селе Малые Дербеты, а затем продолжалась в Элисте, в Институте гуманитарных исследований РАН. Я прочел доклад «Ханская ставка — метафора или топоним?», в котором привел новые документы, подтверждающие мою гипотезу, высказанную много лет назад, и вновь пытался привлечь внимание калмыцких ученых к вопросу о подлинном

²³ См. публикации *Борисенко И. В.*: Хлебниковы из Малых Дербет // Советская Калмыкия. 1983. 23 июля; *Борисенко И. В.* Хлебниковы в Калмыкии // Советская Калмыкия. 1985. 6 июля; *Борисенко И. В.* Где дом поэта? // Советская Калмыкия. 1985. 9 ноября.

²⁴ *Хлебников В.* Ладомир / предисл. Д. Н. Кугультинова; сост., вступ. ст. и примеч. Р. В. Дуганова. Элиста, 1988. С. 8–9.

месте рождения поэта, а также поставил вопрос об издании в Калмыкии научных трудов его отца, В. А. Хлебникова, посвященных жизни и быту калмыков в конце XIX века. Поэт писал в одном из ранних стихотворений:

Отец, далеких гроза сайгаков,
Стяжал благодарность калмыков.

...Недалеко от села Малые Дербеты, в степи, в 1992 г. был установлен первый памятник Хлебникову – работы калмыцкого скульптора Степана Ботиева. Еще в 1913 г. Хлебников пророчески заявлял в одном малоизвестном стихотворении:

Про всех забудет человечество,
Придя в будетлянские страны.
Лишь мне за мое молодечество
Поставят памятник странный...²⁵

Отец и сын Хлебниковы были видными представителями истории науки и культуры русского и калмыцкого народов в XIX и XX веках, а сам поэт Велимир Хлебников стал выдающейся фигурой мировой культуры. Их имена в дни празднования юбилея — 400-летия добровольного вхождения Калмыкии в Россию — должны стать символом единения обоих народов.

Источники

[НП] — Хлебников В. Неизданные произведения / ред. и коммент. Н. Харджиева и Т. Грица. М., 1940.

[СП] — Хлебников В. Собрание произведений в 5 т. / под общ. ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л., 1928–1933.

[Творения 1986] — Хлебников В. Творения / общ. ред. и вступит. ст. М. Я. Полякова; сост., подгот. текста и коммент. В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. М., 1986.

²⁵ Крученых А., Хлебников В. Слово как таковое. М., 1913. С. 14. По устному свидетельству Р.О. Яковсона (во время его последнего пребывания в Москве в 1978 г.) в беседе с автором этих строк, процитированное здесь второе четверостишие из коллективного стихотворения «Памятник» и напечатанное в указанном сборнике, принадлежит Хлебникову, а два других четверостишия – А. Крученых. См. также: Хлебников В. Собрание сочинений. Bd 3. Hrsg. V. Markov. Munchen, 1972. S. 379, 400.

Фещенко В. В.

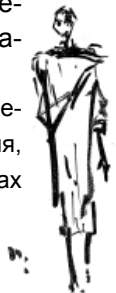
**ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ
КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ «КЕНТАВРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ»?***

Хлебников-ученый, думается, — столь же серьезный и неисчерпаемый объект обсуждений и исследований, как и Хлебников-поэт. Какова природа самой творческой личности Хлебникова при таком гармоничном балансировании между двумя родами творческой деятельности, которые в обычной практике почти не соприкасаются и существуют порознь в сознании современного человека? В этих заметках мне бы хотелось привлечь внимание к этой двойственности Хлебникова и попытаться понять — как поэт превращается в ученого, не переставая быть поэтом и, более того, отдавая обратно поэзии свою научную интуицию и достижения?

Другой важный вопрос — о специфике восприятия поэта как ученого в разных исторических и общественных условиях. Могло ли бы, сложись судьба Хлебникова более благоприятно, научное сообщество воспринимать его как актуального деятеля науки, а художественное сообщество — как непротиворечивую личность, вмещающую в себя на равных правах поэтическое сознание и научный разум?

Думается, что в первом случае ответ мог бы быть положительным, если бы научное сообщество 1920-х гг., то есть времени написания «Досок судьбы», не находилось постоянно на гра-

* В первоначальном виде статья была представлена на конференции «Велимир Хлебников: бюджетянский поэт» (Лион, Франция, октябрь 2006). Работа над публикуемой версией проведена в рамках гранта ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории».

ни самосохранения и распада из-за известных обстоятельств. Имеются обширные свидетельства того, что передовые научные круги в то время активно сотрудничали с творческой интеллигенцией. В пример можно привести деятельность Вольфилы – Вольной философской ассоциации, в составе которой были многие выдающиеся мыслители, философы и писатели, а также представители естественных наук. Кстати, именно в Вольфиле, по сохранившимся документальным свидетельствам, был однажды проведен вечер памяти Хлебникова, на котором шла речь и о научных изысканиях поэта. То есть, научная общественность была готова к восприятию Хлебникова как ученого, чего, пожалуй, нельзя сказать о поэтической среде. Научные выкладки Хлебникова более сочувственно принимались в среде художников — К. Малевичем, М. Матюшиным, В. Кандинским и другими, в среде же поэтов некоторый интерес в этом смысле проявлял, вероятно, лишь О. Мандельштам, для остальных уход Хлебникова в научные дали оставался чуждым.

Заметим, что подобное положение сохраняется и сейчас. Хлебниковым-ученым интересуются многие деятели науки, а для современных поэтов, при всех симпатиях к поэтической практике «будетлянина», развитие научной мысли Хлебникова оказывается лишним и ненужным. Почему? Этот вопрос, как представляется, можно адресовать социологам и историкам литературы. Но есть, вероятно, некое глубинное объяснение, касающееся природы творчества и природы личности самого Хлебникова.

Здесь уместно привести контрастный пример, позволяющий провести некоторую черту, отделяющую один тип личности и, соответственно, тип методологии творчества, от другого и даже отталкивающую их друг от друга. Это пример Бориса Пастернака, который, хотя и начинал с футуризма и преклонения перед талантом Хлебникова, все же к середине и концу жизни отрекся от хлебниковской линии, именно из-за поздних научных пристрастий «будетлянина» [Баевский 2000: 391]. В «Охранной грамоте» Пастернак как будто бы положительно характеризует личность Хлебникова, говоря о его «тонкой подлинности», и тут же замечает: «Но часть его заслуг и доныне для меня недоступ-

на, потому что поэзия моего понимания все же протекает в истории и в сотрудничестве с действительной жизнью» [Пастернак 2003: 220]. Чего не может понять Пастернак? И неужели не в сотрудничестве с историей и действительной жизнью протекает жизнь Хлебникова?

Сам Хлебников, несомненно, ответил бы ему, что история и действительная жизнь – его самые опорные творческие зоны, его «осады». В чем же разница между этими двумя пониманиями? Как представляется, в самом принципе творческого мышления, в разном устройстве творческого сознания. В поздней книге «Люди и положения» Пастернак уточняет: «Люди, рано умиравшие, Андрей Белый, Хлебников и некоторые другие, перед смертью углублялись в поиски новых средств выражения, в мечту о новом языке, нашаривали, нащупывали его слоги, его гласные и согласные. Я никогда не понимал этих розысков. Помоему, самые поразительные открытия производились, когда переполнявшее художника содержание не давало ему времени задуматься, и второпях он говорил свое новое слово на старом языке, не разобрав, стар он или нов» [Пастернак 2003: 302]. Очевидно, творческое сознание Пастернака работает в другом режиме — в режиме молниеносного поэтического вдохновения и интуиции. Хотя сам Пастернак сторонится любой научной деятельности, ему, несомненно, известно, как делаются научные открытия, как и то, что сфера науки никогда не обходится без вдохновения. Вряд ли есть коренное различие в поэтическом вдохновении и научном озарении. Разница состоит лишь в том, как в дальнейшем это наитие преобразуется в форму. По Пастернаку, наиболее подходящей формой творческого выражения является записанное по наитию стихотворение, тогда как Хлебников, действуя порой таким же образом, не останавливается на этом, за каждым текстом ему видится некое обширное пространство, которое он называет «Единой книгой», «Звездным языком» или «Мирозданием в слове».

Хлебников отдает себе отчет в том, что вместе с новым языком он создает новое видение мира, и — в идеале — новый мир как таковой. И вместе с этим он проходит три стадии личностного и творческого становления. Создавая новый язык, он

действует как поэт, создавая новое видение мира, — действует как ученый, а в попытке создать новый мир он превосходит и поэта, и ученого и находится уже на новой, присущей только ему, стадии творческого становления, синтезирующей обе предыдущие: «Слово управляет мозгом, мозг — руками, руки — царствами». Далее он описывает обратный процесс — процесс чтения у него превращается в процесс познания, а процесс познания — в «действительную жизнь» и в конечном итоге в «историю».

Получается, что и Пастернака, и Хлебникова в равной мере интересуют одни и те же сущности, только Пастернак представляет собой классический тип творческой личности, тогда как Хлебников уже является человеком новой формации, которую сам же и формирует (1). Хлебников не довольствуется статусом поэта и статусом ученого, его интересует выход в новое жизненное пространство: «Мы должны раздвоиться: быть и ученым, руководящим лучами, и племенем, населяющим волны луча, подвластного воле ученого» («Наша основа») [Хлебников 1986: 632]. Он предлагает не просто читать стихи и книги, а «читать клинопись созвездий». Уже в манифесте «Наша основа» он предвидит «доски грядущих законов», которые вскоре начнут обретать очертания в «Досках судьбы». Таким образом, само мышление Хлебникова в корне отличается от мышления других «чистых» поэтов тем, что, действуя в поэтическом пространстве, он стремится наложить на него пространство научное — пространство точной числовой истины, и все это для того, чтобы выйти в пространство третье — пространство самой преображенной жизни. Эстетика, эвристика и этика для него — части одного творческого акта.

Именно поэтому Хлебников называет себя бюджетлянином: будущее для него — просто настоящее, увиденное через призму слова, звука и числа: «Когда я замечал, как старые строки вдруг тускнели, когда скрытое в них содержание становилось сегодняшним днем, я понял, что родина творчества — будущее» («Свояси») [Хлебников 1986: 37]. Здесь вновь речь идет о прорыве скрытого содержания в реальность, в жизненное пространство, а наука оказывается пропитанной, поглощенной самой сырой жизнью. В другом признании поэта наука уже видится

ему частью искусства — числового письма: «В последнее время перешел к числовому письму, как художник числа вечной головы вселенной, так, как я ее вижу, и оттуда, откуда ее вижу. Это искусство, развивающееся из клочков современных наук, как и обыкновенная живопись, доступно каждому и осуждено поглотить естественные науки» [Хлебников 1986: 38]. Далее, уже в «Досках судьбы», он призывает вылететь из «курьятников наук», чтобы выйти на «широкую дорогу мирового разума». А мировой разум слагается, по Хлебникову, в равной мере из поэтических образов и из научных истин.

Научность выражается в законах — «законы времени», «закон поколений», «закон превращения слов» и т. д. Хлебников спорил с А. Андриевским по поводу «доказательности» законов времени: «Во всем естествознании, в том числе в физике, законы не доказываются, а открываются, обнаруживаются, выявляются путем отвлечения от бесчисленных частных и нахождения того, что является постоянным и потому составляет необходимую связь в кажущемся хаосе «толпящихся» вокруг нас «зыбких явлений». Доказываются только следствия из законов» [Андриевский 1985].

В таком изложении открытие закона не отличается от обретения образа в поэзии, разница только в том, как дальше используется выявленная формула. В поэзии она, как правило, развивается за счет других образов, в науке же — за счет четкого логического обоснования. Хлебников постоянно балансирует между этими двумя путями.

* * *

Остается пояснить, почему же в названии статьи Хлебников уподобляется «кентавру». Метафора кентавра, кроме своего мифологического ореола, имеет еще одно важное, культурологическое, значение. Обозначая два начала, неотделимые друг от друга и действующие как единое целое, кентавр может рассматриваться как символ союза науки и искусства, воплощенного в одной отдельно взятой личности.

Такое понимание кентавра отражено, например, в пластических и живописных работах скульптора Эрнста Неизвестного.

Кентавр — центральный концептуальный образ его творчества. Концепция художественно-научного синтеза для Э. Неизвестного связана с введенным им понятием «цивилизация кентавров» [Кентавр 1992]. Примером такой цивилизации может служить, согласно Неизвестному, египетская цивилизация, интерес к которой у Хлебникова, напомним, закономерен. Но и сам Хлебников может выступать не только предтечей, но и представителем такой «цивилизации кентавров», которая им только предощущается. Во всяком случае, русского поэта-будетлялина можно было бы причислить к разряду писателей так называемой «кентаврической литературы».

Автор этого термина, известный современный немецкий философ Петер Слотердаик, применил его по отношению к Ф. Ницше. С его точки зрения, дарования Ницше — не набор отдельных, рядоположенных способностей; между ними нет настоящего водораздела, они не просто сосуществуют друг с другом: «Более того, в этом авторе всякий раз одна сила действует через другую, и поэтому он не был, подобно многим художественным личностям, одновременно писателем и музыкантом, поэтом и философом, практиком и теоретиком и т. п. Он был музыкантом как писателем, поэтом как философом, практиком как теоретиком. Он не занимался двумя вещами сразу — делая одно, он именно тем самым делал другое» [Слотердаик 2001].

Ницше, согласно Слотердайку, человек «многострунной» культуры. В его пластическом сращении языков и сил возникает своеобразный интеллектуальный кентавризм: «Кентаврический гений начинает открывать для себя свой личный язык или, лучше сказать, языки выражения». В чем бы ни проявлялось это слияние различных источников и образцов, решающим является «событие кентаврического рождения, то есть высвобождение бесконечно богатого следствиями и двойственного по своей природе художественно-философского красноречия, в котором таланты Ницше впервые соединились в живое и плодотворное целое».

Слотердаик заимствует определение кентавризма у самого своего героя. Выражая предчувствие кентаврически-литературных тенденций начала следующего века, Ницше в письме Эр-

вину Роде обмолвился: «Наука, искусство и философия растут теперь во мне в таком тесном переплетении друг с другом, что когда-нибудь я непременно разрожусь кентаврами».

Но не сказал ли бы нечто подобное и *наш* герой — Велимир Хлебников? Ведь он, как и Ницше, позволял себе быть одновременно художником-ученым и ученым-художником [Baran 1994: 58–83; Камэяма 1980]. И поэзия для него была лишь компонентом кентаврической ментальности.

Кентаврист же, по словам Слотердайка, «пересекает границы обособленных друг от друга сфер и отстаивает идею их взаимосвязи». Немецкий философ считает кентавристами таких личностей в культуре, как Э.Т.А. Гофман и З. Фрейд, С. Кьеркегор и Т. В. Адорно, Новалис и Р. Музиль, Г. Гейне и А. Ключе, П. Валери и О. Пас, Б. Брехт и М. Фуко, В. Беньямин и Р. Барт. Будь «научное» творчество русского будетлянина известно более широким европейским кругам, имя Хлебникова, несомненно, вошло бы в этот ряд «кентавров» от культуры.

Понятие кентавра как синтетической личности, балансирующей на грани искусства и науки, получило развитие и в своеобразном направлении отечественной науки, получившем название кентавристики. В работе 1974 г. «Перекресток» основоположник этого направления Даниил Данин выдвинул так называемый принцип «кентавра» – совмещения категорий научности и художественности, «формулы и образа» [Данин 1974], что достигается не просто популяризацией научного материала, а рассказом о нем как о драме человеческих поисков правды истории и природы. Воплощением этого принципа явились жизнеописания таких великих физиков XX в., как Эрнест Резерфорд (1967) и Нильс Бор (1978).

Образ кентавра отражает, по Д. Данину, парадоксальное состояние сознания, порождавшего феномен, которого не было в реальном мире. Своеобразное осознание (представление) воображаемого мира воплощалось в образе, означавшем возможность совмещения несовместимого (2). Иначе говоря, кентавр – воплощенная несовместимость разных начал, каким-то образом преодоленная, что можно представить как метафору сочетания несочетаемого: «внутреннему миру каждого человека присущ

врожденный КЕНТАВРИЗМ — каждый из нас ПОТЕНЦИАЛЬНО кентавр НАУЧНОСТИ = ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ» [Кентавристика 1997]. Даниным предпринимается попытка разделения кентавров научности = художественности на три группы: А. Кентавры-произведения научно-художественного рода. В. Кентавры-взаимовлияния искусства и науки. С. Кентавры-творцы — люди двойной одаренности — ученые и художники одновременно.

Таковы положения, из которых исходит кентавристика, и хотя Хлебников в данных публикациях упоминается с оговорками пейоративного толка (3), его творческая личность, как никакая иная, требует изучения в свете данной концепции, наряду с такими личностями-кентаврами, как Пифагор, Гераклит, Эмпедокл, Лукреций, Леонардо, Дюрер, Гете и Новалис. Доминирующей чертой в творчестве названных художников-мыслителей является синтез научного и артистического познания и преобразования мира. Особенностью же Хлебникова является то, что его научно-художественная, или художественно-научная деятельность представляет собой не двунаправленный, а однонаправленный, точнее, едионаправленный процесс, если иметь в виду значимость категории единства в творчестве создателя «Досок судьбы».

Примечания

1. Хлебников, несомненно, более близок, чем Пастернак, к тому, что М. Мамардашвили назвал «неклассическим идеалом рациональности», провозвестником которого был, согласно философу, Ф. Ницше. Пастернак же, представляя собой тип романтической личности, все же остается в рамках классического типа творческого мышления и рациональности, не допуская научных амбиций в свое автономное поэтическое творчество, но и не претендуя на распространение своих поэтических интуиций в сферу научного разума.

2. Ср. с попыткой выявления общих, с точки зрения семиотики, характерных лингвистических явлений в разных знаковых системах в статье: [Наумов 2006]. Среди таких явлений автор, в частности, выделяет: метафоризацию, расширяемость, трансляцию текстов внутри одной знаковой системы и между разными знаковыми системами, создание интегральных сред познания XXI века и т. д.

3. Ср.: «Великий кентавр ГЕНИЯ=АБСУРДА Велимир Хлебников. Кроме поэзии — математические абсурдизмы и провидческие догадки...» [Кентавристика. 1997].

Литература

1. Андриевский А. Н. Мои ночные беседы с Хлебниковым // Дружба народов, 1985, № 12. URL: <http://www.ka2.ru/hadisy/besedy.html>.

2. Баяевский В. С. Хлебников и Пастернак. Прелиминарии к теме // Мир Велимира Хлебникова: статьи, исследования (1911–1998). М.: Языки рус. культуры, 2000.

3. Данин Д. С. Перекресток. М.: Сов. писатель, 1974.

4. Иванов В. В. Хлебников и наука // Пути в неизвестное: писатели рассказывают о науке. Вып. 20. М., 1986. С. 382–440.

5. Камзема И. Хлебников и Ницше. Ч. 1 // Уч. зап. ун-та Тэнри. № 125. Тэнри, 1980.

6. *Кентавр*: Эрнст Неизвестный об искусстве, литературе и философии. М., 1992.

7. *Кентавристика*: программа курса для гуманитарных специальностей. М., 1997. URL: <http://science.rsuh.ru/3-p.html>.

8. Наумов Н. О новой возможной парадигме познания в художественном и научно-исследовательском обиходе // Семиотика и Авангард: Антология. М.: Академ. Проект; Культура, 2006.

9. Пастернак Б. Л. Избранное в 2 т. Т. 2: повести, статьи, очерки, рецензии, драматические произведения, неоконченная проза. М., 2003.

10. Слотердайт П. Мыслитель на сцене. Материализм Ницше // Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. М., 2001. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/sloter.php>.

11. Хлебников В. Творения. М., 1986.

12. Baran H. Khlebnikov and Nietzsche: Pieces of an Incomplete Mosaic // Nietzsche and Soviet Culture: Ally and Adversary / Ed. B.G. Rosenthal. Cambridge, 1994. P. 58–83.

Пальчиков В. И.

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ И ПАЛИНДРОМИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ В РОССИИ

1. О палиндроме у нас слышал далеко не каждый. И всяческая в связи с ним случается иногда путаница. Готовясь к написанию настоящих заметок, я еще раз заглянул в стоящие на моих книжных полках словари. И уже в первой книге [«Литературный энциклопедический словарь. М., 1987], в статье М. Л. Гаспарова, к удивлению моему, наткнулся на очевидную неточность: источником цитаты из Велимира Хлебникова («Раб, нежь жен бар»), приводимой как наглядный пример типического и весьма удачного палиндрома, здесь ошибочно называется поэма «Уструг Разина». К чести великого филолога следует, тем не менее, отметить, что он тут же, в нескольких словах, как бы походя и между прочим, намекает на существование весьма редко встречающегося палиндромического вида, который при обратном чтении «сохраняет (обычно тождественный) смысл». Говоря иначе, в таких палиндромах при обратном чтении обнаруживается иной, чем при прямом чтении, смысл, но он, этот смысл, наличествует, и именно поэтому такой палиндром имеет право на существование. (См., к примеру, подобные палиндромы хотя бы в моей «Меге», в книге «Свод сонетов»: «Дум латы. В оде, дик, ору» и т. д.).

Более популярно о распространенных палиндромах сказано в словарях: палиндром — это такой текст, который «одинаково читается» «от начала к концу и от конца к началу», «слева направо и справа налево». [Советский энциклопедический словарь». М., 1980; Словарь иностранных слов. М., 1989].

Палиндром, в разных его видах и стадиях развития, известен человечеству с древнейших времен. Еще в Древнем Риме

жрецы преследовали его как проявление враждебных сил. В истории русской литературы пристальный, хотя и эпизодический интерес к нему проявляли Г. Р. Державин, Н. В. Гоголь, А. А. Фет, В. Я. Брюсов, В. В. Набоков и другие писатели-классики. И все-таки еще очень долго палиндром как вид культуры поэтического слова продолжал оставаться на положении «неведомого гения», ютиться в маргинальных пределах, в стороне от общественного сознания. И только иногда, в исключительном случае, иной испытанный остряк и душа компании, желая украсить беседу изысканной шуткой, бросит, бывало: «А роза упала на лапу Азора». Ну, а чтобы услышать: «Мы, низари, летели Разиным», — нужно было откуда-то взяться из ряда вон эстетствующему эрудиту. «Литературная забава» — так, ничтоже сумняшеся, представлял своим читателям палиндром один из не столь давних энциклопедических справочников.

2. «Двадцать лет назад, собирая антологию «нестандартных» форм русской поэзии и сталкиваясь с фактическим отсутствием таковых в печати, я не мог предположить, что довольно скоро увижу расцвет этих самых форм. В самом деле, палиндромисты, например, идут уже целыми косяками, семействами и городами!» Так, в несколько ироническом тоне, будто речь идет об очередном литературном поветрии, говорит о сравнительно недавно возникшем и все еще продолжающемся в русской поэзии «палиндромическом буме» Сергей Бирюков [Гринберг Б. Ас риверсА. Вступ. ст. С. Бирюкова. М., 2008]. А ведь произошло в русской поэзии событие, гораздо более серьезное, глубокое и масштабное, чем резкое повышение всеобщего интереса или любопытства к новой литературной моде.

Это было в начале времен. Времен новых, тех самых, в которые на загадочно-непредсказуемых пространствах тогдашнего СССР *брезжил уже величавый рассвет* неотвратимо близившихся судьбоносных перемен. Словно ни с того, ни с сего, без видимых причин, вдруг, в нижних, неведомых свету, обиталищах (андеграундах) нашей поэзии начался большой, столь непривычный для массового слуха, палиндромический взрыв. Этот подлинный взрыв вызревал на протяжении разных стадий

и периодов, в ходе долгой эволюции русской «литературной забавы». И, как результат, в последней четверти XX века Россия явила миру новую, дотоле небывалую, не только автономно-самостоятельную, но и альтернативную, «другую» поэзию, имя которой — русская палиндромическая поэзия.

Едва появившись на свет, она быстро стала на ноги, окрепла, процветает и превращается в крупное, полноценное направление современной отечественной литературы, ныне представленное во всех родах, жанрах и формах — от миниатюрного, в одну или в несколько строк стихотворения, до сделанного по всем канонам, правильного рифмованного сонета, поэмы и драмы. В палиндромической поэзии быстро зародились и продолжают развиваться свои традиции, школы и течения, здесь выдвинулись свои, ныне уже многочисленные, классики и корифеи. Сегодня сложилась серьезная критика и академически основательная, солидная наука, которые заняты теоретическим осмыслением проблем и вопросов палиндромической эстетики, стремятся вскрыть генеалогические корни и истоки этого уникального и самобытного словесного искусства (труды доктора филологических наук А. В. Бубнова, работы С. Бирюкова, Г. Луконникова, И. Чудасова и многих других).

3. Итак, новейшая палиндромическая поэзия возникла в России, хотя и не на пустом месте, но как-то неожиданно — вдруг и без видимых серьезных причин. Причины, однако, были, и жаль, что сколько-нибудь обстоятельный разговор о них в рамки наших заметок не уместить. Об одной из них сказать все-таки придется.

С приближением 1985 года — 100-летия со дня рождения Велимира Хлебникова — любители поэзии, и в особенности поклонники дарования поэта, с нетерпением ждали наступления этой значительной даты, заново перечитывая и осмысливая его наследие. Талант на редкость многогранный, в сознании читателей Хлебников неразрывно и навсегда связан с представлениями о новаторстве, о смелом экспериментировании вообще и в палиндромии, в частности. Хлебников и палиндром — близнецы-братья, и один без другого «не ходят». Конечно же, далеко

не случайно, что в двух из трех упомянутых в начале наших заметок энциклопедических справочников статьи о палиндромах озаглавлены «Перевертень» — термином, который был введен, как широко известно, Хлебниковым, что во всех трех статьях упоминается в обязательном порядке его имя.

Для каждого, сочиняющего палиндромические тексты или их читателя, имя Хлебникова-палиндромиста не просто авторитетно, оно непререкаемо-культово. И тем не менее, В. Хлебников как палиндромист-классик не оставил после себя ни школы, ни последователей, ни хотя бы «правоверного» ученика. Ни один из известных мастеров, работающих в современной палиндромической поэзии, не следует, строго говоря, по стопам своего гениального предшественника.

Все дело в том, что (так сложилась история нынешней палиндромической поэзии) среди подавляющего большинства сколько-нибудь значительных практиков и теоретиков палиндрома почему-то сразу утвердился абсолютный приоритет палиндрома предельно точного, в котором даже такие мелкие буквенные разночтения, как *е — э, ы — и, и — й, ь — ъ*, признаются крайне нежелательными, допустимыми только в исключительных случаях и безвыходных положениях. У Велимира Хлебникова же, в тексте его главного палиндромического произведения — поэмы «Разин», чуть ли не сплошь и рядом не совпадают не только названные выше мелочи, но и буквы, которые не могут совпадать по определению, ибо они не только непохожие, они попросту разные. Причем — не только буквы, но и части слов. Более того, в самой авторитетной публикации текста поэмы (1931 г.) почему-то встречаются строки, к палиндрому вообще не относящиеся.

Уже первая, невероятно длинная строка поэмы (38 слогов!), при печатании разбиваемая на два стиха («Я Разин со знаменем Лобачевского логов. В головах свеча, боль; мене ман, засни, заря»), есть не что иное, как именно неточный, местами весьма и весьма приблизительный палиндром (палиндромоид). Точнее говоря, — это хорошо палиндромированная большая стихотворная строка, сделанная, скорее, по музыкальной, нежели поэтической традиции, вослед «Хорошо темперированному клавиру»

Иоганна Себастьяна Баха. Прочитанный наоборот, он выглядит следующим, возмутительным для ортодоксов палиндромии, образом: «Я Разин са знаменем Лобачевсхаво логов. Во гологок свеча бол; мене ман, зосни, заря». Следующие чуть ниже две строки («Эй, житель, лети же! // Иде беляна, ныня лебеди») при обратном прочтении звучат еще более странно и нелепо: «Е, житель, лети ж, йэ! // Иде беляны, наня лебеди». Еще примеры: «Ал храп порхал» при обратном чтении превращается в «*Ла хроп пархал*», а «Разин на кобылу — улыбок нанизарь» — в «Разин *ан* кобылу, улыбок *аннизарь*». Встречаются и вкрапления инородных стихов, вовсе не палиндромированных, и сочетания, подобные строке: «Охала, ахала, ухала» (обратный вариант: «Алаху, алаха, алахо»).

Все эти и подобные им несоответствия в «Разине» попытался объяснить (оправдать) один из редакторов трехтомного ленинградского 1931 года собрания сочинений В. Хлебникова. В примечаниях к поэме он сообщает, что публикуемый текст является по сути черновиком произведения, автором не дописанного, что во время печатания редакцией был получен (от А. Крученых) другой, близкий к окончательному по степени завершенности вариант, но «по чисто техническим причинам изменить набранный текст не представилось возможным». Трудно поверить, чтобы в таком крайне важном деле, как воспроизведение истинного текста великого поэта, могли быть решающими «чисто технические причины». Подозреваем, что вариант, представленный А. Крученых, не удовлетворил редакторов, потому что не вызывал у них доверия. Быть может, он показался им не аутентичным: доработанным, «улучшенным» усилиями Крученых и других друзей В. Хлебникова. И не этот ли вариант поэмы «Разин» увидел свет уже в наше время [Антология русского палиндрома XX века. М., 2000]? Ни составитель, ни редактор, ни авторы предисловий и послесловия ничего по этому поводу не говорят, а жаль.

Как бы там ни было, несомненно одно: В. Хлебников, если бы ему довелось доработать свою поэму и завершить ее, смог бы довести до совершенного соответствия всем канонам правильной, т. е. абсолютно точной палиндромии, ее звуковой

строй и грамматическую форму. Доказательство овладения этими канонами — его палиндромическое произведение-перевертень «Кукси. Кум мук и сук», созданное девятью годами ранее «Разина», в 1912 г. Вещица, правда, сравнительно невелика, всего 18 строк, но сработана безукоризненно чисто. Хлебников, однако, отказался от возможности следовать классически правильными путями и вместо этого в главном своем палиндромическом эксперименте, в поэме «Разин», пожелал остаться самим собою — поэтом-авангардистом, разрушителем академических установлений, создателем странных сдвигов, смещений и искривлений в ракурсах, пропорциях, перспективах. Такова была высшая воля этого самого загадочного, не всегда поддающегося расшифровке и сколько-нибудь удовлетворительному истолкованию, Поэта-Творца. И ничего тут, как говорится, не поделаешь. «Каждый пишет, как он слышит... не стараясь угодить. Так природа захотела. Почему? Не наше дело. Для чего? Не нам судить» (Б. Окуджава).

4. В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» (книга 4, часть 8, гл. 14) есть любопытный эпизод: «Эмблема Советской власти — молот и серп, так? — Капарин палочкой начертил на песке слова: «молот», «серп», потом впился в лицо Григория горячебно блестящими глазами: Читайте наоборот. Прочли? Вы поняли? Только престолом окончится революция и власть большевиков».

Палиндромическое словосочетание, которое в этой сцене демонстрирует Григорию его товарищ, выявляется в тексте не совсем четко и наглядно. Первая, левая, половина фразы оторвана от второй, правой, а эта правая половина дается не графически рядом с левой, но во включении в устную речь говорящего персонажа. Восстанавливаемый, а вернее, конструируемый в уме Григория (и читателя) этот капаринский (шолоховский) палиндром, если бы он был начертан на песке в полном виде, выглядел бы таким образом: молот, серп — престолом. Словесный ряд, как видим, совсем не простой и представляет интерес в разных отношениях. Любопытен он не только как палиндром (то есть, к удивлению персонажей романа, читается

одинаково слева направо и наоборот), но и тем, что именно его необычность, исключительность подразумевается в контексте беседы романых героев как весомейший, козырный в пользу революции аргумент, как убедительнейшее доказательство истины в последней инстанции. Просто сказать, что революция победит окончательно, закончится установлением власти (престола) большевиков — это еще не есть доказательство правоты. А вот заявить о том же, но способом, при котором и с другого конца получается за коммунистов, — это уже совсем другой расклад! В таком случае мысль изреченная не может быть ложью и заблуждением, но только правдой и истиной.... Какова, однако ж, апология высшей ценности палиндромического слова, его мистической «сакральности» и «божественного» предназначения!

Тем не менее, я бы нашел возможность возразить Капарину, будь я на месте Григория. Ведь приводимая им в качестве нерушимого довода удивительная словесная связка не случайно, не зря начертана им на песке, поскольку имеет еще одно, противоположное для него, коммуниста, идейное значение, тайный смысл, о котором никто не догадывается. Если предложить иной, хлебниковский, относительный (потому что не совсем точно читается) вариант палиндрома, в котором сущностная суть слова «палиндром» переводится на русский как бегущий, *возвращающийся назад*, — то он предстает в совершенно законченном виде. В хлебниковском прочтении начертанный на песке палиндром был бы не столь оптимистичен: молот, серп?.. прес-то — лом! Конечно, с точки зрения неистовых ревнителей абсолютного буквализма в палиндромии, он не безупречен (читается как «молот с серп... — прес-то — лом!»), но, пройдя через хлебниковское преображение, относительный палиндром стал бы более глубоким, пророчески правдивым и истинным. Капаринский вариант палиндрома говорит о 1917 годе и, предсказывая победу союза молота и серпа (рабочих и крестьян), смотрит в *завтра*, а «хлебниковский» вариант (версия) заглядывает в *послезавтра*, в 1993 год, и пророчит разрушение (лом) *пресса*, то есть государства подавления и угнетения...

Да и относительно буквальной точности «хлебниковский» вариант вовсе не так уж безнадежен. Буква с перед словом

«сerp» — лишняя только на письме, по нормам орфографии, которую люди в силах изменить. Однако разговорная, устная разновидность этого палиндрома (читать не так, как пишется, а как слышится) в «хлебниковском» прочтении становится безукоризненно правильным: молот, серп?.. прес-то — лом!

Глубокие, ценные для науки мысли о Велимире Хлебникове-палиндромисте высказал в своем предисловии к уже упоминавшейся тут «Антологии русского палиндрома XX века» Андрей Канавщиков. «Фразы-шутки Г. Р. Державина, А. А. Фета — однопорядковые салонные забавы — разом отошли в область преданий и голой истории после усилий В. В. Хлебникова. Хлебников одухотворил палиндром. Разрабатывая свои фонетико-семантические построения, он понимал палиндром как сферу мистических откровений о сути слова, буквы, цифры, отдельной фонетической единицы. В игре букв он почувствовал их внутреннюю сакральную логику, где мысль не шла автоматически за словом, но выступала с ним в полноценном поэтическом единстве. Хлебников почувствовал необходимость ухода от палиндромного однострочия, чтобы позволить автору полностью реализовать свою поэтическую задачу, которая в пределах ограниченной фразы может быть написана одновременно совсем разными людьми, не знающими о поисках друг друга (эффект палиндромического псевдоплагиата). Поэзия, которая суть — веление души, эмоциональное движение в палиндроме может начаться и с двух строчек» [Антология русского палиндрома / предисл. А. Канавщикова. М., 2000].

Надо особо подчеркнуть великую роль В. Хлебникова в истории становления и развития поэтики палиндромии в нашей отечественной поэзии. Без преувеличения, можно говорить о двух эпохах в истории русского палиндрома: *до* Хлебникова и *после* Хлебникова. Хлебников впервые в России создал поэтическую культуру палиндрома, поднял ее на уровень одного из самобытнейших методов словесного художественного творчества, явившись в этой ипостаси основателем русской палиндромической поэзии.

Вырвавшись из рамок примитивной архаики, из предрассудков и иллюзий, отживших псевдоклассицистических традиций и

мифов, Велимир Хлебников создал высшую, авангардистскую стадию (ступень) палиндромии. Он является Альбертом Эйнштейном русской (а, стало быть, и мировой) релятивистской палиндромической поэзии.

5. Одно из важнейших свойств хлебниковского стиха, а стиха палиндромического тем более, – его тяготение к знаку, символу. Примером тому является его поэма «Разин», в которой разная степень неточности преодолевается, при условии ее буквального сохранения, сопряжением, соединением с геометрическими фигурами. Так, например, небезупречна, с точки зрения ортодоксальной палиндромности, строка: «Рублем оценив свинец, о мел бурь!» При обратном чтении пропадает стоящий в конце строки *ь* (мягкий знак), и вместо *мела бурь* получается *мел бур*, то есть бурый по цвету, а не белый, мел. Но если эту строку вписать в любую геометрическую фигуру (круг, овал, квадрат, треугольник и т. д.) или сделать ее просто замкнутой, соединить начало строки с концом, все возвратится на круги своя, и бурый по цвету мел вновь станет «мелом бурь».

О русском палиндроме как о большом стиле и уникальном методе лирико-философского мышления в поэзии говорила Эрика Гребер (университет г. Констанцы) на Международном симпозиуме славистов «Луддизм», который состоялся в мае 1994 года в г. Загребе, в самый разгар гражданской войны в Югославии. В своем докладе «Палиндромон — *revolutio*» она отметила, что нельзя отрицать «близость палиндромной поэзии к эстетике зауми <...> и тогда, когда она предстает в строгой классической форме, с сонетными рифмами и ямбом, как в палиндромных сонетах Владимира Пальчикова (Элистинского)». И проиллюстрировала эту мысль на примере палиндромного сонета В. Пальчикова, посвященного А. Вознесенскому [*Русский сонет*. М., 1987]. «Слово *ум* в окончании этих синтаксически сложных и порой неграмматических стихов ведет к зауми футуристов. Нагромождающиеся в последней строфе мета-мотивы (рок, музы, Веды) позволяют предполагать знакомство автора с новыми теоремами анаграммы. Космические и гностико-манихейские мотивы активируют эзотерическую

традицию анаграмматики и образуют алхимическую микстуру мотивов. Стихотворение полно намеками, исходящая от мотивов «ссора-тишина-Вий» ассоциативная цепочка ведет к Гоголю (к *Вию* и к повести о ссоре двух Иванов, в которых мотив тишины маркирует решающие этапы размолвки) и, возможно, еще далее — к украинскому барочному мистикам Сковороде и к исихазму... Эзотерическое, следуя Лотману, является частью палиндромной практики: «Текст при нормальном чтении отождествляется с открытой, а при обратном — с эзотерической сферой культуры».

Пальчиков — специалист по палиндромным сонетам, его книга содержит почти сорок таких текстов (раздел *Тартар и радар* плюс один палиндромный сонет в начале, в котором характерным образом упоминаются изопы Вознесенского). Самый смелый эксперимент — это кусочный сонет в форме палиндрома [«Мега (Кибер)». — В. П.] Затем следуют тексты, посвященные не только Гоголю, а, например, и триптих *Футуристы* (Давид Бурлюк, Велимир Хлебников, Владимир Маяковский) или диптих *Андрей Вознесенский* — галерея всех его предшественников. А в конце этой галереи висит даже его собственный *Автопортрет*. И такую автореференцию едва ли можно превзойти...»

Многозначительным, знаковым представляется уже само название доклада. Это своего рода историческая веха на сложном пути развития исключительно своеобразного поэтического феномена. С трибуны международного форума *urbi et orbi* возвестить, что гадкий утенок превратился в роскошно прекрасного лебедя, что палиндром вовсе не салонная шуточка, не литературная забава, но *революция* — это серьезно.

В заключение хотелось бы обратить внимание на один из упомянутых Э. Гребер сонетов, который является центральным в триптихе «Футуристы» и непосредственно касается темы нашего разговора.

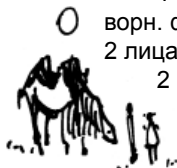

ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ

Гам убыл авто. От — валы — бумаг.
 Буки-веди? — ха! Ахи дев и куб.
 Будетлян бои, и обнял теІ Дуб;
 «Гамма будетлян» — внял те Дуба маг.
 Бушевал Совет: «Те во славе шуб!..»
 Харк и мат, сугрев / верг устами крах.
 — Бур, губат, а на.. а на табу груб..
 — Хат питомец, но сонцемот и Птах..
 — Ну, толок же плоть!.. Толпёж-колотун.
 — Ну, те пел! Но хил / их он лепетун.
 (Де по «гол нежун»^{2**} нужен логопед).
 Дох (чумазен) он, но не замучь Ход.
 Допинг — вон, а за Казанов гни под.
 — Дервиш! Урус-сан! В нас уруши вред..

1 Те — здесь и далее (в строках 4 и 10) — тебе (соврем. разгов. форма — и одновременно старосл. форма личного местоимения 2 лица, ед. числа, в дат. падеже).

2 «...гол нежун» — фрагмент строки В. Хлебникова

Басангова Т. Г., Бурыкин А. А.

**ШАМАНСТВО РУССКИХ ФУТУРИСТОВ
(аспекты иноэтнической духовной культуры
у В. Хлебникова и его последователей)**

Сравнение намеренно и нарочито осложненного, «заумного» языка футуристов, а именно В. Хлебникова и его последователей, в первую очередь А. Крученых, становится едва ли не общим местом научных работ, в которых рассматривается творчество представителей русского футуризма в лингвокультурном или собственно культурологическом аспекте. О «шаманстве» — в кавычках, как определении стихотворной практики Хлебникова и особенно Крученых, и о шаманстве как действе, сопровождающем чтение стихов названных авторов, говорилось уже не раз. В настоящей работе мы попробуем разобраться в следующих вопросах: 1) в какой мере инокультурные ритуалы были знакомы поэтам-футуристам; 2) каково реальное отношение авторов-футуристов к иноэтнической культуре; 3) являются ли отражения иноэтнической культуры источником «заумного» языка футуристов или же корни данного лингвистического явления и данной особенности поэтики названного литературного направления следует искать в неких иных других литературных и историко-культурных источниках.

Прежде всего следует сказать о том, что для В. Хлебникова, который считается основателем поэтической «зауми» с этническим колоритом, было характерно чрезвычайно бережное отношение к культуре тех народов, с которыми он был хорошо знаком. В частности, пример из поэмы «Есир» свидетельствует о внимании поэта к истории и культуре калмыков — народа, вблизи которого прошли его детские годы.

«Здесь была Золотая Орда, и лишь обломки башни темно-синего полива да старинный камень с татарскими письменами напоминали об этом.

Да змея бесшумно скользила около надписи: «Нет бога, кроме бога», а черноволосая девушка этих мест ходила с медной деньгой, вплетенной в косу. И надпись древнего хана: «Я был — мое имя высоко», — тонула в черном шелку ее кос.

Вот она зажгла костер и села на землю, раздумывая про Сюмер-улу, срединную гору мира, где сходятся души мертвых предков пить молоко кобылиц.

Старый калмык пил бозо — черную водку калмыков.

Вот он совершил возлияние богу степей и пролил жертвенную водку в священную чашу.

— Пусть меня милует Чингиз богдо-хан, — важно проговорил он, опустив голову.

Великий Чингиз казался ему беспечным богом войны, надевшим как-то раз на плечи одеяние человеческой судьбы. Любимец степной песни, он и до сих пор живет в степи, и слова славы ему сливаются со степным ветром. Первую чашку он плеснул в огонь, вторую — в небо, третью — на порог. И бог пламени Окын-Тенгри принял жертву. Тысяча рук окружала его. Окруженный заревом, он выскочил из пламени, и с невыносимым для смертного уха звуком залязгали, застучали и запрыгали одна о другую его красные челюсти, а белые мертвые глаза страшно уставились на смертного. Зарево тысячи рук окружило его. Словно черным парусом белое море, свирепые зрачки косо пересекали глаза. Страшные белые глаза подымались к бровям головы мертвого, повешенной за косу. Удар ветра, и он исчез, и вновь из костра выступил черный котел, сменив багрового духа.

Коку, его дочь, подошла к нему. Ее косы, завернутые в шелковые чехлы, падали ей на грудь.

Вот она повернула голову, и вся миловидность Китая скзалась на темном лице; сквозь черный загар выступала степная алая кровь, живые глаза сверкали, как два черных месяца, умом и радостью. Малиновая, шитая золотом, шапочка была у ней на голове.

Она помнила, что девушка должна быть чистой, как рыба чешуя, и тихой, как степной дым, и бесшумно села на землю в своих черных шароварах.

И снова лицо ее, как пламенеющий уголь, склонилось над землей.

А калмык грезил.

Он мысленно садится на коня, на аршин быстрее мысли, и скачет в великой охоте Чингиза; в ней участвовали все покоренные Чингизом народы, и почти вся Средняя Азия была охвачена кольцом великой облавы. Здесь несется ветроногий табун диких коней, там падает вилорогий первобытный бык, а здесь тетива лука вышиной с человеческий рост посылает стрелу в курчавого красного теленка. Полунагие наездницы с дикими криками проносятся по степи, и там и здесь звенят тетивы.

Старый калмык выпил еще чашку бозо, когда всадник с орлом на руке подъехал к нему. Он сообщил про приближающегося киргиза с невольником, и они вдвоем выехали к нему навстречу. Кони бодро переехали небольшую речку.

Утренние голые люди, обмазанные для борьбы жиром тюленя, были теперь одеты и громко обсуждали что-то. На Истому надели мешок для муки, сделав дыры для рук и головы, и, посадив его на седло и связав ноги, все поскакали в кочевье.

Так к нему подошел старик и коротко сказал: «Моя есир». Истома знал все страшное значение этого слова. Вихорь и огонь удара плети перевели слово.

Вечером они двинулись в путь.

*Киргиз нараспев пел «Кудатку-Билик». Истома бежал за Ахметом» [Хлебников 1986: 551–552]. В приведенном отрывке нет попытки преподнести нарочитую экзотику или элементы иррационального. А вот сложная лексико-семантическая игра, основанная на взаимодействии соседствующих — или полярно разведенных — языков и культур, доминирует у Хлебникова. В той же поэме «Есир», ранее приведенного выше отрывка, есть строка: «Э! Рыбу водой не поят. Дыня или тыква?», — ничего не говорящая тому, кто не знает восточных языков. Здесь имеется в виду слово *гарбуз*, которое в тюркских языках имеет значение «дыня», но в украинском, заимствовавшем его из этих языков, — означает «тыква». Такая же лингвистическая игра поэта очевидна в одном из поздних стихотворений — «Русь зеле-*

ная в месяце Ай!». Слово ай в тюркских языках имеет значение «луна» и «месяц» (календарный) [Хлебников 1986: 549].

Отношение В. Хлебникова к «чужому» языковому материалу наглядно проявляется в стихотворении «Крымское» с подзаголовком «Записи сердца. Вольный размер»:

*И обращаясь к тучам, / И снимая шляпу, / И отставив
ногу / Немного, / Лепечу – я с ними не знаком – / Коснеющим,
детским, несмелым языком: / «Если мое скромное допущение
справедливо, / Что золото, которое вы тянули, / Когда, сме-
ясь, рассказывали о любви, / Есть обычное украшение вашей
семьи, / То не верю, чтоб вы мне не сообщили, / Любите ли вы
«тянули», / Птичку «сплю», / А также в предмете «русский
язык» / Прошли ли / Спряжение глагола «люблю»? И сливы?»*
[Хлебников 1986: 49].

Это стихотворение снабжено авторскими примечаниями этнолингвистического характера: «Примечания: *Вырей* – южные страны. *Устенье* – камни около стены. *Тянули* – лакомство, распространенное в средней России. *«Сплю»* – небольшая совка, водящаяся в Крыму. Турки нередко бывают белокурами. *«Цаца»* – слово из детского языка, зн[ачит] «игрушка, забава.» [Хлебников 1986: 49].

В художественной автобиографии «Свояси» (1919) Хлебников пояснял:

«В «Девьем боге» я хотел взять славянское чистое начало в его золотой липовости и нитями, протянутыми от Волги в Грецию. Пользовался славянскими полабскими словами (Леуна).

В. Брюсов ошибочно увидел в этом словотворчество.

В «Детях Выдры» я взял струны Азии, ее смуглое чугунное крыло и, давая разные судьбы двоих на протяжении веков, я, опираясь на древнейшие в мире предания орочей об огненном состоянии земли, заставил Сына Выдры с копьем броситься на солнце и уничтожить два из трех солнц – красное и черное.

Итак, Восток дает чугунность крыл Сына Выдры, а Запад – золотую липовость.

Отдельные паруса создают сложную постройку, рассказывают о Волге как о реке индоруссов и используют Персию как угол русской и македонской прямых. Сказания орочей, древ-

него амурского племени, поразили меня, и я задумал построить общеазиатское сознание в песнях¹.

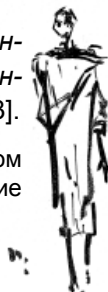
В «Ка» я дал созвучие «Египетским ночам», тяготение метели севера к Нилу и его зною.

Грань Египта взята – 1378 год до Р. Хр., когда Египет сломил свои верования, как горсть гнилого хвороста, и личные божества были заменены Русоволосым Солнцем, сияющим людьми. Нагое Солнце, голый круг Солнца, стал на некоторое время волею Магомета Египта – Аменофиса IV, единым божеством древних храмов. Если определять землями, то в «Ка» серебряный звук, в «Девьем боге» золотой звук, в «Детях Выдры» – железно-медный» [Хлебников 1986: 36].

Заметки «О расширении пределов русской словесности» (1913) можно рассматривать как методологический манифест Хлебникова: «Русской словесности вообще присуще название «богатая, русская». Однако более пристальное изучение открывает богатство дарований и некоторую узость ее очертаний и пределов. Поэтому могут быть перечислены области, которых она мало или совсем не касалась. Так, она мало затронула Польшу. Кажется, ни разу не шагнула за границы Австрии. Удивительный быт Дубровника (Рагузы), с его пылкими страстями, с его расцветом, Медо-Пуццичами, остался незнаком ей. И, таким образом, славянская Генуя или Венеция остал<а>сь в стороне от ее русла. Рюген, с его грозными божествами, и загадочные поморяне, и полабские славяне, называвшие луну Леуной, лишь отчасти затронуты в песнях Алексея Толстого. Самко, первый вождь славян, современник Магомета и, может быть, северный блеск одной и той же зарницы, совсем не известен ей. Более, благодаря песни Лермонтова посчастливилось Вадиму. Управда как славянин или русский (почему нет?) на престоле второго Рима также за пределами таинственного круга.

Она не знает персидских и монгольских веяний, хотя монголо-финны предшествовали русским в обладании землей. Индия для нее какая-то заповедная роща» [Хлебников 1986: 593].

¹ Имеется в виду прозаическая миниатюра «Око» с подзаголовком «орочонская повесть», [Хлебников 1986: 508–510) форма и содержание которой стилизованы под Песнь песней.

В написанном годом ранее диалоге «Учитель и ученик. О словах, городах и народах» (1912), где Хлебников излагает свои взгляды от имени ученика, анализ языкового материала не выходит за пределы русского языка. Созданная тогда же поэма «Шаман и Венера» (1912) не содержит в себе никаких экзотических в языковом отношении пассажей, это скорее, как и заявлено в названии, «диалог культур», но диалог, во-первых, весьма статичный — в поэме почти нет событий, во-вторых, несколько пародийный: шаман *«Берет с стола красивый кубок И пьет, задумчив, русский квас»*. Действия шамана изображены в поэме с неожиданной для иного поэта — но, как мы понимаем, не для Хлебникова, много знавшего о том, о чем он писал, — точностью.

Она рассказывает ему
 Про вредный плод куренья.
 «Могол любезный, не кури!
 Внемли рыданью моему».
 Он же, с глазами удовлетворенья,
 Имя произносит Андурн.
 Шаман берет рукою бубен
 И мчится в пляске круговой,
 Ногами резвыми стучит,
 Венера скорбная молчит
 Или сопровождает голос трубен,
 Дрожа звенящей тетивой»

[Хлебников 1986: 234].

Упомянутое здесь имя *Андурн*, которое произносит шаман, — имя верховного божества у тунгусоязычных народов Приамурья, в частности, у нанайцев. Однако самое примечательное здесь не это, а то, что Венера у Хлебникова аккомпанирует пляшущему и бьющему в бубен шаману звуком, издаваемым тетивой лука, — лук в некоторых традициях мог даже заменять шаманский бубен и вполне мог служить средством звукового сопровождения шаманского действа. Такие подробности требовали высокопрофессиональных знаний в области этнографии, ныне же они понятны только эрудированным читателям.

Исключительная адекватность воспроизведения культурных институтов и ритуальной практики, которая очевидна в рассмотренных выше фрагментах произведений Хлебникова и которая отмечалась исследователями ранее [Ханинова 2006а, 2006б, 2007], свидетельствует о том, что этнологическая культура и заумный язык для поэта в период 1908–1913 годов представляли собой разные, не пересекающиеся друг с другом сферы. Заумный язык Хлебникова надстраивается не над иноэтническими, а над отечественными, собственно русскими текстами со славянскими мотивами, и формируется как некий особый древнеславянский язык (не в строго лингвистическом понимании этого выражения). Поиски же поэтической формы, с которой, вне сомнений, связан заумный язык футуристов, до поры до времени не выходят за пределы знакомых классических, антологических образцов. Его стихотворение «Перевертень (Кукси, кум, мук и скук)» являет собой классический палиндром, в котором только часть подзаголовка является «заумной».

Демонические герои Хлебникова начинают говорить на заумном языке позднее — начиная со стихотворения «Ночь в Галиции» (1913), и затем в поэме «Зангези» (1920–1922), в которой манифестации «заумного языка» относятся к самым разным явлениям. Возможно, в поэме «Ка» Хлебников пытается «воссоздать» древнеегипетский язык с помощью не только определенного набора слов и словосочетаний (здесь нужны консультации египтологов), но и необщепринятых — по крайней мере, ныне — форм именования богов и фараонов.

На этом фоне известное раннее стихотворение Хлебникова: *«Бобзоби пелись губы, / Вэзоми пелись взоры, / Пиззо пелись брови, / Лизээй — пелся облик, / Гзи-гзи-гззо пелась цепь. / Так на холсте каких-то соответствий / Вне протяжения жило Лицо»* (1908–1909) — выглядит какой-то странностью. Может быть, в его основе лежит незнакомый нам макаронизм — на эту мысль наводит форма слова *цепь*, близкая по звучанию русской в монгольских и тюркских языках.

Как видим, увлечение В. Хлебникова заумью в начале XX века связано, скорее, со славянским миром или древностью, нежели с Востоком, и не определяется этнографией и этногра-

фической точностью картины мира. Еще одно средство поддержания заумной стихотворной практики появляется во второй половине 1910-х годов — это революционный новояз, воспроизведенный в стихотворении «Признание. Корявый слог» (начало 1922 г): *«Нет, это не шутка! / Не остроглазья цветы. / Это рок. Это рок. / Вэ-Вэ, Маяковский! – Я и ты, / Нас как сказать по-советски, / Вымолвить вместе в одном барахле? / По Рософесорэ, / На скороговорок скорословаре? / Скажи откровенно: / Хам! / Будем гордиться вдвоем / Строгою звука судьбой. / Будем двое стоять у дерева молчания, / Вымокнуем в свисте.... / Мы гордо ответим / Песней сумасшедшей / В лоб небесам. / Да, но пришедший / И не Хам, а Сам...»*.

Таким образом, заумь В. Хлебникова не обусловлена его этнографическими интересами, но в определенной степени выглядит обращением к экзотическим языкам.

Для нашей темы важно стихотворение-воспоминание, написанное одним из литературных единомышленников Хлебникова — поэтом Тихоном Чурилиным:

ПЕСНЬ О ВЕЛИМИРЕ

Был человек в сером сюртуке,
В сером пиджаке — и вовсе без рубашки.
Был человек, а у него в руке
Пели зензиверы, тарарахали букашки.

Был человек, Пред земного шара.
Жил человек на правах пожара.
Строил дворцы из досок судьбы,
Косу Сатурна наостро отбил.

Умывался пальцем и каплей воды,
Одевался в камни немалой воды,
Лил биллионы распевов распесен,
А помер в бане и помер не тесно.

Писал
Не чернилом — а золотиписьмом.
Тесал

Не камни — а корни слов.

Любил

Вер,

Марий,

Кать.

Юго — плыл,

Наверно,

Не ариец —

Азиец,

Знать.

Был человек, в мире Велимир,

В схиме Предземшара на правах всепожара.

И над ним смеялись Осип Эмильич,

Николай Степаныч и прочая шмара.

И только Мария и море-сине

Любили его — как жнея и пустыня. (1935)

URL: http://www.poesis.ru/poeti-poezia/churilin/frm_vers.htm²

Совсем иначе те же вопросы — заумный язык и этнографическая реальность — выглядят в творчестве А. Крученых. Его программное стихотворение «Дыр бул щил / убещур скуп / вы со бу / р л зз» (1913) выглядит подражанием опытам Хлебникова, но если последние каждый раз включаются в определенный этнокультурный или историко-культурный контекст, то опус Крученых, стоящий вне времени и пространства, выглядит экспериментальным эпигонством.

Более осмысленными предстают воспроизведения шаманского языка в стихотворении А. Крученых «Зима»:

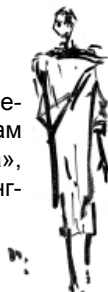
...Буран растет... въюга зудит...

На кожаный костяк

Вскочил Шаман

Шамай (3)

² Здесь и далее все цитируемые стихотворные тексты, извлеченные из ресурсов Интернета, воспроизводятся по материалам электронного собрания русских текстов «Библиотека лексикографа», подготовленного А. А. Бурыкиным в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН.

Всех запорошил:
 Зыз-з-з
 Глыз-з-з -
 Мизиз-з-з
 з-з-з-з! (1922)³

Есть у А. Крученых стихотворение, которое так и называется «Песня шамана» [Молоко кобылиц 1914: 74]. Вот его текст вместе с комментариями, выложенными на одном из сайтов Интернета:

Котеро
 Перо
 Бясо
 Муро
 Коро
 Поро
 Ндоро
 Ро (1914)

В примечаниях к этому тексту отмечается: «Это стихотворение обнаруживает сходство с детской игровой присказкой, приводимой В. Шкловским в статье «О поэзии и заумном языке» (хотя статья была опубликована только в 1916 г., первые наброски к ней датируются 1913 годом):

Перо
 Неро
 Уго
 Тера
 Пето
 Сито
 Иво
 Дуб
 Крест.

[Шкловский 1990: 52]

³ В наиболее авторитетном издании [Крученых А. Стихотворения. СПб., 2001. С. 289–290] читается не «Шаман Шамай», а «Шамай Щамай», текстологические комментарии к стихотворению отсутствуют.

Ср. также воспоминание А. Молдавского о том, как Крученых читал свои стихи в 1962 г.: «Подлинный сеанс шаманства. Передо мной был самый настоящий колдун, вертевшийся, покачивавшийся в такт ритму, притопывающий, завораживающе выпевавший согласные, в том числе и шипящие < ...>. Какое-то синтетическое искусство, раздвигающее рамки привычной словесности!» [Молдавский 1994: 162]. Возможно, параллели между футуристической заумью и формами (архаической) религии, в которых практикуется религиозный экстаз, имеют типологический характер.

Из приведенных выше примеров явствует, что вчитывание опытов заумного стихотворного языка в этнографический контекст оказывается процессом, растянутым во времени, по крайней мере, более чем на десятилетия. Далее, этот процесс оказывается во всех отношениях вторичным — во-первых, сам В. Хлебников не позволял себе откровенно издеваться ни над языком, ни над этнической культурой какого-либо народа. Обращение как с языками, так и с этнографией под его пером приобретало характер тонких стилизаций или укладывалось в рамки экспериментаторской формальной типологии. Во-вторых, заумь связывается с шаманским языком не у В. Хлебникова, а у А. Крученых, которому, в отличие от Хлебникова, были чужды этнографические экзерсисы и который, в отличие от Хлебникова, едва ли вообще знал, что такое шаманская практика. В-третьих, ассоциирование самого А. Крученых с шаманом и чтение им стихов с шаманским действием — это метафора иного порядка, не имеющая ничего общего с этнографией.

Примерно то же самое происходит в этнографии и — в еще большей мере — при рецепции представлений об этнической культуре ее образом, характерным для обывательской субкультуры в отношении собственно шаманских текстов. Если ученые начала XX века, в частности, В. Г. Богораз, могли не только наблюдать шаманские камлания, но и отмечали, что шаманский язык духов соответствует иному диалекту, нежели тому, каким пользуется в быту шаман, или фиксировали, что шаманский язык представляет собой бессмысленный набор слов и фраз из разных языков соседствующих народов [Богораз 1919: 489–495], то для позднейших исследователей шаманские возгласы потеряли смысл и превратились в глоссолалию.

В заключение заметим, что поэтические опыты В. Хлебникова, воплотившие тонкое знание языков и этнических культур, нашли далеко не явное продолжение в поэзии русского авангарда 1950-х годов, а именно – в поэзии раннего А. Вознесенского. Им было написано стихотворение «Скрытымным», содержащее только одно заумное слово, вынесенное в название произведения, но у А. Вознесенского это слово вписано в самые разные контексты, в которых может встретиться плохо воспринимаемая речь или слово неизвестного языка. В отличие от предшественников, у А. Вознесенского все контексты имеют диалогический или цитатный характер. Приведем текст этого стихотворения:

СКРЫТЫМНЫМ

«Скрытымным» – это пляшут омичи?
скрип темниц? или крик о помощи?
или у Судьбы есть псевдоним,
темная ухмылочка – скрытымным?

Скрытымным – то, что между нами.
То, что было раньше, вскрыв, темним.
«Ты-мы-вы...» – с закрытыми глазами
в счастье стонет женщина: скрытымным.

Скрытымным – языков праматерь.
Глупо верить разуму, глупо спорить с ним.
Планы прогнозируем по сопромату,
но часто не учитываем скрытымным.

«Как вы поживаете?» – «Скрытымным,»
«Скрытымным!» – «Слушаюсь. Выполним.»

Скрытымным – это не силлабика.
Лермонтов поэтому непереводим.
Лучшая Марина зарыта в Елабуге.
Где ее могила? – скрытымным...⁴

⁴ В первоначальных редакциях две строки этой строфы имеют иной вид: «Вьюга безъязыкая пела в Елабуге... Что ей примерещилось? Скрытымным...»

А пока пляшите, пьяны в дым:
«Шагадам, магадам, ~~скрытымным~~!»
Но не забывайте – рухнул Рим,
не поняв приветствия: «~~Скрытымным~~».

Заумное слово «Скрытымным» здесь изящно включается в этнографический «сибирский» и этноисторический «варварский» контекст («Это пляшут омичи», «Но не забывайте — рухнул Рим»). При этом даже в одном стихотворении эти контексты объединяются в метаконтекст художественного универсализма, характерный для русской поэзии последних десятилетий XX — начала XXI века, обнаруживаемый и у И. Бродского, и у В. Высоцкого, и у Р. Ханиновой, и у многих других поэтов.

Данное стихотворение А. Вознесенского, возможно, вообще никогда не было бы поставлено в связь с литературным наследием В. Хлебникова и А. Крученых, если бы не два важных обстоятельства – впрочем, первым из них, а именно, личным знакомством молодого Вознесенского с Крученых в 1950–60-е годы, можно было бы пренебречь, даже если к нему и восходит знакомство начинающего поэта со стихотворными раритетами 50-летней давности. Гораздо существеннее другое — то, что в этом стихотворении А. Вознесенского есть скрытая цитата из поэмы В. Хлебникова «Ночь в Галиции», где ведьмы поют хором:

Шагадам, магадам, выкадам.

Чух, чух, чух.

(Ср.: *Шагадам, магадам, скрытымным*).

Это не единственная цитата из Хлебникова у А. Вознесенского – его строка в поэме «Мастера»: «Не храм, а срам!» – явно соотносится с упомянутым выше хлебниковским «Не Хам, а Сам».

Таким образом, языковые эксперименты футуристов, укладываемые в несколько групп по источнику (антиславянские и квазиславянские новообразования, экзотические макаронизмы, квазимакаронизмы, образцы «никакого» языка), лишь в незначительной степени связаны с экзотической, этнографической или исторической реальностью. Основатель русского футуризма В. Хлебников, в силу причин биографического характера и высо-

кой образованности, относился к этнографическому материалу весьма бережно. Связь же языковой зауми с шаманством и ритуальными текстами оказывается характерной не для наследия самого Хлебникова, а для творчества его последователей, и представляет собой несколько более позднее явление, нежели обращения Хлебникова к восточной тематике. Тем не менее образ поэта благодаря футуристам принял мультикультурный характер и сравнение поэта с шаманом прочно вошло в позднейшую литературу – но этот вопрос составит тему другой работы.

Литература

1. *Богораз В. Г.* О так называемом языке духов (шаманском) у различных ветвей эскимосского племени // Известия Академии Наук. Серия VI, т. XIII, 1919. С. 489–495.

2. *Ханинова Р. М.* Четки и альчики в восточном дискурсе Велимира Хлебникова // Вестник КГУ. 2006. № 1. С. 50–60.; *Ханинова Р. М.* О семантике четок у Велимира Хлебникова // Проблемы духовности в русской литературе и публицистике XVIII–XXI веков: материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Л. И. Бронской, О. И. Лепилкиной, А. А. Фокина. Ставрополь, 2006. С. 130–137. *Ханинова Р. М.* Игра в альчики в историософской образности Велимира Хлебникова // Историософия в русской литературе XX и XXI веков: традиции и новый взгляд. Материалы XI Шешуковских чтений / под ред. д. филол. н., проф. Трубиной Л. А. М., 2007. С. 41–48.

3. Молоко кобылиц: рисунки, стихи, проза. М.: Лит. К° футуристов «Гилея», 1914.

4. *Шкловский В.* О поэзии и заумном языке // Шкловский В. Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Советский писатель, 1990.

5. *Молдавский Д.* Алексей Крученых // Алексей Крученых в свидетельствах современников / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. С. Сухопарова. Munchen: Otto Sagner, 1994.

6. Сайт «Поэзия Авангарда». URL: <http://avantgarde.narod.ru/texts/shaman.htm>.

Ханинова Р. М.

ЧЕТКИ ДНЯ НА НИТИ ВРЕМЕН: о семантике четок в творчестве Велимира Хлебникова

Четки — один из самых многозначных образов в художественном мире Велимира Хлебникова, философа его мироздания и мироощущения. С одной стороны, четки представляют конфессиональный атрибут ряда мировых религий (буддизм, христианство, ислам), с другой — это произведение прикладного ремесла, с третьей — артефакт.

В первом случае четки — «атрибут религиозной практики, опосредствующий медитативное раскрытие сознания полноте мироздания и Божественным персонам. Во всех мировых религиях повторение священных словесных формул, а также молитвенных обращений имело *канонизированное числовое выражение*, представленное в композиции четок. Общее количество зерен и способ их разделения внутри молитвенного круга запечатлевали, в той или иной религиозной традиции, конкретные числовые константы священных событий Учения и предания. Движение по молитвенному кругу, подобно выверенному камертону, служило магическому очищению и укрепляло в сознании и душе религиозные истины» (курсив авторов, в неоговоренных случаях — наш. — Р.Х.), — поясняют А. Островский и М. Федорова [Островский, Федорова 2005: 120].

В «Досках судьбы» В. Хлебникова (1922) имплицитный образ четок появляется в определении теории чисел: «... *разные виды человеческой смерти*, природы и мира вне человеческого я, *пройдя ниткой* через имена звезд, имеют своим спутником число три, как в земной жизни они любят иметь спутником труп и труд <...>, и др <угие> случаи расплесканной чаши человеческой жизни» [III, 652]. Поэтому «найденный основной закон вре-

мени обращает судьбы народов, *их прошлое, в простой счет четок на проволоке счетов*» [III, 654].

Б. Леннквист обратила внимание на эти слова поэта в связи с составленным в «Досках судьбы» списком исторических личностей и событий, либо отвечающих одному и тому же началу, либо ему противоположных. Получившийся перечень напоминает ему четки: «Имена великих стучат, как *четки* деревянных счетов, двигаясь по проволоке» (курсив автора) [Леннквист 1999: 168]. Этот список включает, главным образом, пророков, религиозных реформаторов, философов, математиков и поэтов, иногда Хлебников называет их «*богами*» [Леннквист 1999: 169]. В мистерии «Скуфья скифа» (1916) образ четок, по наблюдению исследователя, ассоциируется со временем и календарем: «Седой вдохновенный жрец отодвигал *на нити времен новую четку дня*» (курсив автора) [Леннквист 1999: 168]. Комментируя хлебниковскую поэму «Поэт» (1919), Б. Леннквист усматривает связь строк: «И около *мертвых богов*, / Где *запады* — с ними *востоки*, / Сплетался усталый ветер шагов, / Забывший дневные уроки. / И их ожерельем *задумчиво мучая* / Свой давно уж *измученный ум*, / Стоял у стены вечный узник созвучия, / В раздоре с весельем и жертвенных дум», — с пронизью исторических дат в «Досках судьбы» [Леннквист 1999: 166–167]. Так, мотив «ожерелья» из «проповедников равноправия» в «Досках судьбы» («Будда монгольского предания», Иисус и др.) усматривается в «Поэте», где, в частности, связан со значимой для автора темой «Запад – Восток», неизменно определяемой Хлебниковым как борьба противоположностей, исторических противостояний, равновесие побед и поражений, взаимозависимости [Леннквист 1999: 169–170].

Между тем предпосылки к формированию образа четок обнаруживаются еще в раннем творчестве поэта: в стихотворении в прозе «Морных годин ожерелье одела судьба» (1907–1908), в стихотворении «Быть ожерельем из русских смертей», где, как полагают Р. В. Дуганов и Е. Р. Арензон, мотив «Радостной Мори», по-видимому, связан с символистским образом «навых чар» Ф. Сологуба, а Морана — это богиня смерти в хлебниковской статье «Учитель и ученик» (1912) [Дуганов, Арензон 2004: V. 388].

Е. Р. Арензон высказал предположение, что «в целом у Хлебникова элементов ислама заметно больше, чем элементов буддизма, хотя все это надо смотреть в эволюции творчества. Еще меньше – христианства. <...> Коран упоминается Хлебниковым чаще Евангелия. Магомет и Будда – чаще Христа» [Арензон 2000: 530].

Специалисты уточняют: «...если буддизм, не признающий единого Бога-творца, в назначении и конструкции четок акцентирует медитативное воссоздание полноты мироздания, то в мистических религиях — четки в большей мере служат укреплению актуальной связи верующего с Создателем, а также очищению от грехов. В исламе четки — *тесбих* (араб.) — используются для отсчета имен Аллаха <...>, а также для счета прочитываемых сур Корана или строф богослужебной книги» [Островский, Федорова 2005: 126]. В связи с этим вспомним: в «персидской» поэме Хлебникова «Труба Гуль-муллы» (1921) возникает образ молящейся толпы на вечернем базаре: «И в полушариях черных / Блистает глазами толпа, как черепа, / *В четки стуча*» [Хлебников 2002: III. 306].

Возможно, метафора «четки-облака» в экспозиционных ремарках драмы «Боги» (1921): «Небесная баба — Юнона — облаком сизым ноги закрыла, *четками утренних нег облаков*» [Хлебников 2003: IV. 238], — подчеркивает эфемерность самих небожителей. По М. Л. Гаспарову, Хлебников представил себе и читателю в своей пьесе «одну из постоянных тем мировой мифологии, тему гибели богов — в виде исполинской считалки» [Гаспаров 2000: 293]. А провокационный вызов на поединок Винтика чахотки Воинов крови («Пружина чахотки. Шекспир под стеклянкой чечевицей» — (1922): «Что вы толпитесь как *четки на толстых пальцах жреца? Четками одной нитки* стадом овец около палки одного пастуха?») [Хлебников 2003: IV. 249], на наш взгляд, выглядит, в контексте ключевой темы Хлебникова, как вызов богам. Ибо «боги как реальные хозяева мировых событий — это зло, гнет, который должен быть свергнут (богоборческая тема, проходящая в творчестве едва ли не всех футуристов)» [Гаспаров 2000: 292].

Буддийский аспект четок в художественном мире поэта пока не стал предметом отдельного исследования. Известно, что

буддийские четки (*мала* — санскр., монг. — *эрихэ*, калм. — *эрк*) в текстах и иконографии встречаются примерно с III века н.э. Четки различаются по количеству зерен, цвету, материалу в зависимости от адресации. Верующие, монахи и миряне, носят их в виде многослойного браслета на правой, реже — левой руке (монгольский вариант), в виде ожерелья на шее (тибетский вариант). Как поясняет Н. Л. Жуковская, «именно ожерелья со 108 зернами из плодов дерева рудракша, вероятно, и были предшественниками четок, их вешали в качестве жертвы на шею божества Рудры (Шива-Рудры) или возлагали на жертвенный алтарь в его честь в ведийский и послеведийский периоды истории Индии» [Жуковская 2002: 189]. Буддийские четки могут состоять из 27, 36 и 54 зерен — вчетверо, втрое и вдвое уменьшенные варианты числа 108, которое символизирует всю *полноту мироздания*; религиозно-философская символика четок с 32 зернами воспроизводит *число признаков великой личности* [Островский, Федорова 2005: 124], т. е. достоинств Будды (см. «божественный» список Хлебникова, исходя из его теории чисел).

Разнообразен не только материал, из которого изготовлены четки (металл, минералы, дерево, плодовые косточки, семена растений, ткань, кожа, позвонки и рога животных, человеческая кость и т. д., позже — пластмасса), но и форма зерен: шаровидные, цилиндрические, *сфероидальные, вырезанные в виде черепов или человеческих лиц*. Материал и форма определяются религиозными представлениями и народными верованиями.

В буддийской иконографии четки являются одним из распространенных атрибутов персонажей пантеона. Так, четки из *черепов* или *отрубленных голов* — атрибут божеств-защитников в их гневных формах. В свою очередь, четки с зернами в форме *человеческого черепа* используются для ритуалов поклонения Ваджрабхайраве и другим божествам-защитникам, а четки, зерна которых вырезаны из *человеческих костей* или волокнистого корня бамбука, — для ритуалов, связанных с богом смерти Ямой [Островский, Федорова 2005: 124, 121]. В дневнике монгольской экспедиции Н. Л. Жуковская описывает увиденное ею четки, «зерна которых сделаны из человеческих черепов, причем каждое зерно — это кость, взятая из одного черепа; ста-

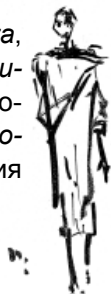

ло быть, на одни четки потребовалось 108 человеческих черепов. <...> Кость именно человеческая, черепная, и взята не откуда-нибудь, а из переносья, ибо только там отмечена та костная структура, которой отличается каждое из зерен четок» [Жуковская 2002: 191].

Обратившись к примерам Б. Леннkvист, получим доминантное сочетание материала и формы: *кость + череп / человеческое лицо (голова)*: «Образно говоря, в «Досках судьбы» исторические личности уподоблены *костяшкам счетов*» [Леннkvист 1999: 168]. Поскольку в хлебниковском списке присутствуют имена ушедших людей, закономерна ассоциация: череп — сфера и кость (небытие); в деревянных счетах (четки из деревянных зерен) на проволоку (нить времени) рядами (число) нанизаны костяшки, по которой они передвигаются с помощью человека (власть времени и пространства). Функциональное назначение четок (молитвы в честь разных богов пантеона) позволяет уснить сакральное отношение Хлебникова к историческим личностям и событиям. Наконец, сама кость — «символ жизни, о чем свидетельствует соотносительность с именем. Еврейское *luz* означает мандорлу, охватывая как внешний образ, так и его внутреннее содержание, скрытое и неразрушимое. Но, в соответствии с еврейской традицией, его также относят к неделимой материальной частице, представленной куском очень твердой кости. Тогда она становится символом веры в воскресение и подобием куколки, из которой появляется бабочка» [Кирло 2007: 226].

Уничтожение кости ведет к полному небытию животного или человека в древних представлениях многих народов, целая же кость может обрастать мясом и, следовательно, возрождаться. В «Досках судьбы» Хлебников, определяя законы времени, полагал, что «нам ясно сквозит *костяк чисел через мясо вселенной*», и призывал «изучать эти ребра и берцовые кости нашего большого дяди!» [Хлебников 2001. III. 612].

Этимология слова *четки*, восходя к глаголу *чту* из *чѣтъка*, объединяет в старославянских языках глаголы *читать*, *почитать* и *считать*. Важно, что слово имеет родственные в индоевропейском языке глаголы *соблюдает*, *мыслит*, *познает*, *понимает*, существительные *мысль*, *умысел*, *желание*, причастия *понимающий*, *знающий* [Фасмер 1987: V. 374–375].

В этой связи показательно, что в монгольском мире принятие присяги (шахан), в частности на подданство, сопровождалось в 60–70-х гг. XVII в. определенными действиями: «молились статуэтке бурхана (божества), *целовали* шутен (рисованное изображение святых и религиозных сцен), сутры или бичик (священные книги) и *четки*, лизали нож или саблю, прикладывали их на голову и к своему горлу» [Батмаев 1993: 83]. Кроме того, в другом виде присяги при судебных разбирательствах использовался в качестве устрашения подозреваемого и напоминания ему о всезнании богов человеческий череп над дверью кибитки [Батмаев 1993: 84–85].

Также *четки возлагались на голову* молящегося священнослужителем (адис), дабы усилить молитвенное воздействие. В сказках четки имели чудодейственную направленность. В калмыцкой сказке «Хан Наран-Арслан» они оживили зверей и людей, а в японской сказке «Мальчик, который рисовал кошек» устранили огненную адскую колесницу: «старый настоятель ударил *четками* по гробу» [Садокова 2003: 423].

Четки нанизывают на нити, образующие шнур. «Обычно в буддийских четках концы нити соединены вместе и пропущены через три дополнительные бусины, символизирующие три сокровища буддизма: нижняя, самая крупная — Будду, две другие — его Учение и созданную им Общину монахов; *нити* под этими бусинами — *символ всепроникающей силы Учения Будды*» [Островский, Федорова 2005: 124–125]. Как известно, волосы у многих народов — средоточие жизненной силы человека, а в буддизме — и святости Будды: в собрании монгольских хроник и историй ступ, составленном в конце XIX в., отмечено, что волосы Будды получили лично от него тринадцать отшельников и заложили по одному в реликвиарии. Среди устойчивых символов судьбы и круга ее «предметных» ассоциаций — нить, волос, клубок, пряжа, лыко и т. д. [Неклюдов 1999: 39]. В «Колесе рождений» (1919) у Хлебникова «государство-молния давно соединило все человечество, *сплетя в одну косу волосы всех людей*» [Хлебников 2005: VI. 161]. Видимо, ассоциация призвана подчеркнуть мысль о главном законе человечества, связанном с заветной идеей поэта, Председателя Земного Шара — о единении рода человеческого как мирового сообщества в планетарном масштабе и воздействии на собственную судьбу.

Все виды веревки, по Керлоту (Кирло), символизируют связывание и соединение, подразумеваемое священной нитью, которую прядут индусы высшей касты. «Упанишады» поясняют, что священная нить является высшим символом Сутратмы, или *«духовной нити, связующей все сущее подобно шнурку, соединяющему вместе все жемчужины»* [Кирло 2007: 86]. Сравним в стихотворении «Мне видны Рак, Овен...» (1908): «И мир лишь раковина, / В которой жемчужиной / То, чем недужен я» [Хлебников 2000: I. 127]. На наш взгляд, жемчужина в рассматриваемом контексте воспринимается как объект внимания поэта, который он пытается дешифровать, чтобы проникнуть в тайну вещей и событий, — жемчужина как зерно четок Судьбы. Согласно символике народных представлений, материал четок: дерево, жемчуг, горный хрусталь — наделен *«способностью излечивать болезни, успокаивать страсти, устранять препятствия»* [Островский, Федорова 2005: 121]. Тот же образ — в «Синих оковах» (1922): «И жемчуг около занозы / Безумьем запывавшей мысли <...> / Двух раковин, небесной и земной» [Хлебников 2002: III. 374].

Образ бесноватого в стихотворении периода первой мировой войны (1915–1916 гг.) не случайно тождественен смерти: «Я обручальный день войны и сумасшедших грез / Иль / Я мученицы тело на ободу колес, / *Череп с черепом сводня...*» [Хлебников 2000: I. 353]. Думается, не будет натяжкой и в этом примере увидеть метафору четок. Во-первых, «монахи-воины, последователи дзэн-буддизма, пользуются четками из железа» (железное колесо), во-вторых, «миниатюрные четки носят на пальце как кольцо» (обручальное кольцо = четки из черепов) [Островский, Федорова: 2005. 121, 120]. Образы обручального кольца, обода колеса трансформируются / деформируются из круга в полусферу. «Сводней черепов» стала война, которая нанизывает на *проволоку судьбы* костяшки голов, *сводя их в однообразные ряды*. Метафора *поэт — счеты* в 1917 году разрастается в метафору *счетоводная книга*: «Я счетоводная книга / Живых и загробного света» [Хлебников 2001: II. 16], актуализируя ядро темы *деревянные счеты*, если иметь в виду следующий ассоциативно-семантический ряд: дерево — бумага — страницы — книга; буква — голова, строчка — проволока («Письмо в Смоленке»). В этом случае нелишне напомнить, что «наиболее ранняя форма четок (обнаруженных в

могильниках) — не круг, а *струна* с десятью бусинами» [Островский, Федорова 2005: 127]: речь идет о христианской атрибутике, но в общем контексте творчества Хлебникова это подчеркивает универсальную парадигму четок.

«Нанизанные на нить бусины символизируют Колесо Жизни и Времени» [Трессидер 2001: 412]. Нити времен с новой четкой дня («Скуфья скифа»), помимо связи с календарем, также отсылают к образу человека (его голове), создавшего понятие времени. Не случайно хлебниковская статья о времени в пространстве носит знаковое заглавие «*Голова вселенной*» (1919). Как указывает Керлот, голова в средневековом искусстве символизирует разум и духовную жизнь; по Платону, голова является символом мира; согласно Леблану, череп, полусферический венец человеческого тела, означает небеса. Очевидно, голова связывается в этом случае со сферой, символизирующей Единство [Кирло 2007: 119]. Особую важность символики головы Г. Кюн видит в том, что обезглавливание тел в первобытную эпоху говорит об осознании человеком независимости духовного элемента, находящегося в голове, от жизненного элемента, представленного телом как таковым [Кирло 2007: 291]. В «Сокровенном сказании монголов» последний аспект подтверждается следующим эпизодом после битвы: «Сыновья, будучи не в силах ни похоронить, ни забрать с собой, *отрезали его голову* (своего отца. — Р. Х.) и увезли» [Сокровенное сказание 1990: 163–164]. Часть (голова-череп) может у Хлебникова обрести множественность (кости), но ядро смысла устойчиво.

«Пятьдесят бусинок индуистских четок – количество букв в санскритском алфавите. Четки связаны здесь с созидательной силой, которую индусы приписывали любому звуку, считая, что это вибрирует сам Космос» [Трессидер 2001: 412]. Такая связь звука и смысла значима в теории поэта.

Семантика четок у Велимира Хлебникова, рассмотренная на репрезентативных примерах, манифестирует маркеры его философом в «евразийской» парадигме, где голова / череп (мозг, кость), помимо мифологической и христианской традиции, как «метафорическая (поэтическая) основа двух процессов» – «эйдетической редукции и “энцефализации” вселенной» [Ланн 2005: 332], выявляет и буддийский элемент в восточном дискурсе «парарелигиозного» (С. Аверинцев) будетлянина.

Литература

1. Арензон Е. Р. «Задача измерения судеб...» К пониманию историософии Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова: статьи, исследования (1911–1998). М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 522–549.
2. Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках: события, люди, быт. В 2 кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993.
3. Гаспаров М. Л. Считалка богов. О пьесе В. Хлебникова «Боги» // Мир Велимира Хлебникова: статьи, исследования (1911–1998). М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 279–293.
4. Дуганов Р. В., Арензон Е. Р. Примечания // Хлебников В. Собр. соч. в 6 т. / под общ. ред. Р. В. Дуганова. М., ИМЛИ РАН, 2000–2005.
5. Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: культура, традиции, символика: учебное пособие. М.: Вост. лит., 2002.
6. Кирло Х. Словарь символов. М.: Центрполиграф, 2007.
7. Ланн Ж.-К. Метафоры тела в поэзии Велимира Хлебникова // Тело в русской культуре. Сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 324–339.
8. Леннkvист Б. Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова: пер. с англ. А. Ю. Кокотова. СПб.: Академ. проект, 1999.
9. Неклюдов С. Ю. О фаталистических образах и концепциях в традиционных культурах // Поэтика. История литературы. Лингвистика: сборник к 70-летию В. В. Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 38–44.
10. Островский А., Федорова М. Движение по молитвенному кругу // Восточная коллекция, 2005. № 1. С. 118–129.
11. Садокова А. Р. Буддийское мироощущение в японском повествовательном фольклоре // Буддизм и литература. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 402–424.
12. Сокровенное сказание монголов: анонимная монгольская хроника 1240 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990.
13. Трессидер Д. Словарь символов. М., 1999. М.: Гранд, 2001.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т.: пер. с нем. М.: Прогресс, 1986–1987.
15. Хлебников В. Собр. соч. в 3 т. СПб.: Академ. проект, 2001.
16. Хлебников В. Собр. соч. в 6 т. / под общ. ред. Р. В. Дуганова. М.: ИМЛИ РАН, 2000–2005.

Санджиев Н. Д.

**ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ:
«МИР КАК СТИХОТВОРЕНИЕ...»**

В. Маяковский назвал Велимира Хлебникова своим учителем. В статье «В.В. Хлебников» он писал: «Поэтическая слава Хлебникова неизмеримо меньше его значения. Всего из сотни читавших – пятьдесят называли его просто графоманом, сорок читали его для удовольствия и удивлялись, почему из этого ничего не получается, и только десять... знали и любили этого Колумба новых поэтических материков... Хлебников — не поэт потребителей. Его нельзя читать. Хлебников – поэт для производителей» Цит. по: [Дуганов 1990: 144].

В этом посвящении поэту и другу, в котором нет преувеличений, Маяковский, к сожалению, отдал дань представлениям о Хлебникове как о «поэте для поэтов», которого «нельзя читать». Вместе с тем в этой статье поэт-трибун точно и прозорливо заметил, что «Хлебникова надо брать в отрывках, наиболее разрешающих поэтическую задачу».

Приход Хлебникова в русскую литературу был связан с футуризмом, течением, осознающим себя как антикультура и на этих основаниях пытающимся построить здание «искусства будущего». Положительная программа футуризма сводилась к требованиям перестройки русской словесно-поэтической иерархии на началах полного освобождения «слова как такового», разрушения синтаксиса и грамматики в целях беспредельной свободы творца — поэта, изобретателя, создателя «заумного языка», который *«есть грядущий мировой язык в зародыше. Только он может соединить людей»* (Хлебников).

Маяковский и Хлебников оказались шире и глубже футуристического эстетического течения, в частности, Хлебников явил в своем творчестве подлинное искусство, признаваясь:

Я думал о России, которая сменой тундр, тайги, степей
Похожа на один божественно звучащий стих

[Хлебников 1986: 58]

В этих стихах заключена и основа творческого метода поэта, и одна из его основных философских мыслей, и своеобразная декларация главных его эстетических принципов. Хлебников мыслит «мир как стихотворение...».

Его поэзия открывает, разрабатывает новые возможности стиха — полиметрию, микрополиметрию, полиморфию (совмещение разных стихотворных размеров внутри нескольких соседних или даже одного стиха) и собственно свободный стих, о которых так громогласно заявляли футуристы в своем манифесте 1913 года «Садок Судей II»: «Нами сокрушены ритмы. Хлебников выдвинул поэтический размер живого разговорного слова. Мы перестали искать размеры в учебниках; всякое движение рождает новый свободный ритм поэту» [Поэтические течения...1988: 105–106].

Неологизмами, создаваемыми с помощью словообразовательных возможностей языка, изобилуют произведения В. Хлебникова, которые отличает ряд признаков:

а) образование новых слов при помощи префиксов и суффиксов;

б) подбор слов по звуковой выразительности, что придавало речи характер звукового ряда;

в) создание единого земного языка (иероглифического языка понятий).

Поиски новых форм словесного выражения — часть его общей концепции: обнаружить сокровенный смысл слова, найти новые закономерности в процессе речи. В 1910 году Хлебников объяснял свои поиски так: «...*писание словами одного корня, эпитетами мировых явлений, живописанье звуком*». На это он потратил много усилий, знаний, таланта, а все настоящее родилось у него из корня души и сердца, единственного корня поэзии. Но именно поиски и находки новых закономерностей в процессе речи делают Хлебникова значительным поэтом.

Есть в облике его, в его трудах и днях что-то святое, бесхитростное и скитальческое. Этическая глухота, претенциозная

развязность почти всей футуристической поэзии и модернистского искусства заделали своими искусственными механизмами тонкую подлинность Велимира Хлебникова и все в ней смешали.

Но был и другой Хлебников — поэт жесткого и мудрого зрения, благородной естественности.

Мне много ль надо?

Коврига хлеба

И капля молока,

Да это небо,

Да эти облака!

«Каменная баба» [Хлебников 1986: 242]

Одна из особенностей его поэзии — «объективность» изображаемого. «Я» редко становится у него поэтической темой, и его поэзия держится не на переживании «чего-то» или на размышлениях о «чем-то».

..Иди, весна! Зима, долой!

Греми, весеннее, трубой!

И человек, иной, чем прежде

В своей изменчивой одежде,

Одетый облаком и наг,

Цветами отмечая шаг,

Летишь в заоблачную тишь

С весною быстрою сам-друг,

Прославив солнца летний круг..

«Поэт» [Хлебников 1986: 68]

Поэзия Хлебникова без натуги жизнелюбива. И это во времена, когда трагедийно-мрачные настроения и предчувствия захватили многих мастеров русской культуры. Неблагополучие времени поэт ощутил остро:

И вьюга веет хлопьями,

И носятся бесшумно духи.

Я продырявлен копытами

Духовной голодухи.

«Всем» [Хлебников 1986: 121]

Такие стихи требуют не безоглядного, восхищенно-возвышенного или резко отрицательного отношения, а честного внимания. Модернисты разных оттенков особенно поднимали на щит его формально-экспериментаторские вещи — «словотворчество», «заумь»...

Еще в ранней юности Велимир Хлебников задался целью реактуализации фольклорных архетипов, включая и относящиеся к языческой проторечи, возрожденных особой экспрессией, выделяющихся многоголосием слов, как например:

О, рассмейтесь, смехахи!
О, засмейтесь, смехахи!
Что смеются смехами,
что смеянствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О, рассмешиц надсмеяльных — смех
усмейных смехачей!.

«Заключением смехом» [Хлебников 1986: 70]

Используя языковые средства народной речи, исследуя ее древнейшие пласты, поэт-ученый-философ Хлебников перемещает их, обогащает их с небывалой доселе изобретательностью, создавая архаико-неологистично-инновационным способом сотни «заумных» понятий из одного и того же корня или один из других, проецируя их как бы по ту сторону времени и пространства, поясняя на конкретных примерах собственную убежденность в том, что будущее бросает свою тень на речь. По словам самого автора, он довольно рано начал заниматься *«чистыми вещами славянских языков»*. В 1908 году начинающий поэт уже располагал некоторой исходной системой словотворческих идей как фундаментом своей экспериментальной практики. Прежде всего, он установил для себя ограничение на иноязычные заимствования, желая таким образом пользоваться в порождении новых слов и форм только славянским *«языковым геномом»*.

Приверженцы Хлебникова без удержу твердили о грандиозном художественном эксперименте, о создании нового поэтиче-

ского языка, который сумеют постичь лишь в далеком будущем, и о многом другом. Недруги сурово предупреждали, что понять Хлебникова почти невозможно, а если и можно, то в системе каких-то особых духовных координат, кои большинство человечества усвоит нескоро.

У Хлебникова свои, неподвластные определениям, отношения со временем. Будто был между ним и поэтом тайный, простецкий сговор. Хлебников жил не во времени, а во временах, скитания были формой его оседлости, как у кочевников, которых он так любил:

Как скатерть желтая, был гол
От бури синей сирый край.
По ней верблюд, качаясь, шел
И стрепетов пожары стай.
Стоит верблюд, сутул и длинен,
Космат, с чернеющим хохлом.
Здесь люда нет, здесь край пустынен,
Трепещут ястребы крылом.
Темнеет степь; вдали хурул
Чернеет темной своей кровлей.
Как веет миром и язычеством
От этих дремлющих степей!

«Хаджи-Тархан» [Хлебников1986: 96]

Велимир Хлебников смог увидеть новое, позитивное в XX веке. Смог увиденное выразить словами и донести до людей, не боясь летящих в него мнений. Он придумал свой, хлебниковский язык. Считал, что не все языковое наследие XIX века может отразить век двадцатый. Чувствовал, что необходимо что-то другое, чувствовал ритм борьбы, думал, какие слова для этого найти. Он стремился не просто сделать поэзию украшением жизни, а средством, проектом, планом жизни.

Да, сегодня можно говорить о том, что из сотни читавших его – пятьдесят называли его просто графоманом, а сорок – удивлялись, почему из строк стихов ничего не получается. Но это отражение дыма из заводских труб, грохота заводских це-

хов, разорванного и обгоревшего металла войны, гибели и страданий людей. Если мир полон трагизма, почему трагическое не может быть в поэзии? Еще сохраняются на планете голод, нищета, болезни, война, несправедливость. А Велимир Хлебников еще в 1922 году писал:

Неужели из нашей времен полосы
Не вылетит война, как ненужная птица?
«Смерть в озере» [Хлебников 1986: 44]

В стихотворении «Смерть в озере» Хлебников описывает страшную в своей бессмыслице гибель русской воинской части:

И, к студенным одеждам привыкнув
И застынув мечтами о ней,
Слушай: смерть, пронзительно гикнув,
Гонит тройку холодных коней.
И, ремнями ударив, торопит,
И на козлы, гневна вся, встает,
И заречною конницей топит,
Кто на Висле о Доне поет.

[Хлебников 1986: 44]

Лик войны, холодный и страшный, дышит жизнью, отвращает от нее сознание и чувства без вмешательства прямого осуждения. Там, где стих Хлебникова улавливает стихию истории и природы, революций и войн, будущего и настоящего, — торжествует поэзия, просто поэзия, какой она всегда была, есть и останется:

..Бежали буйволы, и запах молока
вздмался деревом на небо
И к тучам шел..
Прощайте, черно-синие глаза у буйволиц
за черною решеткою ресниц,
Откуда лились лучи материнства
и на теленка и на людей..
«Ручей с холодной водой» [Хлебников 1986: 5]

В странной, внебытовой жизни его присутствовала «*воля быть*», и быть только так, как того требует нешуточность судьбы и осознанность устремлений. Свободно передвигаясь в «*правременах*», он чувствовал и время, в котором жил, — ужас войн как прибой, несправедливость социального устройства как пот «*торга и рынка*».

..Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!..

[Хлебников 1986: 93]

Хлебников знал, что время непоправимо «*сломалось*», что искусству предстоит нечто новое. Он никогда не жаловался и не уходил в себя, не играл и не ридился — он жил, уверенный в своем предназначении, в предопределенности трагизма своего жизненного пути. Поэт понимал:

...Я ведь такой же, сорвался я с облака,
Много мне зла причиняли
За то, что не этот,
Всегда нелюдим
Всегда нелюбим.

[Хлебников 1986: 214]

Творчество В. Хлебникова — это особый целостный мир, созданный в свободной, естественной динамике, оно направлено в будущее, с ним связаны все его надежды. Его художественный мир существует во времени мироздания со стихотворной структурой.

Литература

1. Дуганов Р. В. Велимир Хлебников. Природа творчества. М.: Сов. писатель, 1990.
2. Манифест из альманаха «Садок судей II» // Поэтические течения в русской литературе конца XIX – начала XX века. М., 1988.
3. Хлебников В. Творения. М.: Сов. писатель, 1986.

Мицунори Сагаэ

**СТИХОТВОРЕНИЕ КОНСТАНТИНА БАЛЬМОНТА «ДОЖДЬ»
В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ «ЗАУМИ»
ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА**

Одновременно с работой над изданием своего сборника «Будем как Солнце» поэт Серебряного века Константин Бальмонт переводил одно из самых известных стихотворений Э. А. По «Ворон» и его статью «Философия творчества». Насколько известно, исследователи еще не писали о непосредственном отношении бальмонтовских стихов к произведению Эдгара По.

Настоящая статья является попыткой анализа стихотворения К. Бальмонта «Дождь» с точки зрения «Философии творчества» Э. По и «Зауми» В. Хлебникова.

Как известно, Велимир Хлебников придавал большое значение смыслам звуков. Он считал, например, что *Ш* и *Щ* противоречат друг другу и играют разнонаправленные роли – центро-стремительные и центробежные. «Заумный» язык В. Хлебникова был использован К. Бальмонтом в стихотворении «Дождь», которое мы приводим здесь полностью:

В углу **шуршали** мыши,
Весь дом застыл во сне.
Шёл дождь, и капли с **крыши**
Стекали по стене.

Шёл дождь, ленивый, вялый,
И маятник стучал.
И я душой усталой
Себя не различал.

Я слился с этой сонной
Тяжелой тишиной.
Забытый, обделённый,
Я весь был тьмой ночной.

А бодрый, как могильщик,
Во мне тревожа мрак,
В стене жучок-точильщик
Твердил: «Тик-так. Тик-так».

Равняя звуки точкам,
Началу всех начал,
Он тонким молоточком
Стучал, стучал, стучал.

И атомы напева,
Сплетаясь в тишине,
Спокойно и без гнева
«Умри» твердили мне.

И мертвый, бездыханный,
Как труп задутых свеч,
Я слушал в скорби странной
Вещательную речь.

И тише, кто-то тише
Шептался обо мне.
И капли с темной крыши
Стекали по стене.

[Бальмонт 1903: 37–38]

В этом стихотворении Максимилиан Волошин увидел связь со стихами французского поэта Поля Верлена «Аполлон и мышь» [Волошин 2000: 135]. Мы же полагаем, что стихи Константина Бальмонта являются экспериментальной пробой подражания «Ворону» Э. По.

Для начала обратимся к статье «Философия творчества» — художественному манифесту Э. По. Автор поясняет, что свое

самое мистическое стихотворение он начал с мысли о некоем «не-разумном существе, способном к речи, и вполне естественным образом на первом месте появился попугай, но он тотчас же уступил место Ворону, как одаренному также способностью речи и бесконечно более находящемуся в соответствии с задуманным *настроением*» [По 1906: 174–175]. Эдгар По подошел к Ворону как важному элементу своего замысла. «Ничто так не очевидно, как то, что каждый замысел, достойный этого имени, должен был выработан вплоть до своей *развязки*, прежде чем делать какую-нибудь попытку с пером в руке, — писал он. — Лишь постоянно имея в памяти *развязку*, мы можем придать замыслу необходимый вид последовательности, причинности, заставив события и, в особенности весь общий тон, тяготеть к развитию замышленного» [По 1906: 167].

Столь же важным в художественном произведении поэт считал его «оригинальность» или «эффект», которые являются источником интереса к нему. «Неверен себе, кто дерзает опустить столь очевидный и легко достижимый источник интереса» [По 1906: 168]. Самой эффектной частью его стихотворения «Ворон» является рефрен — слово «Никогда», которое повторяется в конце каждой строфы, усиливая ощущение нарастающей тревоги.

Если предположить, что стихи Константина Бальмонта являются экспериментом, подражанием «Ворону», то, наверное, так же, как в стихотворении «Ворон», самым важным словом является *Nevermore*. Но и слово *Raven* (ворон) состоит почти из тех же букв, что и *Never*, как и ключевая мысль стихотворения «Дождь» — «умри», закодированная в первой строфе.

Сравнивая «Дождь» с «Вороном», можно отметить общие черты — например, мотив замкнутого пространства, звук часового маятника, мотив грядущей смерти и другие.

1. В «Философии творчества»: «Следующим пунктом соображения был способ сопоставления любящего и Ворона — и первым разветвлением этого была мысль о *месте*. Самым естественным внушением могла бы здесь казаться мысль о лесе или о полях, — но мне всегда казалось, что тесная *замкнутость пространства* безусловно необходима для эффекта

обособленного события — это имеет силу рамы к картине» [По 1906: 178].

2. Во второй строфе стихотворения К. Бальмонта звук дождя становится яснее в сочетании двух прилагательных «ленивый и вялый», придающих ему выразительные оттенки.

Образ маятника у Бальмонта напоминает переведенный им рассказ Э. По «Колодец и маятник» [По 1906: 88–109]. В стихах Бальмонта регулярное тиканье исполняет роль текущего времени, приближающего героя к смерти.

3. В третьей строфе лирический герой «сливается» с тишиной. Однако неизвестно — одинокое, грустное состояние человека соединяется с тишиной и темнотой или вялый звук дождя и шуршание мыши усиливает такую атмосферу. Но в обоих случаях, несомненно, грустное состояние лирического героя неразрывно с окружающей его средой. Прилагательные «забытый, обделенный» намекают, что герой одинок так же, как герой «Ворона», потерявший близкого ему человека. И здесь и там присутствует бинарность пространства, Здешний и Нездешний Миры.

Но до четвертой строфы Бальмонт не употребляет слов, намекающих на смерть, лишь в четвертой строфе с рифмой «могильщик — жучок-точильщик» возникает мотив смерти. Хотя слово «тик-так» символизирует движение жизни.

4. Однако к заторможенному состоянию героя («вялый», «ленивый» или «усталый») четвертая строфа добавляет тревожное «предчувствие смерти». Образ жучка-точильщика создает особый эффект: предчувствие и приглашение героя к смерти. Звуки, издаваемые «бодрым жучком-точильщиком», влекут лирическое «я» к смерти.

Возникает вопрос, какой текст Эдгара По подтолкнул Константина Бальмонта к созданию образа жука-точильщика? В сборнике, переведённом поэтом, есть рассказ «The Tell-Tale Heart», название которого он перевел на русский язык как «Сердце-изобличитель». В этом произведении главный герой, познакомившись и подружившись со стариком, имеет намерение убить его:

«Я уже просунул голову в комнату и готовился открыть фонарь, как вдруг мой большой палец скользнул по жестя-

ной задвижке, и старик вскочил на постели, вскрикнув: «Кто там?»»

Я был неподвижен и не говорил ни слова. В продолжении целого часа я не двинулся ни одним мускулом и всё время слышал, что он не ложился. Он всё ещё сидел на своей постели и слушал; совершенно так же, как ночь за ночью я слушал здесь тиканье стенного жучка-точильщика» [По 1906: 3].

В оригинале:

«I had my head in, and was about to open the lantern, when my tumb slipped upon the tin fastening, and the old man sprang up in the bed, crying out — Who's there?

I kept quite still and said nothing. For a whole hour I did not move a muscle, and in the meantime I did not hear him lie down. He was still sitting up in the bed listening; — just as I have done, night after night, hearkening to the death watches in the wall» [Poe 1975: 304].

Как видим, здесь «точильщик» сопровождает мотив смерти. В стихотворении Бальмонта такую роль играют звуки, в самом названии «Дождь» скрыта аллитерация звуков.

Первая строка первой строфы стихотворения построена на сочетании гласного звука «У» и аллитерации звука «Ш».

В углу шуршали мыши → у м р и

Использование ономотопеи «шуршание» в углу мышей приносит в текст оттенки «тишины» и «спокойствия». Фоническая ассоциация «дождь» и «мышь» тесно связана с ономотопеей «шуршание». Звуки дождя и шуршание мыши одинаково воспринимаются лирическим героем.

Вспомним, что смысл звуков Ш и Щ, по В. Хлебникову, заключался в том, «что *Ш* значит слияние нескольких поверхностей в одну поверхность и слияние границ между ними» [Хлебников 2005: 154], «что *Щ* означает разбивку поверхности, целой раньше, на разные участки, при неподвижном объеме» (курсив автора, в неговоренных случаях — наш. — М. С.) [Хлебников 2005: 155]. В стихотворении К. Бальмонта звук «Ш» играет центральную роль, сливая звуки в одну сочетаемость, и вслед за этим «Ш» корреспондирует с аллитерацией «С» во второй и четвертой строках. Именно эти оттенки шуршания мыши, сочетааясь

со звуком «С», сразу отсылают к формуле: «Весь дом застыл во сне», — в холод пространства. Здесь уместно вспомнить содержание «Философии творчества» и подумать над тем, в чем состоит эффект этих стихов.

Если звук «Щ» «разбивает поверхность целого на разные участки» (В. Хлебников), то у Бальмонта слитые звуки: «Шуршали мыши», «Шел дождь, и капли с крыши», «тяжелой тишиной», — разбиваются отдельно на разные участки через звук, передающий точение жучка-точильщика. В пятой строфе каждый звук, издаваемый жучком, равен «точкам» и приобретает самоценное значение. В шестой строфе каждый звук вновь сливается с тишиной и становится уже посланием смерти. Фраза седьмой строфы: «Я слушал в скорби странной / Вещательную речь», — напоминает фразу «Ворона»: «"Prophet!" said I». Последняя строфа опять передает звуки дождя словосочетанием «пошел дождь», и оказывается, что стихотворение, начавшееся звуком дождя, кончается им же. Звуки дождя ассоциируются с шуршанием мышей, с тиканьем маятника, с точением жучка-точильщика и, в конце концов, со смертью, и все они придуманы поэтом в самом начале: зашифрованным повелением «Умри».

Безусловно, можно отметить различие между «Дождем» К. Бальмонта и «Вороном» Э. По. В «Вороне» скорбь мужчины по любимой женщине передается противопоставленной рифмовкой имени *Lenore* и *no more*, в то время как в «Дожде» не разъясняется причина: почему состояние одиночества и усталости лирического героя близко к смерти. Шуршание дождя, тиканье маятника, точение жучка ассоциируются с присутствием смерти. Лирическому герою чудится, что все они уговаривают его умереть. Это простая символизация каждого звука. На самом же деле никто ему не говорит о смерти. Собственная интерпретация этих звуков направляет героя к смерти.

Один их рассматриваемых нами аспектов — пространства и времени в стихотворении К. Бальмонта — определяется следующими наблюдениями. Первая строфа делится на 2 части: первое двусишие изображает пространство вне дома, второе — пространство в доме. Во второй строфе первое двусишие изображает внешнее пространство, последнее — уже самого лирического героя.

В третьей строфе определения «забытый, обделенный» намекают на человеческое одиночество и потерю, выявляя бинарность пространства Здешнего и Нездешнего Миров. До четвертой строфы семантика смерти отсутствует, и лишь в четвертой строфе «могильщик — жучок-точильщик» вносит мотив смерти. Начало пятой строфы уже подразумевает конец: каждый звук может оказаться последним в жизни. Трижды повторенное «Стучал. Стучал. Стучал» равнозначно и созвучно биению сердца.

В шестую строфу введен императив «умри»: именно этот глагол соединяет все звуки — дождя, мышей, маятника, жучка-точильщика, — чтобы передать лирическому герою послание из того, Нездешнего мира. Здесь мы вновь встречаемся с бинарностью пространства. В седьмой строфе тема смерти продолжает развиваться нагнетанием слов «мертвый, бездыханный», «труп». «Вещательная речь» намекает на строчки из «Ворона» («Ворон черный, Ворон вещий» в переводе К. Бальмонта). В последней строфе: «И тише, кто-то тише // шептался обо мне», — обнаруживается присутствие того, кто транслирует пророческие слова из иного мира.

Мы попытались проследить бинарность внешнего и внутреннего художественного пространства лирического героя и взаимное проникновение времени и пространства на примере стихотворения «Дождь» Бальмонта. Сопоставление «Дождя» Константина Бальмонта с «Вороном» Эдгара По позволяет выявить общие черты этих двух стихотворений, в частности, сближающихся в том, что замкнутость пространства усиливает чувства и настроения лирических героев, скорбящих об утратах и готовящихся к смерти.

Литература

1. Хлебников В. Собр. соч. в 6 т. Т. 6. М., 2005.

2. Бальмонт К. Будем как Солнце. М., 1903.

3. Волошин М. Собр. соч. Т. 3. М., 2000.

4. По Э. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. М., 1906.

5. Poe E. The Complete Tales and Poems of Edgar Allan Poe. New York, 1975.

Батыров В. В.

«СТЯЖАЛ БЛАГОДАРНОСТЬ КАЛМЫКОВ...»
(исследования В. А. Хлебникова
по этнографии калмыков)*

Корни восточных мотивов в творчестве Велимира Хлебникова уходят в культуру калмыцкого народа, среди которого он родился и провел свое детство. Немаловажную роль в становлении В. Хлебникова как поэта сыграл его отец, Владимир Алексеевич Хлебников, который с 1885 г. был попечителем Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии. Деятельность Хлебникова-старшего представляет существенный интерес не только в административном отношении. Ученый и попечитель, он в немалой степени повлиял на развитие Малодербетовского улуса, а знавшие его калмыки характеризовали его как *сян кюн* — хороший человек [Ерымовский 1969: 157]. Множество документов В. А. Хлебникова, отражающих его деятельность, хранится в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. В них имеются сведения по материальной и духовной культуре калмыков Малодербетовского улуса, поэтому представляют ценный источник по этнографии калмыков.

В 1982 г. архив В. А. Хлебникова [НМРК. КП. 6795] был передан народным поэтом Калмыкии Д. Н. Кугультиновым на постоянное хранение в Национальный музей Республики Калмыкия. Позже, во вступительной статье к сборнику стихов и поэм Велимира Хлебникова «Ладомир», он напишет: «... в Москве лет двадцать тому назад мне позвонил поэт Борис Слуцкий и

* Статья написана в рамках гранта РГНФ № 08-04-36401 а/Ю. «Кросскультурные контакты народов Северного Кавказа: локальные особенности».

сказал: «Мы, комиссия по литературному наследию Велимира Хлебникова, разбирая архив поэта в доме его племянника — художника Мая Митурича, наткнулись вдруг на две папки с надписями — Калмыки. Они никакого отношения не имеют к творчеству поэта, но имеют прямое отношение к Калмыкии» [Оконова 2005: 108]. Так документы В. А. Хлебникова попали в Калмыкию.

Служба в должности попечителя была связана с частыми выездами в калмыцкие хотоны, что способствовало близкому знакомству Хлебникова-отца с культурой и бытом калмыков. В результате этих поездок появились его заметки: «О пище и одежде калмыков», «Программа и бланк для сбора и описания этнографической коллекции калмыков», «Детские игрушки и игры калмыков северной части Малодербетовского улуса Астраханской губернии» (поля рукописи украшают рисунки, сделанные пером), «Заметки о жизни и быте калмыков» (7 л.), «Перевод с калмыцкого языка учения Будды об убийстве» (2 л.), «Список всем родам южной части Малодербетовского улуса с указанием числа кибиток и расстояний от поселка Элиста как до летних, так и до зимних кочевий» (2 л.) [Оконова 2005: 108–111].

Заметки с описаниями жизни и быта калмыков Малодербетовского улуса В. А. Хлебников фактически стал вести с самого начала работы. Рассматривая сферу основных интересов попечителя, отметим, что он являл собой тип просвещенного чиновника, профессионально занимавшегося естественными науками, в частности, орнитологией, а также интересовавшегося этнографией. Причину внимания нового попечителя именно к культуре калмыков мы обнаружили в Государственном архиве Астраханской области, в деле «Описание детских игр в Астраханской губернии». Зимой 1885 г. правление Политехнического музея г. Москвы подало прошение в Астраханский губернский статистический комитет предоставить сведения об играх и игрушках на территории Астраханской губернии. В нем указывалось, что сведения были нужны «для создания обозрения игр Российской империи» [Гос. архив Астраханской области, л. 2]. Поскольку в состав тогдашней Астраханской губернии административно входила и Калмыцкая степь, то Астраханский губернский статистический комитет обратился к астраханскому губер-

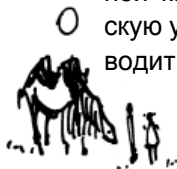

натору с просьбой предоставить сведения по играм и игрушкам калмыков. 13 декабря 1885 г. астраханский губернатор, выполняя эту просьбу, предложил Управлению калмыцким народом (УКН) собрать соответствующие этнографические материалы для Политехнического музея [Гос. архив Астраханской области, л. 5].

Выполняя просьбу губернатора, чиновники УКН, в свою очередь, перепоручили собрать требуемые сведения улусным попечителям Калмыцкой степи. Но, поскольку просьба губернатора носила рекомендательный характер, неудивительно, что большинство улусных попечителей оставило ее без внимания. Единственным, кто в 1887 г. представил данные по играм и игрушкам калмыков, был улусный попечитель северной части Малодербетовского улуса В. А. Хлебников, таким образом, к письму УКН от 16 апреля 1887 г. в Астраханский губернский статистический комитет было приложено описание игр калмыков только северной части Малодербетовского улуса [Гос. архив Астраханской области, л. 39].

Черновой вариант рукописи «Детские игрушки и игры калмыков северной части Малодербетовского улуса Астраханской губернии» дает достаточно полное описание игр и игрушек калмыков. Возможно, именно данная работа стала первым опытом попечителя по изучению культуры и быта калмыков. В дальнейшем В. А. Хлебников, исполняя различные приказы и указания УКН по предоставлению сведений о калмыцком народе, продолжал записи по этнографии калмыков. При этом, занимаясь несвойственными ему функциями, он относился к своим обязанностям в высшей степени добросовестно, что сделало его исследования необычайно ценными.

Описывая калмыцкие игры и игрушки, В. А. Хлебников исходит из образа жизни народа, который он характеризует как аскетичный. «Игрушками ... служат самые разнообразные вещи: лоскутки ситца, черепки посуды, кости, кнуты «нагайки» и т. д. Например, один <ребенок играет>...с деревянной чашкой...в ней какой-либо камешек или косточка, другой... берет отцовскую узду и мечется с нею из стороны в сторону, воображая, что водит живую лошадь» [НМРК. Фонд В. А. Хлебникова. Л. 252].

Некоторые калмыцкие игрушки, отметил В. А. Хлебников, представляют собой довольно сложные механизмы. Например, хлопущка *ценгиб* напоминает по устройству духовое ружье. Эта трубка из дерева или камыша имеет деревянный поршень, «равный диаметру потребного сечения ... трубки», пробку «из дерева или кори» (т. е. коры — В. Б.). От напора сжимаемого поршнем воздуха плотно заткнутая пробка вылетала, при этом, как писал В. А. Хлебников, «получается звук, ... какой издается при открывании бутылки с шипучими напитками» [НМРК. Фонд В. А. Хлебникова. Л. 4].

Владеть оружием калмык учился с детства, поэтому ожидаемым в заметках является описание детского лука — *садыка*, устройство которого было особенно простым. Процесс изготовления этой игрушки он описывал так: «...сгибается хворостина или камышина и удерживается согнутой стягиванием ... ея тетивой из ремня или шерстяной веревки; стрелы ... также из хвороста или камыша». Отмечено и детское игрушечное ружье *бу*, сделанное из камышовой трубки [НМРК. Фонд В. А. Хлебникова. Л. 5].

Особо выделены свистульки, которые В. А. Хлебников называл самым распространенным видом игрушек. Они различаются между собой по форме: «как правило, претендуют на родство с представителями мира фауны», а так же по материалу — из дерева или глины. Эти «незамысловатые игрушки по совместительству были и музыкальными инструментами». Например, свистульки *бишкюр* описаны как полые игрушки из камыша или глины, определен и издаваемый ими звук: «...свист воспроизводится губами, трубка же приставляется к последним только для того, чтобы увеличить резкость звука». Во всех подробностях представлены камышовые свирели *хулсун-бишкюр* — от процесса изготовления до игры на этих инструментах, которые, как писал автор, «делаются из камыша следующим образом: берутся ... камышинки с цельной перегородкой в суставе; дюйма на 1½ от перегородки делают поперечный надрез не более 1/8 окружности трубки; от надреза к перегородке надкалывается находящаяся между ними боковая поверхность таким образом, что отпущенная пластинка остается не отделенною от сустава».

ва; так укрепленная пластинка обладает способностью быстро колебаться и попеременно то закрывают, то открывают соответствующие ей продольные отверстия; звук воспроизводится, если надколотый конец камышинки забрать в рот за надрез, зажать губы и дуть в рот, закрывая нос, ... и сильная струя воздуха будет стремиться по единственному для нея пути — в отверстие под пластинкой, ... придет в колебательное состояние. ... Ей служат две вариации звука: играющий то закрывает их пальцем, то открывает» [Л. 7].

Подробно охарактеризованы и активные ролевые игры калмыцких детей. В. А. Хлебников отмечал, что игры у калмыков отражают хозяйственный быт, и в качестве примера описал игру «Адуч болохи надаху» (играть в табунщика): «...из этой игры воспроизводится верховая езда на лошади, ловля лошадей арканами, уход за табунами и, вообще, все калмыцкое коневодство». Правила игры были простые: «играющие разбиваются на «всадников» и «лошадей». Каждый из «всадников» берет себе по одной «лошади», дает последней в зубы веревочку, изображающую узду. Верховая езда воспроизводится так: «лошадь» бежит впереди «всадника», который правит ею за веревочку, покрикивает, насвистывает и погоняет нагайкою или кнутом. Остальные «лошади» изображают табун. «Всадники» гонят их «на своих верховых лошадях» на пастбище и водопой, ловят... своих «верховых лошадей», пуская последних..., укрощают и обучают. «Лошади» во время игры ведут себя, как подобает, настоящими лошадьми: ржут, фыркают, скачут, прыгают» [Л. 8].

Первый опыт оказался довольно удачным, и в дальнейшем попечитель стал присматриваться и к другим особенностям калмыцкой этнографии. Весьма ценными надо признать материалы В. А. Хлебникова по материальной культуре и быту калмыцкого народа. В центре его внимания была и пища калмыков. Изучая питание калмыков, он выделял три составляющих: «мясо различных домашних животных, затем молоко с их продуктами» и растительные продукты, из которых в основном «употребляются пшеничная и ржаная мука и чай» [Л. 10]. Употребление мяса носит сезонный характер: «Мясо, преимущественно баранье, употребляется калмыками в пищу преимущественно зимой, когда

скот вообще начинает давать мало молока, и затем во время религиозных или семейных праздников» [Л. 11].

Характеризуя традиционные рецепты калмыцкой кухни, он писал: «...из мяса обыкновенно готовят довольно вкусный суп (*шолон*), редко, и то у богатых, мясо жарится в жиру в виде мелких кусочков (*ишкат*)». «Суп, так и мясо обыкновенно едят без хлеба и прежде не употребляют никаких приборов вроде вилки, ложки и т. п., кроме ножа, который служит хорошим помощником к обглаживанию костей. Соли в суп кладут очень мало и употребляют ее только при еде мяса, именно делают из нея разсол, куда и мочут кусочки мяса» [Л. 18]. Существенное наблюдение: «Незначительное употребление калмыками вообще углеводов. Овощи же эти народы совсем не употребляют в пищу ... отсутствие их», — приводит автора к выводу, что именно «недостаток ... овощей, по-видимому, создает у калмыков склонность к заболеванию цингой» [Л. 22]. В этом выводе возможно усмотреть заботу о здоровье людей, вверенных попечению В. А. Хлебникова.

Значительный интерес представляют заметки улусного попечителя о мобильном жилище калмыков-кочевников, которому он уделил довольно много места в своих материалах. «Калмыцкая кибитка имеет форму цилиндра с поставленным на него конусом с закругленной верхушкой», — писал он, при этом указав и размеры кибитки: «...средний диаметр цилиндрической части кибитки — сажень, а высота конусообразной части — аршин». Устройство кибитки состоит «исключительно из дерева и кошом (*шардык*), при чем для легкости и для удобства складывающаяся цилиндрическая часть представляет собою решетку, состоящую из меньших решеток, связанных волосяными арканами, основа же конической части состоит из ряда палок (*унин*), вверху вкладывающихся в особой деревянный круг, продырявленный отверстиями». Далее «все это покрывается кошмами, привязав волосяными лентами, пальца в 1 1/6 шириною. Верхушка кибитки закрывается 4-х угольным лоскутом — *чак*, ... он может ... закрывать верхушку кибитки или оставляя ее открытой. Круг, существующий на верхушке кибитки, служит одновременно отверстием как для выхода дыма, так и для освещения кибитки.

Для того, чтобы можно было входить в кибитку, обыкновенно на южной части кибитки вставляются ... дверцы ..., когда идет дождь — эти двери служат и ... для освещения кибитки, так как верхнее отверстие нужно закрыть» [Л. 23].

В. А. Хлебников интересовался и экономическими вопросами. Так, заботясь об условиях жизни калмыков, он выявил высокую стоимость калмыцкого жилища: «...средней величины кибитка стоит около 80 р. — 100 р.». Чиновник знал и цены на деревянные части кибитки: «круг — 3 руб., двери — 3 руб., решетки — 15 руб.», при этом отмечал, что обычно кибитки покупали «на ярмарках», а «кошмы обыкновенно делают сами, деревянный же остов кибитки приобретается из хурулов, где существуют плотники из калмыков». В описании кибитки В. А. Хлебников обратил внимание: «на ценность, кроме величины кибитки, влияет еще качество кошмы. Более состоятельные покрывают свою кибитку более лучшими, белыми и прочными кошмами; у людей среднего достатка на кибитке серая или черная и часто дырявые. У бедняков же кибитка или джолон покрыты совсем мало» [Л. 25].

Сам образ жизни кочевников, по мнению В. А. Хлебникова, predetermined выбор такого типа жилища: «...кочевая жизнь, которую ведут калмыки, принудила создать такое жилище, чтобы оно могло быть легко перемещаемо с места на место ..., которая в течение часа может быть разобрана, сложена на один воз, запряженный парой быков или верблюдов. И после прибытия на новое место, в такое же почти время поставлена вновь. Для перевозки этого дома достаточно одного воза, запряженного парой быков или верблюдом». Комфортность такого типа жилища заключается в том, замечает автор, что «летом в кибитке немного прохладнее, ... кибитка защищает от ветра, дождя, снега и пыли. Лучше всего жить в кибитке, когда окружающий воздух имеет среднюю температуру». Жизнь в кибитке «нельзя назвать дурной, если поддерживать в кибитке опрятность и одеться потеплее. Обмен воздуха в кибитке, благодаря существующим большим отверстиям и гуслям, всегда совершается более или менее энергично. Это было бы идеальное жилище по чистоте воздуха, если бы калмыки могли жить более опрятно и не разводить огонь посреди кибитки» [Л. 31].

Сведения о внутреннем убранстве кибитки тем более важны, что подобные описания жилища дербетских улусов встречаются редко. Так, «если заглянуть внутрь кибитки, то мы обычно встретим такую обстановку. В центре кибитки находится очаг — где большую часть дня и вечером горит кизяк или камыш. В этом месте всегда стоит треножник, на который обыкновенно ставят котел для приготовления кушанья или чая. Как раз против входа, ... большей частью у северной стороны кибитки, стоит деревянная кровать — одна, покрытая несколькими слоями кошм, где обыкновенно спит сам хозяин кибитки с малолетними детьми, подле кровати на земле кладутся кошмы днем для сидения и работ, а ночью эта кошма служит постелью жене, которая обыкновенно не спит на кровати. В богатых кибитках над кроватью ... устраивается балдахин. По левую сторону кибитки у ... кровати ставятся ... барханы (т. е. бурханы — В. Б.) ... в виде маленького столика и т. п. Далее у западной стены ставится обыкновенно шкаф, куда складываются пищевые припасы и другие вещи по хозяйству, шкаф покрывается ковром, на который ставят сундуки. Затем на левой же стороне при входе иногда держат ... другую кровать» [Л. 40].

Следующая затем характеристика одежды малодербетовских калмыков интересна и сама по себе; Хлебников-отец рассматривает ее с точки зрения утилитарности. «Одежда мужчин ... считается довольно рациональной». Она «состоит обыкновенно из кафтана (*бюшмуд*) ... штанов, сапогов, шапки, ... обыкновенно бязевых рубашек и штанов». Обувь: состоящая «из сапогов, внутрь которых вкладывается каблук», очень удобна для верховой еды, но «едва ли она удобна для обыкновенного пользования», поскольку «заставляет ходить почти на цыпочках». Женская одежда, в отличие от мужской, менее удовлетворяет требованиям защиты от непогоды. «Тяжелые бараньи шапки напрасно обременяют голову женщин, которые постоянно должны быть в шапках». Особое недовольство попечителя вызывала такая особенность девичьего костюма, как жилет *ялмта*, который «шьется ..., чтобы не слишком выдавалась (грудь)» [Л. 41]. По мнению калмыков, последнее считалось неприличным, и снять жилет разрешалось только замужним женщинам. Хлебников же

считал, что ношение такого жилета пагубно влияет на развитие девичьего организма. В отношении зимней одежды — полушубка и тулупа — попечитель считал, что они не во всем удовлетворяют гигиеническим требованиям. Изучив одежду калмыков, Владимир Алексеевич заключил, что в общем она довольно рациональна.

Труды В. А. Хлебникова, несомненно, представляют собой ценный источник по этнографии калмыков, содержащий подробные сведения об игровой культуре, алиментарной культуре, культуре одежды и жилища. Главным достоинством его работы является многоаспектность и стремление к объективности, равнодушное отношение к народу, вверенному его попечению. Сегодня имя В. А. Хлебникова стоит в один ряд с именами известных исследователей калмыцкого народа.

Источники и литература

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф.-32. Астраханский губернский статистический комитет. Оп. 1. Д. 43а.
2. Национальный музей Республики Калмыкия им. проф. Н. Н. Пальмова (ГУ НМРК). Фонд В. А. Хлебникова. К.П. 6795/252.
3. *Ерымовский К. И.* Легенда о лотосе. Элиста, 1969.
4. *Оконова С. В.* Коллекция документов В. А. Хлебникова в фондах ГУ «Калмыцкий республиканский краеведческий музей имени Н. Н. Пальмова» // Вестник Калмыцкого республиканского краеведческого музея им. профессора Н. Н. Пальмова. Выпуск 2. Элиста, 2005. С. 108–112.

Омакаева Э. У.

ЯЗЫК ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПТОВ И КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

На сегодняшний день в лингвистическом изучении поэзии Велимира Хлебникова сделано немало: составлен словарь его неологизмов, изучаются механизмы и принципы словотворчества, связь лингвистических изысканий поэта с поисками «основного закона времени», ведется поиск ключевых слов и др. Но предстоит сделать гораздо больше.

И отправной точкой в лингвистическом исследовании поэтического языка Хлебникова должно служить понимание слова и личное отношение к нему самого поэта, уже в самом начале творческого пути изложенное в лаконичной метафорической формуле: «Слово — пальцы; Слово — лен; Слово — ткань <...>» (курсив наш. — Э. О.). Порядок перечисления Хлебниковым трех ипостасей поэтического слова, конечно, не случаен. Символика прозрачна: слово-станок («пальцы») — это инструмент, с помощью которого слово-материал («лен») может быть преобразовано в слово-продукт («ткань»). На первое место поэтом поставлен сам процесс — творческое преобразование слова как единицы языковой системы в итоговый текст как результат ее функционирования в речепорождении.

Лексика, характерная для произведений В. Хлебникова, должна быть правильно проинтерпретирована и понята читателем. Одним из способов, помогающих читателю адекватно воспринимать текст, является, на наш взгляд, выявление базовых концептов, вербализованных в стихах ключевыми словами, имеющими номинативное, символическое, эталонное, метафорическое, коннотативное значения. Именно эта часть лексики, выбранной из произведений Хлебникова, служит наименовани-

ями ядерных культурных констант. Исследователи выделяют в качестве ключевых для идиостиля поэта достаточно большое число слов: **время, слово, число, судьба, свобода, жизнь, смерть, мир, война, небо, звезда, море, луч, звук, город, конь, дерево, игра, птица, синий, голубой** и мн. др. Каждое из них заслуживает отдельного исследования. Здесь же заметим, что все концепты, образы, вербализуемые приведенными лексемами, тесно связаны и переплетаются между собой (в этом мы убедимся ниже). Некоторые концепты типа **свобода, мир, судьба** являются парными, имея корреляты в виде **воли, лада и рока**.

Ключевые слова выполняют в тексте разнообразные функции — номинативную, стилистическую (создавая определенную культурную маркированность и особые коннотации, актуализируемые контекстом) и главную — текстообразующую, поскольку семантика слова в стихотворном языке не автономна.

Исследование концептов духовно-ментальной сферы принадлежит к числу наиболее активно разрабатываемых направлений современной лингвистики, придерживающейся антропоцентрических взглядов и изучающей язык в органическом единстве с ментальностью и культурой этноса.

Художественный поэтический текст представляет специфическую форму воплощения картины мира. Термин *картина мира (образ/модель мира)*, — ключевой термин метаязыка культуры — все чаще используется сейчас в лингвистических исследованиях, где особое место отводится слову как базовой единице языка, являющейся лексической репрезентацией концептов, и лексико-семантическим полям и группам, объективирующим различные фрагменты языковой картины мира, заключенной в семантической системе языка. Изучение творчества поэта в лингвистическом аспекте, на наш взгляд, позволит представить сложный комплекс представлений, стоящих за текстом.

Ключевыми концептами поэзии Хлебникова, унаследованными им от мировой и русской литературы, являются **жизнь и смерть**, давно привлекающие внимание исследователей. Так, анализ феномена смерти в художественной интерпретации Хлебникова содержится в диссертационном исследова-

нии Д. А. Пашкина [2002]. Мотивы и образы, определявшие содержание и наполнение лирики В. Хлебникова до и в канун революции, меняют свою семантическую направленность под воздействием трагических событий современности, становясь специфической проекцией реальности. Доминирующим становится мотив смерти как события, причинами которого выступают общественно-политические процессы в стране, умирающая / казненная свобода, гонения со стороны новой власти, беззащитность человека, болезнь (безумие, «духовный голод»). **Смерть** у Хлебникова — своего рода метафорический «диагноз» «смутного» времени.

Интерес к теме **времени**, возникший у Хлебникова еще в студенческие годы в связи с поражением русского флота в Японской войне, обусловлен его желанием проникнуть в тайны судьбы и смерти. В 1920 году в письме к своей сестре, В. В. Хлебниковой, он пишет о «мрачной правде», заключающейся в том, что «мы живем в мире смерти, до сих пор не брошенной к ногам как связанный пленник, как покоренный враг» [цит. по: Поляков 1986: 29].

В стихотворениях Хлебникова «мир смерти» детерминирован конкретно-историческими реалиями, среди которых — «смерть, ставшая массовой, погребение без обряда» («В море мора! в море мора!», «Восстание собак», «Ззыз — жжа!» и др.). Наиболее выразительным представляется нам стихотворение «Восстание собак» (1921). Текст состоит всего из 17 строк, по сути представляющих собой одно предложение, разорванное сквозным повтором звукоподражания «Гау! гау! гау!», «оживляющим» жуткую картину (собаки бегут разрывать мертвецов) и придающим ей динамический эмоционально-экспрессивный характер.

Лексико-семантическое поле (далее ЛСП) «Смерть» в языке Хлебникова представлено, в частности, глаголами каузации гибели, входящими в лексико-семантическую группу (далее ЛСП) глаголов разрушения (разрывать, хоронить), но, прежде всего — существительным **смерть**: одно из стихотворений так и называется — «На родине красивой смерти — Машуке...». Для поэта это ключевое слово в характеристике Разина:

Он невидим и неведом
 Быстро катится по водам.
 Он был кум бедноты,
 С самой смертью на ты.

(«Уструг Разина») [Хлебников 1986: 359].

В другом контексте находим выражение **бабочки смерти**:

Бабочки смерти, бабочки снега
 Кружатся в красном ярком огне

[Хлебников 1930: 296].

Одним из важнейших понятий для духовной культуры человечества, в особенности для русской, является концепт **душа**. Время властно над возрастом, внешним видом человека, но не имеет власти над душой, его внутренним миром. Как выдох поэта — о малости и бесконечности души и времени — звучат строки из поэмы «Каменная баба»:

Мне много ль надо?
 Коврига хлеба
 И капля молока,
 Да это небо,
 Да эти облака!

[Хлебников 1986: 256].

Эти строки потом повторяются в разных вариациях и у писателя К. Паустовского, и у поэта Н. Рыленкова, и у многих других.

Очень своеобразно объективируется в творчестве Хлебникова-судьболова концепт **судьбы**. Для большинства иных поэтов судьба — это рок, по образному выражению А. С. Пушкина, «огромная обезьяна, которой дана воля», которую никто не посадит на цепь. У Хлебникова же образная составляющая концепта судьбы многолика: он принимает то образ той же обезьяны («Так обезьяна скалит зубы человеку» [Хлебников 1931: 215]), то образ мыши, то образ чудесной швеи — но суть всегда одна. Для Хлебникова, «всадника оседланного рока» [Хлебников 1986: 178], и его героев не возникает вопроса, кто всадник, а кто конь. Человек — это «мышелов», идущий в жизни «судьбе поперек», вступающий с ней в борьбу и выходящий из нее по-

бедителем: «Клянусь кониной, мне сдается, / Что я не мышь, а мышеловка» [Хлебников 1986: 276].

Тема “уравнений рока” постоянно звучит в его творчестве [Перцова 1994]. Хлебников вывел математические законы судьбы и очертил рубежи жизни в своих “Досках судьбы”, объясняющих взлеты и падения в судьбах как отдельных людей, так и целых народов. Концепты числа, времени и судьбы соединяются в неразделимое целое:

И понял вдруг: нет времени.
На крыльях поднят как орел, я видел
сразу, что было и что будет,
Пружины троек видел я и двоек
В железном чучеле миров,
Упругий говор чисел.

(«Взлом Вселенной») [Хлебников 1931: 93].

Удивительно, но коэффициенты цикличности событий, в частности, число и срок 28 лет (через который полярно меняется понимание истины у поколений, рождаются люди-антиподы) — ключевое в калмыцкой астрономии и астрологии (28 — число дней в лунном месяце, число созвездий, влияющих на судьбу человека), но это уже тема отдельного исследования.

Испытание делом — лейтмотив всего написанного Хлебниковым. Бесполезны истины, не прошедшие реальной проверки. Лишь в подобном испытании выясняется суть человека и подтверждается непреложный закон — нельзя безнаказанно изменить лучшему, что заложено в каждом (а это любовь — так считает поэт).

Черти не мелом, а любовью
Того, что будет, чертежи.
И рок, слетевший к изголовью,
Наклонит умный колос ржи.

(«Ладомир») [Хлебников 1986: 292].

Хотя предложенная поэтом модель мира и поведения в нем очень проста (в этом мы видим загадку его личности) и сводится к диалектике базовых категорий картины мира, сами концепты (жизнь—смерть, время—пространство, порядок—хаос и др.) образуют универсальную систему координат, которую, в принципе,

любая культура может признать своей. В константности, неизменности Хлебникова и кроется, на наш взгляд, одна из разгадок магнетизма его поэзии.

Полагая, что компетентные выводы и обобщения могут быть сделаны только после того, как будет осуществлено комплексное исследование творчества Велимира Хлебникова, включающее и описание языка его поэзии в лексико-стилистическом выражении, определим здесь три важных момента, которые могут обусловить некоторые направления дальнейших углубленных исследований:

1. Необходимо комплексное лингвистическое изучение хлебниковского текста, пучкообразно представленного опорными смысловыми элементами (константами); реконструкция ключевых элементов картины мира на основе лексических данных позволит воссоздать и глубже понять представления о микрокосме (человеке) и макрокосме (Вселенной), свойственные поэту. Выделение разных сфер семантической структуры стихотворного текста перспективно в плане сближения велимироведения с современными когнитивными исследованиями.

2. Исследование стилистических и лингвопоэтических особенностей стиха с учетом специфики поэтической традиции исключительно важно не только для уяснения специфики поэтического языка, но и творческого новаторства художника. В подборе языковых и изобразительных средств проявляются этические и эстетические представления поэта. Так, стилистическая функция эпитета заключается в придании слову-признаку выразительности, экспрессии, подчеркивании тех свойств предмета, которые релевантны для воплощения идейного замысла и эстетических установок. Для экспликации языковой модели автора первостепенное значение имеют лексемы определенного класса слов — имена прилагательные.

3. Методика тезаурусной характеристики хлебниковского слова может быть использована как модель комплексного описания его семантической структуры. Видимо, в словарь языка Хлебникова должна быть включена вся его лексика, но полное семантическое описание возможно лишь для ключевых, выполняющих определенные эстетические функции, слов — поэти-

ческих слов-концептов вне зависимости от их принадлежности к части речи (существительные, обозначающие предмет или субстантивированный признак, качество или свойство предметов; глаголы, обозначающие действие в широком смысле слова; числительные с нумеративной символикой; прилагательные с цветовой символикой). Выбранные для анализа слова рассматриваются в сложном взаимодействии трех узусов: языкового, лингвопоэтического, идиолектного. Эти слова достаточно подробно описаны в обычных словарях, но в поэтическом контексте создают своеобразный лексикографический портрет поэтического слова. Составление такого словаря — наш долг признательности и благодарности Поэту.

Источники

Хлебников В. Собрание произведений. В 5 т. / Под ред. Н. Степанова. Т. 2. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 328 с.

Хлебников В. Собрание произведений. В 5 т. / Под ред. Н. Степанова. Т. 3. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. 316 с.

Хлебников В. Творения / общ. ред. и вступит. ст. М. Я. Полякова; сост., подгот. текста и коммент. В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. М, 1986.

Литература

Пашкин Д. А. Феномен смерти в текстах Хлебникова: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002. 22 с.

Перцова Н. Н. Об «уравнениях рока» Велимира Хлебникова // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 298–301.

Поляков М. Я. Велимир Хлебников. Мировоззрение и поэтика. Вступительная статья / Хлебников Велимир. Творения. М.: Сов. писатель, 1986. С. 5–35.

Куканова В. В.

ДВЕ ПОЭМЫ В. ХЛЕБНИКОВА: ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РИФМЫ

В. Хлебников, основатель поэтической «зауми» с этническим колоритом, был человеком трагической судьбы, тем не менее он сумел сохранить весьма бережное и уважительное отношение к культуре тех народов, с которыми он был хорошо знаком.

Изучение осложненного языка футуристов, а именно Хлебникова и его последователей, становится едва ли не общим местом всех научных работ, в которых рассматривается творчество представителей русского футуризма в лингвокультурологическом или собственно культурологическом аспектах [Крученых 2000; Кудрявцев 1987; Леннkvист 1999; Пашкин; Тынянов 2000]. Однако лингвистических или литературоведческих работ, посвященных рифме в поэзии Хлебникова, почти не существует (за исключением работы [Гаспаров 1996] и еще отдельных частных замечаний). «Стих Хлебникова труден для описания: он меняется на ходу, не давая читателю времени выработать те ритмические ожидания, которые и должен фиксировать описывающий» [Гаспаров 1996].

Настоящая работа посвящена тенденциям рифмообразования в лирических произведениях поэта-футуриста, выявляемым на основе анализа словесных рядов на конце строки, или «звуковыми повторами в конце ритмической единицы» [Литературная энциклопедия]. В качестве материала исследования были выбраны поэмы В. Хлебникова «Хаджи-Тархан», одно из ранних произведений поэта (1913 г.), и «Уструг Разина» (1922 г.). Всего было обработано около 400 рифмокомплексов (212 единиц из первой поэмы и 165 единиц из второй). Анализ производился с

лингвистической точки зрения, в синхронном и диахроническом аспектах.

Методом сплошной выборки из стихотворений поэта были отобраны все единицы исследования, т. е. ряды слов, образующих рифму по графическому и фонетическому принципам. За этим следовал этап обработки эмпирического материала с точки зрения точных и неточных рифм; мужских, женских и дактилических клаузул, частеречной принадлежности слов, образующих рифму. Материал исследования был проанализирован в программе MS Office Excel 2007. Анализ на данной стадии производился с формальной точки зрения: рассматривались только слова или комплексы слов на конце строки, т. е. во внимание не брались такие внутренние рифмы [Гаспаров 1993; Литературная энциклопедия], как, например:

- (1) *Война и меч, вы часто только мяч*
Лаптою занятых морей,
И волжская воля, ты отрок удач,
Бросая на север мяч гнева полей.

(«Хаджи-Тархан»);

- (2) *Волга-мать не видит пищи.*
Время жертвы и жратвы.

(«Уструг Разин»).

Как видно из примеров (1)–(2), слова меч/мяч и жертвы/жратвы помещены в одной строке, образуя так называемую внутреннюю рифму. Первая пара содержит одинаковые консонантные звуки [м'] и [ч'] и гласные [э] и [а], разные по степени подъема языка и рядности, но одинаковые по отсутствию лабиализованности. Вторая пара слов интересна тем, что автор стихотворения словно играет с набором звуков (одинаковый состав согласных [ж], [р], [т] и [в] и разные гласные [э] и [а]), переставляя их местами. Ко всему прочему, ритмическая схема данной строки «ломается» в середине, нарушая эффект ритмического ожидания: *Вре́мя же́ртвы и жра́твы* (u|u|u|u|u|u), вследствие чего реципиент стихотворения «спотыкается» в восприятии. При помощи этого фонетического явления в строке образуется внутренняя рифма, что придает стихотворению дополнительный интонационный контур.

Как известно, стих отличается от прозы регулярностью звуковой и ритмической организации: помимо синтаксического членения, в стихе существует «дополнительное членение, отмеченное особым образом (обычно — печатанием отдельными строчками)» [Гаспаров 1993]. Сама *рифма* основана на фонетических повторах и сигнализирует о конце строки, что позволяет слушателю членить стихотворение на интонационные части. Это, как известно, играет большую роль в восприятии и понимании произведения. Совпадение синтаксического и дополнительного членения на строки (т. н. «*синтаксическое*» *деление на стихотворные строки*) создают гладкий интонационный рисунок, который не «ставит подножек» реципиенту, ничем не задерживает его восприятие и понимание. При помощи сбивчивого интонационного рисунка («*антисинтаксическое*» *деление*) автор заставляет своего читателя обратить внимание на правый и левый контексты от места «слома», вследствие чего последний еще раз перечитывает и глубже понимает смысл произведения [Гаспаров 1993]. В поэмах Хлебникова преобладает «синтаксическое» деление на стихотворные строки («Хаджи-Тархан» — 80 % от всех стихотворных строк, «Уструг Разина» — 71 %).

- (3) *В зеркалах моря, сиротея,
С селедкой плавают тюлени,
Сквозь русских в Индию, в окно,
Возили ружья и зерно
Купца суда. Теперь их нет.*
(«Хаджи-Тархан»);

- (4) *Здесь люда нет, здесь край пустынен,
Трепещут ястребы крылом.
Темнеет степь; вдали хурул
Чернеет темной своей кровлей,
И город спит, и мир заснул,
Устав разгулом и торговлей.*
(«Хаджи-Тархан»).

В примере (3) содержится т. н. анжамбман¹: на фоне «анти-синтаксического» членения выделяется предложение *Возили ружья и зерно/Купца суда* при помощи инверсированного порядка слов. Несколько омонимичных словоформ подряд (*купца* в род. п. ед. ч. — *суда* в им. п. мн. ч.; *ружья* в вин. п. мн. ч. — *зерно* в вин. п. — *суда* — в им. п. ед. ч.) создают некую сбивчивость в восприятии отрывка: на первый взгляд (на формальном уровне), непонятно, что от чего зависит, затем, уже на семантическом уровне, читатель восстанавливает смысл предложения: *суда купца возили ружья и зерно*. Другими словами, автор разрывает предложение строкой для того, чтобы обозначить противоречивость этого обстоятельства — возили то, что убивает (смерть), и то, что дает жизнь. Сопоставлением жизни и смерти в этом одном предложении создается собирательный образ купцов в интерпретации Хлебникова: не важно, что возить, а важно, чтоб это было выгодно.

Следующий пример (4) интересен тем, что при помощи «антисинтаксического» членения на строки автор «выделяет невыделяемое» в цветовом образе степи. В рамках одного предложения употребляются два однокоренных слова *темнеет* и *темной* и их синоним *чернеет*, создавая картину в черных тонах. На фоне *темной* степи *чернеет темной кровлей* хурул. При этом черный цвет несет, как известно, коннотативное значение негативного, символизирует смерть и зло. Возникает вопрос: почему же хурул рисуется поэтом в черных красках? Однако черный цвет, помимо символики смерти и зла, включает семантику неведомого, скрытого, тайного — «темного смысла». Хлебников, обладая пытливым умом, всегда стремился понять культуры и религии разных народов, найти то, что объединяет разные миры в один общий, где правит человек.

В своем письме Вячеславу Иванову от 10 июня 1909 г. автор «Хаджи-Тархана» пишет: «Я был в зоологическом саду, и мне странно бросилась в глаза какая-то связь верблюда с буддизмом, а тигра с Исламом. После короткого размышления я пришел

¹ Анжамбман (фр. «перенос», «перескок») — один из видов «анти-синтаксического» членения, когда в начале или конце строки появляется слово, синтаксически не связанное с ней [со строкой], а связанное гораздо теснее с предыдущей или последующей строкой [Гаспаров 1993].

к формуле, что виды — дети вер и что веры — младенческие виды. Один и тот же камень разбил на две струи человечество, дав буддизм и Ислам, и непрерывный стержень животного бытия, родив тигра и ладью пустыни. Я в спокойном лице верблюда читал развернутую буддийскую книгу. На лице тигра какие-то резы гласили закон Магомета. Отсюда недалеко до утверждения: виды потому виды, что их звери умели по-разному видеть божество (лик)...» [цит. по: Аристов 2001: 58]. Здесь поэт, как представляется, высказывает мысль о духовном единстве народов, исповедующих разные религии (христианскую, исламскую, буддийскую), разница между ними состоит лишь в том, что *дети* по-разному видят *лик* Бога, но сам Бог един для всего человечества.

Очевидно, что поэмы Хлебникова содержат как точные, так и неточные рифмы. *Точные рифмы* можно разделить на *графические*² (полное совпадение написания) и *фонетические*³ (полное совпадение звучания). *Неточные рифмы* включают в звуковой повтор не совпадающие или приблизительно совпадающие звуки, например:

- (5) *И Волги бег забыл привычку*
Носить разбойников суда,
Священный клич «сарынь на кичку»
Здесь не услышать никогда.
 («Хаджи-Тархан»);
- (6) *Он невидим и неведом*
Быстро катится по водам.
 («Уструг Разина»);
- (7) *Волге долго не молчитсЯ,*
Ей ворчитсЯ, как волчице.
 («Уструг Разина»).

Пример (5) демонстрирует точную графическую рифму: *привычку* — *кичку*, *суда* — *никогда*. В примере (6) точная фонетическая рифма образуется за счет редукции, в данном случае — гласных в слабой позиции, т. е. не под ударением: *неве́дом* и

² Так называемые «глазные».

³ Например, в XVIII в. рифмовать строки по звуковому созвучию считалось плохим тоном, их употребление в произведениях было крайне редким и рассматривалось как отступление от правил, и только в середине XIX в. начались эксперименты с рифмой.

по водам. В последнем примере (7) в двух строчках содержатся и неточная, и внутренняя рифмы, образуемые в результате фузии, фонетического процесса живой речи, в процессе которого согласные звуки «сливаются» и образуются аффрикаты (или сложные звуки) [ч'] или [ц]. В глаголах такого типа граница между морфемами — окончанием *-ит* и возвратным постфиксом *-ся* — становится трудно проводимой на «реальном» речевом уровне (в отличие от идеального языкового: *молч-ит-ся* или *ворч-ит-ся*). В образовании рифмы участвуют, таким образом, две разные части речи: глаголы ([малч'и||ца] и [варч'и||ца]) и существительное ([валч'и||цы]). Концы двух первых слов, как видим, совпадают, третье же, рифмуясь с двумя предыдущими, имеет почти близкий по звучанию конец (за исключением только гласных звуков, отличающихся по степени подъема языка, но одинаковых по рядности).

В материале исследования преобладают точные графические рифмы (в «Хаджи-Тархане» их 72 %, а в «Уструге Разина» — 48 %⁴) — см. рис. 1. Как видим, с течением времени в творчестве В. Хлебникова наблюдается тенденция их уменьшения: почти 3/4 всех рифм раннего произведения и 1/2 — более позднего. Точных фонетических рифм насчитывается в первой поэме 11 %, а во второй — 17 %, т. е. наблюдается, наоборот, незначительное увеличение их числа (на 6 %). Что касается неточных рифм, то в позднем произведении их становится в два раза больше (17 → 35 %).

Неточные рифмы образуются разными способами:

- усечением/добавлением звука (*ре/чью* — *Се/чи*, *на/живы* — *слу/живый*, *п/ищи* — *н/ищий*, *ни/ве* — *вы/вел*),
- заменой финальных звуков:
 - о согласных → *г/рош* — *б/рось*, *вы/лез* — *ви/пись*;
 - о гласных → *селах* — *веселых*, *ст/олицей* — *сви/реп/олицый*, *рыбу* — *дыба*;
- использованием каламбурных рифм⁵ (*руки-муки* — *очи-мочи*).

⁴ Без учета холостых рифм, т. е. стихотворных строк, не имеющих рифму.

⁵ Каламбурные рифмы (франц. calembour — игра слов) — рифмы, построенные на омонимических словах или на сочетаниях, представляющих игру слов [Гаспаров 1993; Квятковский 1966: 129].

В результате проведенного анализа обнаружилось, что в материале гораздо больше неточных рифм, образованных заменой в комплексе финальных звуков, придающих произведению интонационную ритмичность.

Соотношение мужских (1-й ударный слог от конца: *мальчу́ган — курга́н, свято́й — круто́й, хуру́л — засну́л, опереди́л — черти́л* («Хаджи-Тархан»), *езды́ — воды́, удесяте́ря — богаты́ря, во́лн — че́лн, тюле́нь — ле́нь* («Уструг Разина»)) и женских (2-й ударный слог от конца: *молодо́го — рыболо́ва, забы́то — мы́та, Ри́ма — любима́, Сумбе́ки — ре́ки, коро́вы — суро́вый, покрыва́я — Мама́я, гала́хи — взма́хи, ре́чью — Се́чи* («Уструг Разина»)) рифм, которые выделяются в зависимости от места ударения от конца строки в фонетическом слове (ФС)⁶, примерно одинаково в двух поэмах (см. табл. 1).

Дактилическая рифма (3-й ударный слог от конца) насчитывает только по 6 % в каждом из произведении: *язы́чеством — вели́чеством, пугавче́вщина — ножо́вщина* («Хаджи-Тархан»), *за́рево — госуда́рево, поко́йников — разбо́йников, голода́ла бы — жа́лобы* («Уструг Разина»). **Гипердактилических рифм** (4-й и далее ударный слог от конца) в материале исследования обнаружить не удалось.

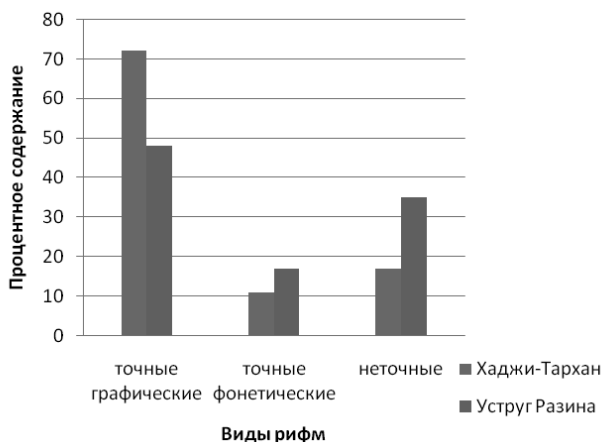

Рис. 1. Соотношение разных видов рифм в двух произведениях В. Хлебникова

⁶ Фонетическое слово — слово с безударными комплексами (обычно предлогами, союзами или частицами), объединенными одним основным ударением [Фонетика спонтанной речи 1981:].

Таблица 1

Место ударения от конца строки в фонетическом слове
в поэмах В. Хлебникова

Место ударения в фонетическом слове	Абсолютное кол-во	Относительное кол-во
«Хаджи-Тархан»		
1-й ударный слог от конца (мужская рифма)	96	45,0
2-й ударный слог от конца (женская рифма)	103	49,0
3-й ударный слог от конца (дактилическая рифма)	13	6,0
Всего:	212	100,0
«Уструг Разина»		
1-й ударный слог от конца (мужская рифма)	77	47,0
2-й ударный слог от конца (женская рифма)	78	47,0
3-й ударный слог от конца (дактилическая рифма)	10	6,0
Всего:	165	100,0

ФС, принимающее участие в образовании рифмы, может иметь самую разную структуру, но при этом существуют определенные закономерности его построения. Например, если стихотворение написано *хореем* или *ямбом*, то используются, как правило, односложные или двусложные ФС. Если стихотворение пишется трехсложным размером (*дактиль*, *амфибрахий*, *анapest*), то преимущественно используются, чередуясь, двухсложные, трехсложные и четырехсложные ФС. В нашем материале конец строки, сильная позиция в стихотворении, состоит из самых разнородных слоговых структур, но все же удалось выявить определенные тенденции в использовании Хлебниковым ФС (см. табл. 2).

Таблица 2

Слоговые структуры фонетического слова
в поэмах В. Хлебникова

Количество слоговых структур фонетического слова	«Хаджи-Тархан»		«Уструг Разина»	
	Абс. кол-во	%	Абс. кол-во	%
1	22	10,0	18	11,0
2	84	40,0	72	44,0
3	71	33,5	58	35,0
4	29	13,5	10	6,0
5	6	3,0	6	4,0
6	—	—	—	—
7	—	—	1	1,0
Всего:	212	100,0	165	100,0

Как видно из табл. 2, в обеих поэмах преобладают двусложные (40 и 44 %) и трехсложные (33 и 35 %) ФС, а процентное содержание остальных видов структур минимально в материале исследования. Однако в поздней поэме В. Хлебникова «Уструг Разина» можно заметить небольшое сокращение использования четырехсложных ФС для образования рифмы (13 → 6 %).

Следующим этапом анализа была частеречная принадлежность слов, участвующих в образовании рифмокомплексов (см. табл. 3 количественных показателей отдельно по анализируемым поэмам). Заметим, что этот вопрос практически не исследован в лингвистических работах. Доминирование той или иной части речи придает тексту неповторимый характер, некоторый дополнительный смысл, который на бессознательном уровне ощущается читателями.

Таблица 3

Соотношение разных частей речи в поэмах В. Хлебникова

Часть речи	«Хаджи-Тархан»		«Уструг Разина»	
	Абсолютное кол-во	Относительное кол-во	Абсолютное кол-во	Относительное кол-во
Имя существительное	142	67,0	120	73,0
Глагол (в том числе причастие и деепричастие)	29 (1 и 6) ¹	14,0	18 (2 и 6)	11,0
Имя прилагательное	29	14,0	18	11,0
Наречие	9	4,0	3	2,0
Местоимение	2	1,0	3	2,0
Частицы	1	0,5	1	1,0
Всего:	212	100,0	165	100,0

Анализ материала показал, что в данных поэмах Хлебникова в образовании рифмы доминируют имена существительные (см. рис. 2), что придает тексту некую предметность изображения, отсутствие динамизма в картинах. Не случайно в конец строки, в сильную для стихотворного текста позицию, автор выносит наибольшее количество существительных: вероятно, мышление поэта носит в целом «предметный» характер⁷. Что касается глагола и его атрибутивных форм (причастия и деепричастия), то его участие незначительно в рифмообразовании. При этом количество глагольных форм почти равно количеству прилагательных, что показывает некоторую борьбу между динамизмом и «признаковостью» изображаемого. Употребление остальных частей речи столь несущественно, что рассматривать их подробно не стоит. Можно выделить разве что одну особенность такого рода: В. Хлебников не склонен использовать в образовании рифм наречия, местоимения, частицы и некоторые другие части речи (см. табл. 3 и рис. 2).

Рассмотрим соотношение основных частей речи (имени существительного, имени прилагательного и глагола) и места ударения от конца в ФС (см. табл. 4).

⁷ Данный вопрос требует дополнительных исследований на материале всего комплекса стихотворных произведений Хлебникова.

Рис. 2. Соотношение разных частей речи
в поэмах В. Хлебникова

Таблица 4
Корреляция частей речи и места ударения в фонетическом
слове

Часть речи	Место ударения в фонетическом слове			
	I-й	II-й	III-й	Всего:
Существительное	125	121	16	262
Прилагательное	13	29	5	47
Глагол (в том числе причастие и деепричастие)	18	28	1	47
Всего:	156	178	22	356

Соотношение между основными частями речи (существительным, прилагательным и глаголом) и местом ударения в строке от конца показывает, что безударные зачины и безударные окончания существительных встречаются одинаково часто (125 и 121):

- безударные зачины *кумачи́* — *трубачи́*, *пастуха́* — *греха́*, *морей* — *полей* («Хаджи-Тархан»); *голов* — *рыболов*; *лень* — *тюлень*; *мешок* — *вершок* («Уструг Разина»);
- безударные окончания *кроволей* — *торговлей*, *Хвалы́нского* — *Волы́нского*, *пыли́нку* — *были́нку* («Хаджи-Тархан»); *койке* — *попойке*, *тайны* — *Укра́ины*, *чупри́на* — *простолюди́на* («Уструг Разина»).

Среди прилагательных и глаголов преобладают безударные концовки за счет окончаний прилагательных и глаголов (в том числе атрибутивные формы), куда, как правило, не падает ударение: *длѣнен — пустѣнен и расскажет — пажить, резвѣлись — вѣлись* («Хаджи-Тархан»); *тѣшны — мѣшны и покрываѣя — подымая, скачет — маячит* («Уструг Разина»)

Таким образом, анализ материала позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, творчество В. Хлебникова раннего и позднего периодов значительно различается в способе рифмообразования: в ранней поэме можно обнаружить преобладание точных графических рифм, позднее же характеризуется поиском новых способов рифмовки, интересных по своей структуре и образованию (при помощи усечений финальных звуков, их замен, перестановок и т. д.). Во-вторых, в двух поэмах, принадлежащих разным периодам творчества поэта, используются в основном женские и мужские рифмы, дактилические рифмы редки, они ломают интонационный рисунок произведения, заостряя внимание читателя на смысле данного фрагмента текста. В-третьих, рифма в анализируемых поэмах характеризуется доминированием имени существительного, что, возможно, говорит о «предметности» мышления поэта-футуриста.

Литература

1. *Аристов В. В.* В. Хлебников в Казани. 1898–1908. (Гимназия, университет, становление Велимира). Казань, 2001.
2. *Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х-1925-го годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993 [электронный ресурс] // URL: http://philologos.narod.ru/mlgaspar/gasp_rverse.htm#200 (дата обращения: 12.02.2010).
3. *Гаспаров М. Л.* Стих поэмы В. Хлебникова «Берег невольников» // Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева. М., 1996. С. 18–32 (URL: <http://www.ka2.ru/nauka/bereg.html> (дата обращения: 12.02.2010)).
4. *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.
5. *Крученых А. Е.* О Велимире Хлебникове // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). М., 2000.

6. Кудрявцев О. К. Велимир Хлебников и концепция каркаса расселения // Известия Ан СССР. Сер. географическая. 1987. № 2.

7. Леннkvист Б. Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова. СПб., 1999.

8. Литературная энциклопедия [электронный ресурс] // URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le9/le9-7042.htm> (дата обращения: 12.02.2010).

9. Пашкин Д. А. Эволюция и генезис урбанистических мотивов в творчестве Велимира Хлебникова [электронный ресурс] // URL: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/bu/dp_gorod.htm (дата обращения: 12.02.2010).

10. Тынянов Ю. Н. О Хлебникове // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). М., 2000.

11. Фонетика спонтанной речи / под ред. Н. Д. Светозаровой. Л., 1981.

ТВОРЧЕСТВО В. ХЛЕБНИКОВА
В ГРАФИКЕ СТЕПАНА БОТИЕВА

7AHTE 3H

ЗАНГЕЗИ

ВВЕДЕНИЕ

Повесть строится из слов как строительной единицы здания. Единицей служит малый камень равновеликих слов.

Сверхповесть, или заповесть, складывается из самостоятельных отрывков, каждый с своим особым богом, особой верой и особым уставом. На московский вопрос: како веруеши? — каждый отвечает независимо от соседа. Им предоставлена свобода вероисповеданий. Строевая единица, камень сверхповести,— повесть первого порядка. Она похожа на изваяние из разноцветных глыб разной породы, тело — белого камня, плащ и одежда — голубого, глаза — черного.

Она вытесана из разноцветных глыб слова разного строения.

Таким образом находится новый вид работы в области речевого дела. Рассказ есть зодчество из слов. Зодчество из «рассказов» есть сверхповесть.

Глыбой художнику служит не слово, а рассказ первого порядка.

КОЛОДА ПЛОСКОСТЕЙ СЛОВА

Горы. Над поляной подымается шероховатый прямой утес, похожий на железную иглу, поставленную под увеличительным стеклом. Как посох рядом со стеной, он стоит рядом с отвесными кручами заросших хвойным лесом каменных пород. С основной породой его соединяет мост-площадка, упавшего ему на голову соломенной шляпой горного обвала. Эта площадка — любимое место З а н г е з и. Здесь он бывает каждое утро и читает песни.

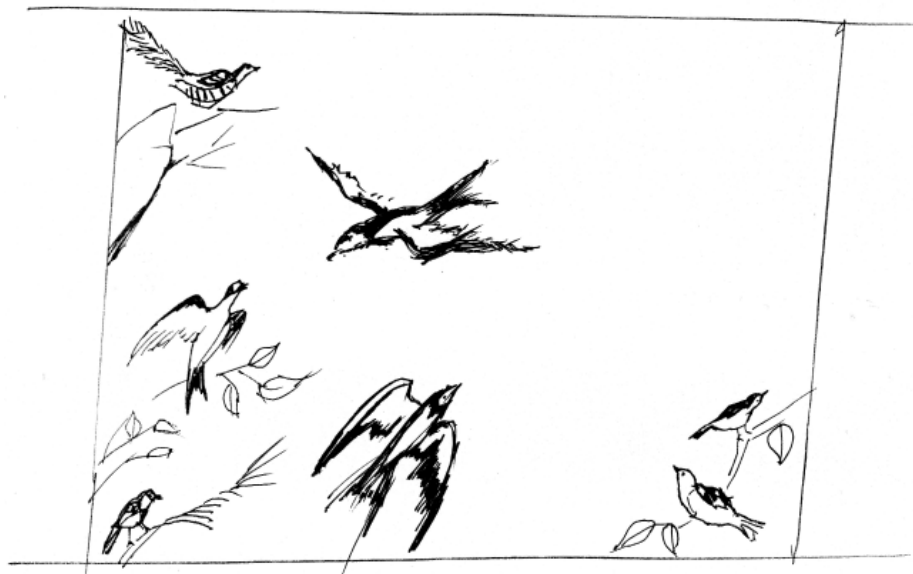
Отсюда он читает свои проповеди к людям или лесу.

Высокая ель, плещущая буйно синими волнами хвои, стоя рядом, закрывает часть утеса, казалось, дружит с ним и охраняет его покой.

Порою из-под корней выступают черной площадью каменные листы основной породы. Узлами выются корни, там где высунулись углы каменных книг подземного читателя. Доносится шум соснового бора.

Подушки серебряного оленьего моха — в росе. Это дорога плачущей ночи.

Черные живые камни стоят среди стволов, точно темные тела великанов, вышедших на войну.

Плоскость I

ПТИЦЫ

П е н о ч к а (с самой вершины ели, надувая серебряное горлышко). Пить пэт твичан! Пить пэт твичан! Пить пэт твичан!

О в с я н к а (спокойная, на вершине орешника). Кри-ти-ти- ти-ти-и — цы-цы-цы-сссы.

Дубровник. Вьер-вьёр виру съек-съек-съек! Вэр-вэр виру век-сек-сек!

В ь ю р о к. Тьёрти едигреди (заглянув к людям, он прячется в высокой ели.) Тьёрти едигреди!

О в с я н к а (качаясь на ветке). Цы-цы-цы-сссы.

П е н о ч к а з е л е н а я (одиноко скитаясь по зеленому морю, по верхним вечно качаемым ветром волнам вершин бора). Прынь! пцире<б>-пциреб! Пциреб! цэсэсэ.

О в с я н к а. Цы-сы-сы-ссы (*качается на тростнике*).

С о й к а. Пиу! пиу! пъяк, пъяк, пъяк!

Л а с т о ч к а. Цивить! Цивить!

С л а в к а ч е р н о г о л о в а я. Беботэу-вевать!

К у к у ш к а. Ку-ку! ку-ку! (*качается на вершине*).

Молчание.

Такие утренние речи птиц солнцу.

Проходит мальчик-птицелов с клеткой.

Плоскость II

БОГИ

Туман мало-помалу рассеивается. Обнажаются кручи, похожие на суровые лбы людей, которых жизнь была сурова и жестока, становится ясно: здесь гнездуют боги. У призрачных тел веют крылья лебедей, травы гнутся от невидимой поступи, шумят.

Истина: боги близки! — все громче и громче.

Это сонм богов всех народов, их съезд, горный табор.

Т и э н гладит утюгом свои длинные, до земли, волосы, ставшие его одеждой: исправляет складки.

Ш а н г т и смывает с лица копоть городов Запада.

«Мало-мало лучше».

Как зайцы, над ушами висят два снежных пушистых клока. Длинные усы китайца.

Белая Ю н о н а, одетая лозой зеленого хмеля, прилежным напилком скоблит свое белоснежное плечо, очищая белый камень от накипи.

У н к у л у н к у л у прислушивается к шуму жука, проточившего ходы через бревно деревянного тела бога.

Э р о т.

Мара-рома,

Биба-буль!

Укс, кукс, эль!

Редэдиди дидиди!

В е л е с. Брувуруру ру-ру-ру!
Пице цаце сэ сэ сэ!
Брувуруру ру-ру-ру!
Сици лици ци-ци-ци!
Пенчь, панчь, пенчь!

Э р о т. Эмчь, Амчь, Умчь!
Думчи, дамчи, домчи.
Макарако киочерк!
Цицыилици цицици!
Кукарики кикику.
Ричи чичи ци-ци-ци.
Ольга, Эльга, *Альга*
Пиц, пач, почь! Эхамчи!

Ю н о н а. Пирарара — пируруру!
Леололо буароо!
Вичеоло сесесэ!
Вичи! Вичи! *и*би би!
Зизазиза изазо!
Эпсь, Апс, Эпс!
Мури-гури рикоко!
Мио, мао, мум!
Эп!

У н к у л у н к у л у. Рапр, грапр, апр! жай!
Каф! Бэуй! Каф!
Жраб, габ, бакв — кук.!
Ртупт! Тупт!

*Носятся в воздухе боги.
Опять темнеет мгла, синяя над камнями.*

Плоскость III

ЛЮДИ

(из колоды пестрых словесных плоскостей)

Л ю д и. О, Господа мать!

1 - й п р о х о ж и й. Так он здесь? Этот лесной дурак?

2 - й п р о х о ж и й. Да!

1 - й п р о х о ж и й. Что он делает?

2 - й п р о х о ж и й. Читает, говорит, дышит, видит, слышит, ходит. По утрам молится.

1 - й п р о х о ж и й. Кому?

2 - й п р о х о ж и й. Не поймешь! Цветам? Букашкам?
Лесным жабам?

1 - й п р о х о ж и й. Дурак! Проповедь лесного дурака! А
коров не пасет?

2 - й п р о х о ж и й. Пока нет. Видишь, на дороге трава
не растет, чистая дорожка! Ходят. Протоптана дорога сюда,
к этому утесу!

1 - й п р о х о ж и й. Чудак! Послушаем!

2 - й п р о х о ж и й. Он миловиден. Женствен. Но долго
не продержится.

1 - й п р о х о ж и й. Слабó ему?

2 - й п р о х о ж и й. Да (*Проходят.*)

3 - й п р о х о ж и й. Он наверху, а внизу эти люди, как
плевательница? для плевков его учения?

1 - й п р о х о ж и й. Может быть, как утопленники? пла-
вают, наглотались...

2 - й п р о х о ж и й. Как хочешь. Он — спасительный
круг, брошенный с неба.

1 - й п р о х о ж и й. Да! Итак, учение лесного дурака
начинается. Учитель! Мы — слушаем.

2 - й п р о х о ж и й. А это что? Обрывок рукописи Занге-
зи. Прильнул к корню сосны, забился в мышиную нору. Кра-
сивый почерк!

1 - й п р о х о ж и й. Читай же вслух!

Плоскость IV

2 - й п р о х о ж и й. <Читает.> <Доски Судьбы! Как
письмена черных ночей вырублю вас, Доски Судьбы!

Три числа! Точно я в молодости, точно я в старости, точ-
но я в средних годах, — вместе идемте по пыльной дороге!

$$10^5 + 10^4 + 11^5 = 742 \text{ года } 34 \text{ дня.}$$

Читайте, глаза, закон гибели царств!

Вот уравнение:

$$X = k + n (10^5 + 10^4 + 11^5) - (10^2 - (2n - 1) 11) \text{ дней.}$$

K = точка отсчета во времени, римлян порыв на восток, битва при Акциуме. Египет сдался Риму. Это было 2/IX 31 года до Р.Хр.

При $n = 1$, значение икса в уравнении гибели народов будет следующее: $X = 21$ /VII 711, или день гибели гордой Испании, завоевание ее арабами.

Пала гордая Испания!

При $n = 2$, $X = 29$ /V 1453.

И пробил час взятия Царьграда дикими турками! Город царей тонул в крови, и, дикие в прелести, выли турок во-лынки. Труп Рима второго Осман попирал. В храме Софии голубоокой — зеленый плащ пророка. На пузатых конях, с белой простыней на голове едут победители.

Пень трех крыльев судьбы: милых одним, грозных другим! Единица ушла из пяти в десятку, из крыла в колесо, и движения числа в трех снимках (10^5 , 10^4 , 11^5) запечатлены уравнением.

Между гибелью Персии I/X 331 года до Р.Хр. под копьём Александра Великого и гибелью Рима от мощных ударов Алариха 24/VIII 410 года прошло:

$$741 \text{ год, или } 10^5 + 10^4 + 11^5 - \frac{3^6+1}{2} - 2^3 \cdot 3^2 \text{ дней.}$$

Доски Судьбы! читайте, читайте, прохожие! Как на тенеписи, числа-борцы пройдут перед вами, снятые в разных сечениях времени, в разных плоскостях времени. И все их тела разных возрастов, сложенные вместе, дают глыбу времени между падениями царств, наводивших ужас».

1 - й п р о х о ж и й. Темно и непонятно. Но все-таки виден коготь льва! Чувствуется. Обрывок бумаги, где запечатлены народов судьбы для высшего видения!

Плоскость слов V

< В т о л п е . > Чангара Зангези пришел! Говорливый!
Говори, мы слушаем.

Мы — пол, шагай по нашим душам, смелый ходун!

Мы — верующие, мы ждем. Наши очи, наши души — пол
твоим шагам, неведомый.

И в о л г а. Фио зу.

Плоскость VI

З а н г е з и . Мне, бабочке, залетевшей
В комнату человеческой жизни,
Оставить почерк моей пыли
По суровым окнам, подписью узника,
На строгих стеклах рока.
Так скучны и серы
Обои из человеческой жизни!
Окон прозрачное «нет»!
Я уж стер свое синее зарево, точек узоры,

Мою голубую бурю крыла — первую
свежесть.

Пыльца снята, крылья увяли и стали
прозрачны и жестки.

Бьюсь я устало в окно человека.

Вечные числа стучатся оттуда

Призывом на родину, число зовут к числам
вернуться.

2 - й п р о х о ж и й . Бабочкой захотелось быть, вот чего
хитрец захотел!

3 - й п р о х о ж и й . Миляга! какая
он бабочка... баба он!

В е р у ю щ и е . Спой нам самови-
тые песни! Расскажи нам о *Эль*! Прочти
на заумной речи. Расскажи про наше
страшное время словами Азбуки! Что-
бы мы не увидели войну людей, а ус-
лышали стук длинных копий Азбуки,
шашек Азбуки. Сечу противников: *Эр* и
Эль, *Ка* и <Гэ>!

Ужасны их грозно пернатые шле-
мы, ужасны их копыта! Страшен очерк их
лиц, смуглого дико и нежно простран-
ства. Когда шкуру стран съедает моль
гражданской войны, столицы засыхают, как сухари — влага
людей испарилась.

Мы знаем: *Эль* — остановка широкой площадью попереч-
но падающей точки, *Эр* — точка, прорезавшая, просекшая
поперечную площадь. *Эр* — реет, рвет, рассекает преграды,
делает русла и рвы.

Пространство звучит через Азбуку.

Говори!

Плоскость VII

З а н г е з и. Вы говорите, что умерли Рюрики и Романовы,
Пали Каледины, Крымовы, Корниловы и Колчаки...
Нет! С рабами боролась оборона панова,
Был 20 раз взят и разрушен Киев,
Стерт в порошок.
Богатый плакал, смеялся кто беден,
Когда пулю в себя бросил Каледин.
И Учредительного Собрания треснул шаг.
И потемнели пустые дворцы.
Нет, это вырвалось «рцы»,
Как дыханье умерших,
Воплем клокочущим дико прочь из остывающих уст.
Это *Ка* наступало!
На облаке власти — *Эля* зубцы.
Эль! где твоя вековая опала?
Эль — вековой отшельник подполья,
Гражданин мира мышей,
К тебе сутки, недели, месяцы, годы
Бурною бросились бурей на богомолье.
Дни наступали *Эля* — погоды!
Эль — это солнышко ласки и лени! любви!
В *улье людей* ты дважды звучишь!
Тебе поклонились народы
После великой войны.
Эр, Ра, Ро! Тра-ра-ра!
Грохот охоты, хохот войны.
Ты — турысы на колесах.
В кованных гвоздях Скандинавии,
Парусом шумел по Руси,
Железным ободом телеги
На юг уносил
Крепкого снега на сердце ночлеги,

В мышцы тела вонзенные когти мороза.
Кляча — ветер России нес тебя.
И сёла просили: приехали гости бы!
Турусы на колесах!
Разрушая улады, ты не помнил преграды.
А вдали стоял посох *Гэ*, сломанный надвое.
< Начхать! >

Эр в руках *Эля*!

Если орел, сурово расправив крылья косые,

тоскует о Леле,

Вылетит *Эр*, как горох из стручка, из слова Россия.

Если народ обернулся в ланей,

Если на нем рана на ране,

Если он ходит, точно олени,

Мокрую черною мордою тычет в ворота судьбы, —

Это он просит, чтоб лели лелеяли,

Лели и чистые *Эли*, тело усталое

Ладом овеяли.

И его голова

— Словарь только слов *Эля*.

Хорем рыскавший в чужбине хочет холи!

Эр, во весь опор
Несись, не падая о пол!
Объемы пути вычитай из преград.
Ты нищих лопот
Обращаешь в народный ропот,
Лапти из лыка
Заменишь ропотом рыка!
Эр, ты — пар, ты гонишь поезда
Цепочкой цуга крови чечевиц
По жилам северной Сибири
Или дворцы ведешь волнами.
Расцвет дорог живет тобою, как подсолнух.
Но Эль настало — Эр упало.

Народ плывет на лодке лени
И порох боевой он заменяет плахой,
А бурю — булкой.
И плащаницами — пращу... и голодом старинный
город,

И гордых голыми.
А Эр луга заменит руганью,
Латы — ратью,
Оружие подымет вновь из лужи,
Не лазить будет, а разить!
На место больного — поставит борца!
Застроит храмом хлам и в городах изгонит голод,
И вором волю стащит.
Ты дважды зазвучал в пророке
И глаждан обратило в граждан.
Пронзая темь времен,
Как Ка звучало в Колчаке.
Ка стегало плетью
Оков, закона, колов и покоя, и камней:
Пророков ими побивают,—
В нем казни: на кол.

Когда ты, Эр, выл В уши севера болотца:
Широкие уши болота:
«Бороться, брат, бороться!» —
— Охота у хаты за страшной грозой гнаться
с белой борзою,
Чтоб вновь шла пехота, до последнего хохота
Двух черепов последних людей у блюда войны, —
В это время тяжкою поступью
Самоубийцы шло по степи Ка,
Шагая к Элям неверными, как будто пьяного,
шагами

И крася облака судьбы собой,
Давая берег новый руслу человеческих смертей.
Последним ходом в проигрыше — дуло у виска —
Идет, бледнея Ка.

Эр, ра, ро!

Рог! Рог!

Бог Руси, бог руха.

Перун,— твой бог, в огромном росте
Не знает он преград, рвет, роет, режет, рубит.
Вздор, что Каледин убит и Колчак, что выстрел
звучал.

Это Ка замолчало,
Ка отступило, рухнуло наземь.
Это Эль строит морю мора мол,
А смерти — смелые мели.

1 - и п р о х о ж и й . Он ученый малый.

2 - и п р о х о ж и й . Но песнь его без дара. Сырье,
настоящее сырье его проповедь. Сырая колода. Посушить
мыслителя...

Плоскость VIII

З а н г е з и . Эр, Ка, Эль и Гэ —

Воины Азбуки —

Были действующими лицами этих лет,

Богатырями дней.

Воля людей окружала их силу,

Как падает с весел вода мокрая.

Лодку, лыжи, лет и лед, лапу

Ищет, кто падает, куда? —

В снег, воду, в пропасть, в провал.

Утопленник сел в лодку и стал грести.

Лодка широка, не провалится.

И лени захотелось всем.

И тщетно Ка несло оковы, во время драки

Гэ и Эр,

Гэ пало, срубленное Эр,

И Эр в ногах у Эля!

Пусть мглу времен развеют вещие звуки мирового
языка. Он — точно свет. Слушайте!

П е с н и з в е з д н о г о я з ы к а

«Где рой зеленых Ха для двух

И Эль одежд во время бега,

Го облаков над играми людей,

Вэ толп кругом незримого огня

И Ла труда, и Пэ игры и пенья,

Че юноши — рубашка голубая,

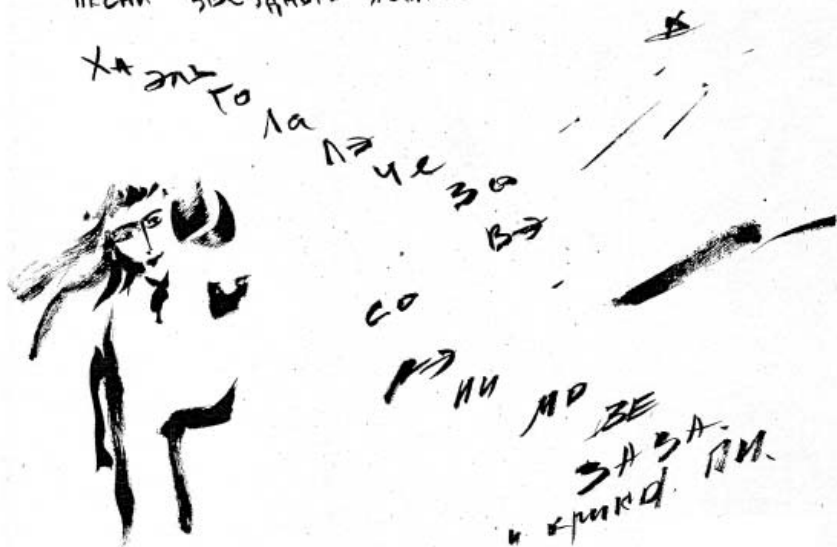
Зо голубой рубашки — зарево и сверк.

Вэ кудрей мимо лиц,

Вэ веток вдоль ствола сосен,

Вэ звезд ночного мира над осью,

ПЕСНИ ЗВЕЗДАНГО ЯЗЫКА

Че девушек — червонные рубахи,
Го девушек — венки лесных цветов.
И Со лучей веселья,
Вэ люда по кольцу,
Эс радостей весенних,
Мо горя, скорби и печали.
И Пи веселых голосов,
И Пэ раскатов смеха,
Вэ веток от дыханья ветра.
Недолги Ка покоя.
Девы! Парни! больше Пэ! Больше Пи!
Всем будет Ка — могила!
Эс смеха, Да веревкою волос,
А рощи — Ха весенних дел,
Дубровы — Ха богов желанья,
А брови — Ха весенних взоров.
И косы — Ха полночных лиц.
И Мо волос на кудри длинные,
И Ла труда во время бега,
И Вэ веселья, Пэ речей,

Па рукавов сорочки белой,
Вэ черных змей косы,
Зи глаз.
Ро золотое кудрей у парней.
Пи смеха! *Пи* подков и бега искры!
Мо прежнего унынья.
Го камня в высоте,
Вэ волн речных, *Вэ* ветра и деревьев,
Созвездье — *Го* ночного мира,
Та тени еечеровой — дева,
И За-за радостей — глаза.
Вэ пламени незримого — толпа,
И пенья *Пэ*,
И пенья *Ро* сквозь тишину,
И криков *Пи*».

Таков звездный язык.

Т о л п а . Это неплохо, Мыслитель! Это будет получше!
З а н г е з и . Это звездные песни, где алгебра слов смешана
с аршинами и часами. Первый набросок! Этот язык объеди-
нит некогда <всех>, может быть, скоро!
1 - й п р о х о ж и й . Он божественно врет. Он врет, как соло-
вей ночью. Смотрите, сверху летят летучки. Прочтем одну.

«*Вэ* значит вращение одной точки около другой (круго-
вое движение).

Эль — остановка падения, или вообще движения,
плоскостью, поперечной падающей точке (лодка, летать).

Эр — точка, пересекающая насквозь поперечную пло-
щадь.

Пэ — беглое удаление одной точки прочь от другой, и
отсюда для многих точек, точечного множества, рост объема
(пламя, пар).

Эм — распыление объема на бесконечно малые части.

Эс — выход точек из одной неподвижной точки (сияние).

Ка — встреча и отсюда остановка многих движущихся точек в одной неподвижной. Отсюда конечное значение *Ка* — покой, закованность.

Ха — преграда плоскости между одной точкой и другой движущейся к ней (хижина, хата).

Че — полый объем, пустота которого заполнена чужим телом. Отсюда кривая, огибающая преграду.

Зэ — отражение луча от зеркала. Угол падения равен углу отражения (зрение).

Гэ — движение точки под прямым углом к основному движению, прочь от него. Отсюда «вышина».

1 - й с л у ш а т е л ь . С своими летучками он делается свирепым, этот Зангези! Что скажешь по этому поводу?

2 - й с л у ш а т е л ь . Он меня проткнул, как рыбешку, острой своей мысли.

З а н г е з и . Слышите ли вы меня? Слышите ли вы мои речи, снимающие с вас оковы слов? Речь — здания из глыб пространства.

Частицы речи — части движения. Сло́ва — нет, есть движения в пространстве и его части — точек, площадей.

Вы вырвались из цепей ваших предков. Молот моего голоса расковал их — бесноватыми вы бились в цепях.

Плоскости, прямые площади, удары точек, божественный круг, угол падения, пучок лучей прочь из точки и в нее — вот тайные глыбы языка. Поскоблите язык — и вы увидите пространство и его шкуру.

Плоскость мысли IX

< Т о л п а . > Тише! Тише. Он говорит!

З а н г е з и . Благовест в ум! Большой набат в разум, в колокол ума! Все оттенки мозга пройдут перед вами на смотру всех родов разума. Вот! Пойте все вместе за мной!

1

Гоум.

Оум.

Уум.

Паум.

Соум меня

И тех, кого не знаю.

Моум.

Боум.

Лаум.

Чеум.

Бом!

Бим!

Бам!

2

Проум.

Праум.

Приум.

Ниум.

Вэум.

Роум.

Заум.

Выум.

Воум.

Помогайте, звонари, я устал.

3

Доум.
Даум.
Миум.
Раум.
Хоум.
Хаум.

Бейте в благовест ума!
Вот колокол и веревка.

Суум.
Изум.
Неум.
Наум.
Двуум.

Треум.
Деум.
— Бом!

4

Зоум.
Коум.
Соум.
Поум.
Глаум.
Раум.
Ноум.
Нуум.
Выум.
— Бом!
Бом! Бом! Бом!

Это большой набат в колокол ума.
Божественные звуки, слетающиеся сверху на призыв
человека!

Выум — это изобретающий ум>. Конечно, нелюба
старого ведет к выуму.

Ноум — враждебный ум, ведущий к другим выводам,
ум, говорящий первому «но».

Гоум — высокий, как эти безделушки неба, звезды,
невидные днем. У падших государей он берет выпавший по-
сох *Го*.

Лаум — широкий, разлитый по наиболее широкой пло-
щади, не знающий берегов себе, как половодье реки. *Лаум*
с вершины сходит в толпы ко всем. Он расскажет полям, что
видно с горы.

Коум — спокойный, сковывающий, дающий устои, кнigi, правила и законы.

Чеум — подымающий чашу к неведомому будущему. Его зори — *чезори*. Его луч — *челуч*. Его пламя — *чепламя*. Его воля — *чеволя*. Его горе — *чегоре*. Его неги — *ченеги*.

Моум — гибельный, крушащий, разрушающий. Он предсказан в пределах веры.

Взум — ум ученичества и верного подданства, набожного духа.

Оум — отвлеченный, озирающий все кругом себя, с высоты одной мысли.

Изум — выпрыг из пределов бытового ума.

Даум — утверждающий.

Ноум — спорящий.

Суум — половинный ум.

Соум — разум-сотрудник.

Нуум — приказывающий.

Хоум — тайный, спрятанный разум.

Быум — желающий разум, сделанный не тем, что есть, а тем, чего хочется.

Ниум — отрицающий.

Проум — предвидение.

Праум — разум далекой старины, ум — предок.

Боум — следующий голосу опыта.

Воум — гвоздь мысли, вогнанный в доску глупости.

Выум — слетевший обруч глупости.

Раум — не знающий границ, преград, лучистый, сияющий ум. Речи его — *раречи*.

Зоум — отраженный ум.

Прекрасен благовест ума.

Прекрасны его чистые звуки.

Но вот *Эм* шагает в область сильного слова «*Мозгу*».

Слушайте, слушайте моговест мощи!

Плоскость X

За н г е з и . Иди, могатырь!

Шагай, могатырь! можарь, можар!

Могун, я могею!

Моглец, я могу! могей, я могею!

Могей, мое Я. Мело! Умело! Могей, могач!

Моганствуйте, очи! Мело! Умело!

Шествуйте, моги!

Шагай, могач! Могей, могач! Могуй, могач!

Могунный, можественный лик!

полный могебнов.

Могровые очи, могатые мысли,

могебные брови!

Лицо могды. Рука могды! Могна!

— Руки, руки!

Могарные, можеские, могунные,

Могесные, мощные! могивые!

Могесничай, лик!

Многомогейные, могистые моги,

Это вы рассыпались, волосы, могиканами,

Могеичи — моговичи, можественным могом,
могенятами.

Среди моженят — могушищ, могеичей можных
Вьется один могушонок,
Можбой можеству могос моготеев могатых,
В толпе моженят и моговичей.

Вода в клюве! Крылья шумят ворона!
Тороплюсь, не опоздать бы!

Лицо, могатырь! Могай, могоан!
Могей, могоун!
Могачь, могай!
Иду можарищем, можарю можарство можелью!
Могач, могай! Могей, могоуй!
Иди, могатырь!
Мог моготы! Можар можавы!
Могесник, мощник!
Можарь, мой ум! Могай, рука! Могоуй, <нога>!
Могоан, могоун и могатырь!
Иди!
Могай, могоан! могей могоун!
Глаза моговы, уста могоды!
Могатство могочей!

Это Эм ворвалось в владения Бэ, чтоб не бояться его, выполняя долг победы. Это войска пехотны Эм, размолотили глыбу объема невозможного, камень-дикарь невозможного на мукэ, на муравьиные ноши, из дерева сделали мох и мураву, из орла муху, из слона мышь и стадо мурашей, и целое стало мукой бесконечно малых частей. Это пришло Эм, молот великого, молю шубы столетий все истребив.

Так мы будим спящих богов речи.

Дерзко трясем за бороду — проснитесь старцы! Я мо-
гогур и благовест Эм! Можар! можаров! К Эм, этой северной
звезде человечества, этому стожару всех стогов веры,—
наши пути. К ней плывет струг столетий. К ней плывет бус
человечества, гордо надув паруса государств.

Так мы пришли из владений ума в замок «Могу».

Тысяча *(глухо)*. Могу,
голосов *(еще раз)*. Могу!
(еще раз). Могу!!
Мы можем!!!

Горы, дальние горы. Могу!!!

Зангези. Слышите, горы расписались в вашей клят-
ве. Слышите этот гордый росчерк гор «Могу» на выданном
вами денежном знаке? Повторенное зоем ущелья —
тысячами голосов? Слышите, боги летят, вспугнутые нашим
вскриком?

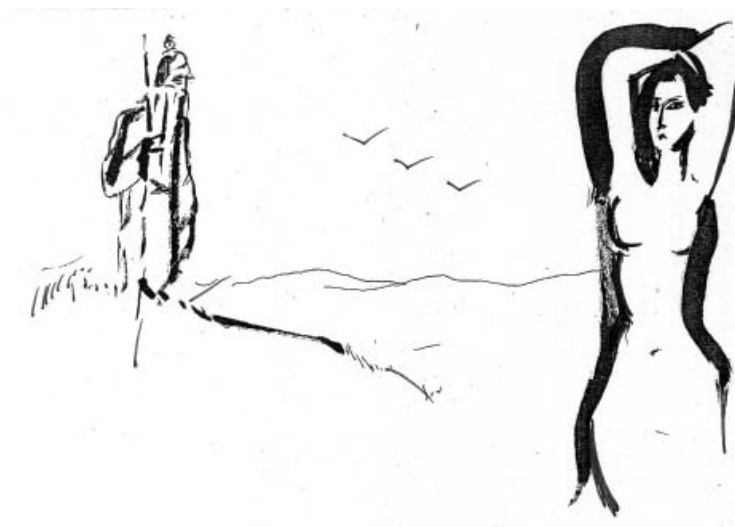
Многие. Боги летят, боги летят!

Плоскость XI

Боги шумят крылами, летя ниже облака.

Боги. Гагагага гэгэгэ!
Гракахата гророро.
Лили эги, ляп, ляп, бэмь.
Либибыби лираро.
Синоано цицирмц.
Хию хмапа, хир зэнь, ченчь
Жури кика син сонэга.
Хахотири эссэсэ.
Юнчи, энчи, ук!
Юнчи, энчи пипока,
Клям! клям! эпс!

Многие. Боги улетели, испуганные мощью наших голосов.
К худу или добру?

Плоскость XII

Зангези. А, шагает Азбука! Страшный час! Бревна *Эм* стали выше облака. Тяжко шагает *Ка*. Снова через труп облака тянутся копыта *Гэ* и *Эр*, и когда они оба падут мертвыми, начнется страшная тяжба *Эль* и *Ка* — их отрицательных двойников.

Эр, наклоняясь в зеркало нет-единицы, — видит *Ка*; *Гэ* увидит в нем *Эль*. Выше муравейника людей, свайная постройка битвы загромоздила небо столбами и плахами, тяжелой свайной войной углов из бревен.

Но ветер развеял все.

Боги улетели, испуганные мощью наших голосов.

А вы видали, как *Эль* и *Ка* стучат мечами? И их бревен свайный кулак *Ка* протянут к суровым свайным латам *Эль*.

А Колчак, Каледин, Корнилов — только паутина, узоры плесени на этом кулаке! Какие борцы схватились и борются за тучами? Свалка *Гэ* и *Эр*, *Эль* и *Ка*! Одни хрипят, три трупа, *Эль* одно. Тише.

Плоскость XIII

З а н г е з и. Они голубой тихославль,
Они голубой окопад.
Они в никогда улетабль,
Их крылья шумят невпопад.
Летуры летят в собеса
Толпою ночей исчезаев.
Потоком крылатой этоты,
Потопом небесной нетоты.
Летели незурные стоны,
Свое позабывшие имя,
Лелеять его нехотяи.
Умчались в пустыни зовели,
В всегдаве небес иногдава,
Нетавя, земного нетавя!
Летоты, летоты инее!
Вечернего воздуха дайны,
Этавель задумчивой тайны,
По синему небу бегуричи,
Нетуричей стая, незуричей,
Потопом летят в инеса,
Летуры летят в собеса!
Летавель могучей виданой,
Этотой безвестной и странной,
Крылом белоснежные махари,
Полета усталого знахари,
Сияны веянами дахари.
Река голубого летога,
Усталые крылья мечтога,
Широкие песни ничтога.
В созвездиях босы,
Там умерло «ты».
У них небесурные косы,

У них небесурные рты!
В потоке востока всегда,
Они улетят в никогда.
Очами земного нетеж,
Закон земного нетуры,
Они в голубое летеж,
Они в голубое летуры.
Окатаны вещью грустью,
Летят к доразумному устью,
Летурные крылья, грезурные рты!
Незурные крылья, нетурные рты!
У них небесурные лица,
Они голубого столица.
По синему небу бегуричи!
Огнестром лелестра небес.
Их дико грезурные очи,
Их дико незурные рты!

Ученики. Зангези! Что-нибудь земное! Довольно неба!
Грянь «камаринскую»! Мыслитель, скажи что-нибудь
веселенькое. Толпа хочет веселого. Что поделаешь — время
послеобеденное.

Плоскость XIV

Зангези. Слушайте!
Верхарня серых гор.
Бегава вод в долину,
И бьюга водопада об утесы
Седыми бивнями волны,
И сивни облаков,
Нетоты туч
Над хивнями травы.
И бихорь седого потока,

A black and white line drawing of a person standing on a small patch of ground, looking up at a large, curved, abstract shape in the sky. The person is wearing a long, flowing robe. The background is white with some faint, curved lines suggesting a landscape or sky.

И черный мамонт полумрака,
чернильницей пролитый
В молоке ущелья,
Поднявший бивень белых вод,
Грозит травы божеству, и топчут сваи лебеду,
Чтобы стонала: «Боже, Боже!»
Грозит и в пропасть упадет.
Пел петер дикой степи,
Лелепр синеет ночей,
Весны хорошава ночная, верхарня травы.
Где ветра ходно, на небе огнепр.
Сюда, мластелины! Младыки, сюда!

Здесь умер волестр, о, ветер сладыки.
И гибельный гнестр,
И хивень божеств.
А я, божествоварь, одинок.

В толпе. Безумью барщина
И тарабарщина,
На каком языке, господин Зангези?

Зангези. Дальше!

А вы, сапогоокие девы,
Шагающие смазными сапогами ночей
По небу моей песни,
Бросьте и сейте деньги ваших глаз
По большим дорогам!
Вырвите жало гадюк Из ваших шипящих кос!
Смотрите щелками ненависти.
Глупостварь, я пою и безумствую!
Я скачу и пляшу на утесе.
Когда пою, мне звезды хлопают в ладоши.
Стою. Стою! Стойте!
Вперед, шары земные!
Так я, великий, заклинаю множественным
числом,
Умножать земного шара: ковыляя толпами
земель.
Земля, кружись комариным роем. Я один,
скрестив руки.
Гробизны певцом.
Я небыть.
Я такович.

Плоскость XV

З а н г е з и . Но вот песни звукописи, где звук то голубой, то синий, то черный, то красный:

Взо-вея — зелень дерева,
Нижеоты — темный ствол,
Мам-мами — это небо,
Пучь и чапи — черный грач.
Мам и эмо — это облако.

Запах вещей числовой.

День в саду.

А вот ваш праздник труда:

Лели-лили — снег черемух,
Заслоняющих винтовку.
Чичечача — шашки блеск.
Бизэнзай — аль знамен.
Зиээгзой — почерк клятвы.
Бобо-биба — аль околыша.
Мипиопи — блеск очей серых войск.
Чучу биза — блеск божбы.
Мивеаа — небеса.
Мипиопи — блеск очей,
Вэава — зелень толп!
Мимомая — синь гусаров,
Зизо зезя — почерк солнц,
Солнцеоких шашек рожь.
Лели-лили — снег черемух,
Сосесао — зданий горы...

С л у ш а ю щ и е . Будет! Будет! Довольно! Соленым огурцом в Зангези! Поджечь его! Ты <можешь> что-нибудь мужественное?

Смотри, даже заяц выбежал слушать тебя, чешет лапой ухо косой. Зангези! Брось заячье зайцам. Мы ведь мужчины! Смотри, сколько здесь собралось!

Зангези! Мы заснули. Красиво, но не греет! Плохие дрова срубил ты для отопки наших печей. Холодно.

Плоскость XVI

ПАДУЧАЯ

< В толпе . > Что с ним? Держи его!

< Больной . > Азь-два... Ноги вдевать в стремяна!

Нож-ки! Азь-два.

Ишь, гад! Стой... Готов... урр...урр.

Белая рожа! Стой, не уйдешь! Не уйдешь!

Стой, курва, тише, тише!

Зарежу — как барана. Стой, гад!

Стой, гад! Ать!

Хырр... хырр...

Урр...

Урр... Господа мать!

Не уйдешь...

Врешь... Стой!

Стой...

Урр... урр...

Хыр... хрра...

Ать! Ать! Ать!

Врешь, курва.

Сволочь!

А! Господа мать!

Не спас головы Для красной свободы...

Первый осетинский конный полк,

Шашки выдер-гать

Вон!

За мной!

Направо руби,

Налево коли!

Стой... урр... урр...

Не уйдешь!

Слушай, браток:

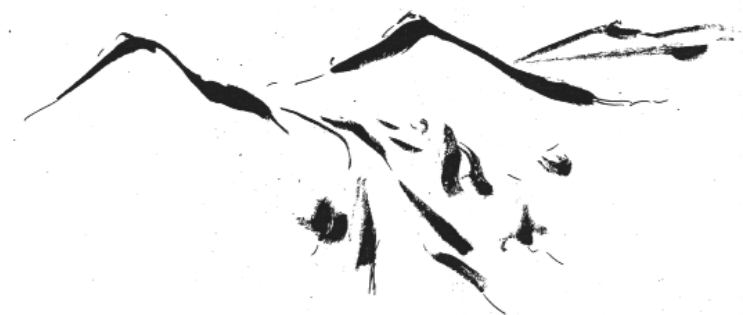

Нож есть?
Зарежу — купец...
Врешь, не удержишь!
А! В плену? — врете!
Ать! А-ть!
Зангези. С ним припадок.
Страшная война посетила его душу.
И перерезала наши часы, точно горло.
Этот припадочный нам напомнил,
Что [война не утонула в блюдечке мысли,
Как неосторожная муха].
Война еще существует.

Плоскость XVII

Трое <Уходя,> Ну, прощай, Зангези!

<Старшой.> Дорога сборищу тесна.
Везде береза и сосна.
О, боги, боги, где вы?
Дайте прикурить.
Я прежних спичек не найду.
Давай закурим на ходу.
Идем.
— Мы где увидимся?
В могиле братской?
Я самогону притащу,
Аракой Бога угощу
И созовем туда марух.
<Ух!>
Курится?
— Петух!
На том свете я принимаю от трех до шести.
Иди смелей, бояться дети,

А мы уж юности — прости!
По-нашенски напьемся, по-простецки,
по-дурацки.

Потом святого влоск напоим,
«Одесса-мама» запоем.
И пусть пляшут а-ца-ца Возле мертвого
донца.

Даешь, Зангези?

Зангези.

Спички судьбы.

Трое.

Есть.

Плоскость XVIII

Зангези. Нет, не бывает у бури кавычек!
Требовал смерти у Рюриковичей
Пылкий, горячий Рылеев.
— В каждом течет короле яд!
И повис, неподвижно шагая,
Смерть для Рылеева цепей милее.
Далее мчится буря нагая.
Дело свободы, все же ты начато!
Пусть тех могилы тихи.
Через два в тринадцатой —
Сорок восьмого года
Толп, красных толп пастухи.

Ветер свободы,
День мировой непогоды!
И если восстали поляки,
Не боясь у судьбы освистанья,
Щеку и рот пусть у судьбы раздирает свисток,
Пусть точно дуло, точно выстрел суровый,
Точно дуло ружья, смотрит угрюмый
Восток На польского праздник восстания.
Через три в пятой, или двести сорок три,
Червонцами брошенных дней
Вдруг загорелся, как смерть в одиночке,
Выстрел в грудь Берга, мертвой
Мятежников точки,
Польши смирителя, Польши наместника,
Звона цепей упорного вестника.
Это звена цепей блеснули:
Через три в пятой — день мести
И выстрела дыма дыбы.
Гарфильд был избран, посадник Америки,
Лед недоверия пробит.
Через три в пятой — звери какие —
Гарфильд убит.
И если Востока орда
Улицы Рима ограбила,
И бросила белый град черным оковам,
Открыла для стаи вороньей обед, —
Через два раза в одиннадцатой три
Выросла снова гора черепов
Битвы в полях Куликова.
Это Москва переписывала набело
Чернилами первых побед
Первого Рима судьбы черновик.
Востока народов умолк пулемет,
Битвой великою кончилась

Обойма народов Востока.
Мельник времен
Из костей Куликова
Плотину построил, холм черепов.
Окрик несется по степи: «Стой!»
Это Москва — часовой.
Волны народов одна за другой
Катились на запад:
Готы и гунны, с ними татары.
Через дважды в одиннадцатой три
Выросла в шлеме сугробов Москва,
Сказала Востоку: «Ни шагу!»
Там, где земля от татар высыхала,
Долго блистал их залив,
Ермак с головою нахала,
Суровую бровь углом заломив,
Ветру поверив широкую бороду,
Плыл по прекрасным рекам Сибири
К Кучума далекому городу.
Самое нежное в мире
Не остановит его.
Победителя жребий
В зеркале вод отражался,
Звезды блистали Искера. —
И полумир переходит к Москве.
Глядели на русских медвежье хари,
Играли в камнях медвежата,
Толпились лось и лосята.
Манят и дразнят меха соболей
Толстых бояр из столицы,
Шли воеводы на поиск землицы,
Плыли по морю, по северным льдам.
Вслед за отходом татарских тревог
Это Русь пошла на восток.

Через два раза в десятой степени три
После взятия Искера,
После суровых очей Ермака,
Отраженных в сибирской реке,
Наступает день битвы Мукдена,
Где много земле отдали удали.
Это всегда так: после трех в степени энной
Наступил отрицательный сдвиг.
Стесселем стал Ермак

Через три в десятой степени дней
И столько же.
Чем Куликово было татарам,
Тем грозный Мукден был для русских.
В очках ученого пророка

Его видал за письменным столом
Владимир Соловьев.
Ежели Стессель любил поросят —
Был он Ермак через три в десятой.
И если Болгария
Разорвала своего господина цепи
И свободною встала после стольких годов,
Решеньем судилища всемирного —
Долина цветов, —
Это потому, что прошло
Три в одиннадцатой
Со дня битвы при Тырнове.
Киев татарами взят,
В храмах верблюды храпят,
Русская взята столица.
Прошло три в десятой,
И в горах Ангоры
Сошлись Тимур с Баязетом.
И пусть в клетке сидит Баязет,
Но монголам положен отпор.
Через степени три —
Смена военной зари.
Древнему чету и нечету
Там покоряется меч и тут.
Есть башня из троек и двоек,
Ходит по ней старец времен,
Где военных знамен
Воздух клевали лоскутья
И кони упорно молчат,
Лишь звучным копытом стучат.
Мертвый? Живой! — все в одной свалке!
Это железные времена палки,
Оси событий из чучела мира торчат,—
Пугала войн проткнувшие прутья,

Точно железные в чучеле прутья.
Проволока мира — число.
Что это? Истины челны?
Иль пустобрех?
Востока и Запада волны
Сменяются степенью трех.
Греки боролись с персами, все в золотых
шишаках,

С утесов бросали их в море.
Марафон.— И разбитый Восток
Хлынул назад, за собою сжигая суда.
Гнались за ними и пересекли степи они.
Через четырежды
Три в одиннадцатой степени,
Царьград, секиры жди!
Храм запыляет окурком,
Все будет отдано туркам,
Князь твой погибнет в огне
На белом прекрасном коне.
В море бросай свою прибыль,
Торговец, турки идут, с ними же гибель.
17-й год. Цари отреклись.
Кобылица свободы!
Дикий скач напролом.
Площадь с сломанным орлом.
Отблеск ножа в ее
Темных глазах,
Не самодержавию
Ее удержать.
Скачет, развеяв копытами пыль,
Гордая скачет пророчица.
Бьется по камням, волочится
Старая мертвая быль.
Скачет, куда и к кому?

Никогда не догоните!
Пыли и то трудно угнаться-то.
Горят в глазах огонь и темь.
Это потому
И затем,
Что прошло два в двенадцатой
Степени дней
Со дня алой Пресни.
Здесь два было времени богом.
И паденье царей с уздечкой в руке,
И охота за ними «улю-лю» вдалеке
Выла в даль увлекательным рогом.
Пушечной речью
Потрясено Замоскворечье,
Мина снарядам кудрями чугунными
Кланялся низко
Нижегородец Минин.
Справлялись Мина именины,
А рядом
Самых красивых в Москве Богородиц
В глубинах часовен
Хохот глушил гор Воробьевых.
Это Пушкин, как волосы длинные,
Эн отрубил
И победителю песен их бросил.
Мин победил.
Он сам прочел Онегина железа и свинца
К Зангези Зангези.
В глухое ухо толп.
Он сам взойдет на памятник.
Через три в пятой дней
Сделался снег ал.
И не узнавали Мина глаза никого,
Народ забегал,

Мина убила рука Коноплянниковой.
Через три в пятой (двести сорок три дня)
Точно, что всего обидней,
Приходит возмездие.
Было проделано чудо жестокости,
Въелось железо человечеству дó кости,
Пушки отдыхали лишь по воскресеньям,
Ружья воткнуть казалось спасеньем.
Приказ грозе и тишине,
Германский меч был в вышине.
И когда мир приехал у какого-то договора
на горбах,
Через три в пятой Был убит эсером Мирбах.
Если в пальцах запрятался нож,
А зрочки открывала настежью месть,
Это время завывало: «Даешь!» —
А судьба отвечала послушная: «Есть».

Плоскость XIX

К Зангези подводят коня. Он садится.

Зангези. Иверни выверни,
Умный игрень!
Кучери тучери,
Мучери noci,
Точери тучери,
Вечери очери,
Четками чуткими
Пали зари.
Иверни выверни,
Умный игрень!
Это на око Ночная гроза,
Это наука Легла на глаза!

В дол свободы Без погонь!
Ходы, ходы!
Добрый конь.

Он едет в город.

З а н г е з и . Я, волосатый реками!
Смотрите, Дунай течет У меня по плечам!
И, вихорь своевольный,
Порогами синеет Днепр.
Это Волга блеснула
Синими водами,
А этот волос длинный,
Беру его пальцами, —
Амур, где японка
Молится небу
Во время бури.

Хороший плотник часов,
Я разобрал часы человечества,
Стрелку верно поставил,
Лист чисел приделал,
Вновь перечел все времена,
Гайку внедрил долотом,
Ход стрелки судьбы железного неба
Стеклом заслонил:
Тикают тихо, как раньше.
К руке ремешком прикрепил
Часы человечества.
Песни зубцов и колес
Железным поют языком.
Гордый, еду, починкой мозгов.

Глыбы ума, понятий клади,
И весь умерших дум обоз,

Как боги лба и звери сзади,
Полей божественных навоз,
Кладите, как колосья, в веселые стога,
И дайте им походку и радость, и бега.
Вот эти кажутся челом мыслителя,
Священной песни книгой те.
Рабочие, завода думы жители!
Работайте, носите, двигайте!
Давайте им простор, военной силы бег,
И ярость, и движение,
Пошлите на ночлег
И беды, и сражение,
И кудри молодца
Бегут пусть от отца.
Поставьте в поезда, ночные пароходы,
Где зелень темных звезд,
Чтобы через кадык небес вести
Людей небесные пути.
И чтоб вся мощь и свежесть рек
Влекла их на простор, охотничий ночлег.
Чтоб неподвижной глыбой снов
Лежал бы на девичьем сене
Порядок мерных слов,
Усталый и весенний.

Вперед, шары земные!
Если кто сетку из чисел
Набросил на мир,
Разве он ум наш возвысил?
Нет, стал наш ум еще более сир!
Раньше улитки и слизни —
Нынче орлиные жизни.
Более радуг в цвета!
Та — та!

Будет земля занята
Сетью крылатых дорог.
Та — та!
Ежели скажут: ты Бог, —
Гневно ответь: клевета,
Мне он лишь только до ног!
Плечам равна ли пята?

Та — та!
Лета лета!
Люди — растаявший лед.
Дальше и дальше полет.
В великих погонях
Бешеных скачек
На наших ладонях
Земного шара мячик.

В волнах песчаных
<Качались — мёрзя синёй прически>
Сосен занозы.
Почерком сосен
Была написана книга песка,
Книга морского певца.
Песчаные волны, где сосны стоят, —
— Свист чьих-то губ,
Дышащих около.
Шумит, грызя молчание,
Как брошенную кость,
Дневное море.
Зверь моря синемехий и синебурый,
Бьется в берег шкурой.
Подушка — камень,
Терновник — полог,
Прибои моря — простыня,
А звезд ряды — ночное одеяло

Отшельнику себя,
Морских особняков жильцу,
Простому ветру.
Мной недовольное ты!
Я, недовольный тобой!
Льешь на пространстве версты
Пену корзины рябой.
Свай и сваи, и сваи!
На свайных
Постройках лежит
Угроза, созревшая в тайнах
Колосьями сумрачных жит!
Трудно по волнам песчаным тащиться!
Кто это моря цветов продавщица?
На берег выдь, сядь рядом со мной!
Я ведь такой же простой и земной!

Я, человечество, мне научу
Ближние солнца Честь отдавать:
«Ась! два!» —
Рявкая солнцам сурово!
Я воин; время — винтарь.
Мои обмотки:
Рим пылающий, обугленный, дымный —
Головешка из храмов,
Стянутый уравнениями туго
Весь поперек, —
Одна моя обмотка.
И Царьград, где погибает
Воин в огне, —
Другая, тоже хорошая.
Я ведь умею шагать
Взад и вперед
По столетьям.
Онучи туги.
Ну, дорогу други!

Слышу я просьбу великих столиц:
Боги великие звука,
Пластину волнуя земли,
Собрали пыль человечества,
Пыль рода людей,
Покорную каждым устам,
В большие столицы,
В озера стоячей волны,
Курганы из тысячных толп.
Мы дышим ветром на вас,
Свищем и дышим.
Сугробы народов метем,
Волнуем, волны наводим и рябь,
И мерную зыбь на глади столетий.

Войны даем вам
И гибель царств.
Мы, дикие звуки,
Мы, дикие кони.
Приручите нас:
Мы понесем вас В другие миры,
Верные дикому
Всаднику
Звука.

Лавой беги, человечество, звуков табун оседлав.
Конницу звука взнуздай!

<Плоскость ХХ>

ГОРЕ И СМЕХ

Зангези уходит прочь.
Горы пусты.
На площадке козлиными прыжками появляется
Смех, ведя за руку Горе.

Он без шляпы, толстый, с одной серьгой в ухе, в белой рубашке. Одна половина его черных штанов синяя, другая золотая. У него мясистые веселые глаза.

Горе одет во все белое, лишь черная с низкими широкими полями шляпа.

Го р е. Ягоре. Любую доску я
Пойму, как царевну печаль!
И так проживу я, тоскуя,
— О, ветер, мне косы мочаль!
Я когтями впила в тело,
Руками сдавила виски.
А ласточка ласково пела
О странах, где нету тоски.
И, точно в долину, в меня

Собралась печаль мировая,
И я прославляю, кляня,
Кто хлеба лишен каравая.
Зачем же вы, очи умерших,
Крылами плескали нужды?
Я рыбою бьюся в их вершах,
Русалка нездешней воды!

С м е х . В горах разума пустяк,
Скачет легко, точно серна.
Я веселый могучий толстяк,
И в этом мое «Верую».
Чугунной скачкою моржа
Я прохожу мои пути.
Железной радугой ножа
Мой смех умеет расцвести.
Рукою мощной подбоченясь,
Трясу подковами полы, —
Трясу единственной серьгой.
Дровами хохота поленниц
Топлю мой разум голубой.
Ударом в хохот указую;
За занавеской скрылся кто-то;
И обувь разума разую,
И укажу на пальцы пота.
Ты водосточною трубой
Сосешь дожди ночных небес,
А я безумец и другой,
Я — жирными глазами бес.
Куришь пожарами кумирен,
Гори молельнями печали!
Затылок мой, от смеха жирен,
Твои же руки обнимали,
Твои же губы целовали.

И, точно крыши твердой скат,
Я в непогоде каждой сух.
А ты — как та, которой кат
Клещами вынимает дух.
На колесе привязана святою,
Застенок выломал суставы,
Ты, точно строчка запятою,
Вдруг отгородилась от забавы.
А я тяну улыбки нитки,
Где я и ты,
Тебе, на паутине пытки,
Мои даю цветы.
И мы — как две ошибки
В лугах ночной улыбки.
Я смех, я громоотвод
От мирового гнева.
Ты водоем для звездных вод,
Ты мировой печали дева.
Всегда судьбой меня смешишь:
Чем более грустна ты,
Тем ярче в небе шиш —
Им судьбы тароваты.
Твоя душа густой ковер,
Где ходят ноги звезд.
А я вчера на небе спер
Словарь недорогих острот.
Колени мирового горя
Руками обнимая, плачешь,
А я с ним подерусь, поспорю
И ловко одурачу.
У каждого своя цель
И даже у паяца.
Но многие боятся
Твоих нездешних глаз.

И ежели золу ем,
Она невкусная, пойми!
Ты все же тихим поцелуем
Мне поручи несешь любви.
И вечно ты ко мне влекома,
И я лечу в твою страну.
И, как пшеничная солома,
Ты клонишь нежную вину.
Я жирным хохотом трясуся
И над собой и над судьбой,
Когда порой бываешь «дуся»,
Моей послушною рабой.

Старик. Потомков новые рубли,
Для глаза божьего сквозны,
Кладу в ночные кошельки
Гробами звякнувшей казны.
Два холма во времени
Дальше, чем глаза от темени,
Я ученическим гробам
Скажу не так, скажу не там.
Хранитель точности, божбам
Веду торговые счета.
Любимцы нег, друзья беды,
Преступники и кто горды,
Мазурики и кто пророки —
В одном потоке чехарды —
Игра числа и чисел сроки.
Вот ножницы со мной,
Зловеще лязгая, стригу
Дыханье мертвой беленой
И смеха дикое гу-гу.
Я роздал людям пай на гроб,
Их увенчал венками зависти.
И тот, в поту чей мертвый лоб,

Не смог с меня глаза вести.
Носитесь же вместе, Горе и Смех,
Носитесь, как шустрые мыши.
Надену свой череп и белый доспех
И нежитью выгляну с крыши.
И кости безумного треска
Звенят у меня на руке.
Ах, если бы вновь занавеска
Открылась бы вновь вдалеке.
И глаз опрокинутых Китежи
Пусть горе закроет ресницей,
Бегите же, дети, бегите же! —
Что в жизни бывает, не снится.

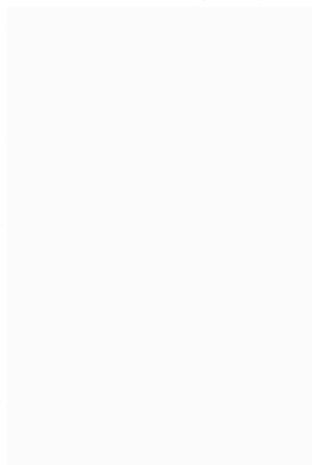
С м е х .	Я смех, я громоотвод, Где гром ругается огнем. Ты, Горе, для потока вод Старинный водоем. И к пристани гроза Летит надменною путиной. Я истины глаза У горя видывал из тины. Я слова бурного разбойник, Мои слова — кистень на Волге! Твоей печали рукомойник Мне на руки льет струи долги.
Горе.	Сумрак — умная печаль! Сотня душ во мне теснится, Я нездешняя, вам жаль, Невод слез — мои ресницы. Пляшу Кшесинскою пред гробом И в замке дум сию Потоцкой Перед молчанием Гирея. А в детстве я любила клецки, Веселых снегирей.

Они глазам прохожих милы,
Они малиновой весною зоба,
Как темно-красные цветы,
На зимнем выросли кусту.
Но все пустынно, и не ты
Сорвешь цветы с своей могилы,
Развеешь жизни пустоту.
Мне только чудится оскал
Гнилых зубов внизу личины,
Где червь тоскующий искал
Обед из мертвечины.
Как синей бабочки крыло
На камне,
Слезой черной обвело
Глаза мне.

С м е х . Что же, мы соединим
Наши воли, наши речи!
Смех никем не извиним,
Улетающий далече!
Час усталый, час ленивый!
Ты кресало, я огниво!
Древний смех несу на рынок.
Ты, веселая толпа,
Ты увидишь поединок
Лезвия о черепа.
Прочь одежды! прочь рубахи!
По дороге черепов поползете, черепахи!
Скинь рубашку с полуплеч,
И в руке железный волос
Будет мне грозить, как меч,
Как кургана древний голос.
Точно волны чернозема,
Пусть рассыпется коса.
Гнется, в грудь мою ведома,

Меди тонкой полоса.
И простор твоих рубаш,
Не стесняемый прибоем,
Пусть устанет о рабах
Причитать печальным воем.
Дерзкой волею противника
Я твой меч из ножен выбью.
Звон о звон, как крик крапивника,
Чешую проколет рыбью.
Час и череп, чет и нечет!
Это молнии железные
Вдруг согнулись и перечат —
— Узок узкий путь над бездною!
На снегах твоей сорочки
Алым вырастут шиповники.
Это я поставил точки
Своей жизни, мы виновники!
Начинай же, начинай!
И в зачет и невзначай!
Точно легкий месяц Ай!
Выбирай удачи пай!
Пусть одеты кулаки
Рукоятью в шишаки,
Темной проволочной сеткой,
От укуса точно пчел,
Отбивают выпад меткий —
Их числа никто не счел.
И, удары за ударом,
Искры сыпятся пожаром,
Искры сыпятся костром.
Время катится недаром,
Ах, какой полом!

*С м е х падает мертвый, зажимая рукоятью красную
пену на боку.*

<Плоскость XXI>

ВЕСЕЛОЕ МЕСТО

Двое читают газету.

Первый. Как? Зангези умер!

Мало того, зарезался бритвой.

Какая грустная новость.

Какая печальная весть!

Оставил краткую записку:

«Бритва, на мое горло!»

Широкая железная осока

Перерезала воды его жизни, его уже нет...

Поводом было уничтожение

Рукописей злостными

Негодяями с большим подбородком

И шлепающей и чавкающей парой губ.

Зангези Зангези жив.

(входя). Это была неумная шутка.

Продолжение следует.

1920-1922

МИРСКОНЦА

МИРСКО́НЦА

I

П о л я. Подумай только, меня, человека уже лет 70, положить, связать и спеленать, посыпать молью! Да кукла я, что ли?

О л я. Бог с тобой! Какая кукла!

П о л я. Лошади в черных простынях, глаза грустные, уши убогие. Телега медленно движется, вся белая, а я в ней, точно овощ, лежи и молчи, вытянув ноги, да подсматривай за знакомыми. И считай число зевков у родных, а на подушке незабудки из глины, шныряют прохожие. Естественно, я вскочил — бог с ними со всеми! — сел прямо на извозчика и полетел сюда без шляпы и без шубы, а они: лови! лови!

О л я. Так и уехал? Нет, ты посмотри, какой ты молодец! Орел, право орел!

П о л я. Нет, ты меня успокой да спрячь вот сюда в шкаф. Вот эти платья, мы их вынем, зачем им здесь висеть? Вот его я надел, когда был произведен — гм! гм! дай ему царствие небесное — при Егор Егоровиче в статские советники, то надел его и в нем представлялся начальству, вот и от звезды помятое на сукне место, хорошее суконце, таких теперь не найдешь, а это от гражданской шашки место осталось... такой славный человек тогда еще на Морской портной был, славный портной. Ах, мошь! Вот завелась, лови ее! *(Ловят, подпрыгивая и хлопая руками)*. Ах, озорная! *(Оба ловят ее)*. Всё, бывало, говорил: «Я вам здесь кошелек пришью из самого крепкого холста, никогда не разорвется, а вы мой наполните, дай бог ему разорваться». Мошь! А это венчальный убор, помнишь, голубушка, Воздвижение? Так мы всё это махоркой посыплем и этой дрянью, что пахнет и плакать хочется от нее, и в сундук положим, запрем, знаешь, покрепче и замок такой повесим, хороший, большой замок, а сюда, знаешь, подушек побольше дай периновых, — устал я, знаешь, сильно, — чтобы соснуть можно было, что-то на сердце тревожно, знаешь, такие кошки приходят и когти опускают на сердце, сама видишь, всё неприятности: коляска, цветы, родные, певчие — знаешь, как это тяжело. *(Хнычет)*. Так если придут, скажи: не заходил и ворон костей не заносил, и что не мог даже никак прийти, потому что врач уже сказал, что умер, и бумажку эту, знаешь, сунь им в самое лицо и скажи, что на кладбище даже увезли, проклятые, и что ты ни при чем и сама рада, что увезли ... бумага здесь главное, они, знаешь, того, перед бумагой и спасуют, а я, того, *(улыбается)* сосну.

О л я. Родной мой, заплаканы глазки твои, обидели тебя, дай я слезки твои эти платочком утру. *(Подымается на цыпочки и утирает ему слезы)*. Успокойся, батюшка, успокойся, стоит из-за них, проклятых, беспокоиться, улыбнись же, улыбнись! На, рябиновку налью, вот выпей, она помогает,

вот мятные лепешки, и свечку возьми в черном подсвечнике, он тяжелее.

Звонок.

П о л я. А это от моли насыпь в сундук. *(Прыгает с подсвечником в руке. Она с победоносным видом запирает на ключ, оглядывает и, подбоченясь, выходит в переднюю).*

Г о л о с в п е р е д н е й. Доброе утро! М-м э-э... Па... Нико... э-э?

О л я. Царство ему небесное! Вот... хмык, хмык *(плачет)*... увезли, спрятали. Увезли, а он, сердечный, — живёхонек!

Г о л о с в п е р е д н е й. То есть? Э-э — тронулась старуха, совсем

О л я. Умер, батюшка, умер, с полчаса только, ну что мне, старой, божиться — ногами в гробу, а он умер, честное слово... а вы, может быть, куда-нибудь торопитесь, спешите... А? а то посидите, отдохните, если устали... уж уйду свечу поставить, знаете, обычай... вы отдохните, посидите в гостиной, покурите, а ключа не дам ни за какие смерти, режьте, губите, волоките на конских хвостах белое тело мое, только не дам ключа, вот и весь сказ. Посидите в гостиной, не бойтесь.

О н. Того...

О л я. Да вы не спешите, куда же вы торопитесь? Ушел таки... А странный, говорит, случай. (*Стучит ключом в шкаф*). Ушел, соглядатай проклятый, уж я и так и так...

П о л я. Что? Ушел?

О л я. Ушел, родной.

П о л я. Ну и слава богу! И хвала ему за то, что ушел. А я сижу здесь да думаю, что и как оно обернется, а оно всё к лучшему.

О л я. Уж я ему: да вы куда-нибудь торопитесь, может быть, спешите... А ему всё невдомек, прости господи. Да ты выдь, батюшка. Опять звонок! И отпирать не буду, прямо скажу — больна, да при смерти! Кто там? (*Неясный ответ*). Больна, сударь мой, больна.

Г о л о с н е и з в е с т н о г о. Я врач.

О л я. А у меня, сударь, такая болезнь, что увижу врача — или метла в руку прыгает или кочерга, а то воды кувшин или еще что хуже.

Г о л о с а з а д в е р ь ю. — Что? — по-видимому! Как быть?

— А бог с ней! нам-то что?

— Пусть себе ездит на помеле.

О л я. Ушли, удалой мой, ушли.

П о л я. Что-то глуховат...

О л я. Я им метлой, как тут не уйти. (*Отпирает ключом дверь. Накрывает на стол*). Уедем в деревню... не хорошо: певчие, чужие люди, лошади в шляпах.

Старая усадьба. Столетние ели, березы, пруд. Индюшки, куры.

Они идут вдвоем.

П о л я. Как хорошо, что мы уехали! до чего дожили — в своем доме пришлось прятаться... послушай, ты не красишь своих волос?

О л я. Зачем... а ты?

П о л я. Совсем нет, а помнится мне, они были седыми, а теперь точно стали черными.

О л я. Вот слово в слово. Ведь ты стал черноусым, тебе точно лет 40 сбросили, а щеки как в сказках — молоко и кровь. А глаза, глаза чисто огонь, право! Ты писаный красавец, как говорили деды в песнях старых. Что за притча такая?

П о л я. Ты видишь, кстати, наш сосед приехал к нам и об естественном беседует подборе с Нинушей. Смотри да замечай, не быть бы худу.

О л я. Да-да, и я заметила. А Петя бьет баклуши, пора учиться отдавать.

П о л я. К товарищам, пускай собьют толчками и щипками пух нежный детства. Не дай бог, чтоб вырос маменькин сынок.

О л я. Ну, уж пожалуйста! Помнишь ты бегство без шляпы, извозчика, друзей, родных?.. тогда он вырос и конский колыхался хвост над медной каской и хмурые глаза смотрели на воина лице угрюмом, блестя огнем печально-дорогим, а теперь пух черный на губе, едва-едва он выступает, как соль сквозь глину, — опасная пора, чуть-чуть не доглядишь и кончено.

Подходит П е т я с ружьем и вороном в руке.

П е т я. Я ворона убил.

О л я. Зачем, зачем, кому же надо?

П е т я. Он каркал надо мной.

О л я. Обедать будешь ты один сегодня. Запомни, что, ворона убив, в себе самом убил ты что-то.

П е т я. Я сыт, я сливки пил у Маши.

О л я. У Маши? Завтра ты уедешь!

П о л я. Да, сударь, рано, очень рано!

П е т я. И хлеба черный кус она мне принесла.

П о л я. Пора служить!

П е т я. Кому, чему? себе согласен, а также милым мне.

Поля. Приятно слышать! А, происхождение видов! Добро пожаловать к нам в гости! Нинуша, Иван Семенович здесь! Не правда ли, что у обезьян в какой-то кости есть изъяз? Мы не учены, но любит старость начитанных умы.

О л я. Ушли куда-то...

Поля. Как будто бы в беседку.

<О л я.> Опасная соседка!

П о л я. Беседка... м-м... пора, пора.

Появляется сияющая Н и н у ш а.

Нинуша. Он, он!

Отвечая на молчаливый вопрос, говорит: «Да, да!»

Н и н а. ...Он начал про Дарвина, а кончил так невинно: «На небе солнце есть...», а после: «Я имею честь...», и сделался совсем иной и руку поцеловал слюной.

П о л я. Я очень рад, я очень рад, будь весела, здорова, умна, прекрасна и сурова.

Н и н а. Об этом знала я тогда, когда сидели мы в саду на той скамье, где наши имена в зеленой краске вырезаны им, и наблюдали сообща падучих звезд прекрасный рой, и козодой журчал вдали и смолкли шепоты земли.

П о л я. Давно ли мы, теперь они, а там и вы — так всё сменяется на свете.

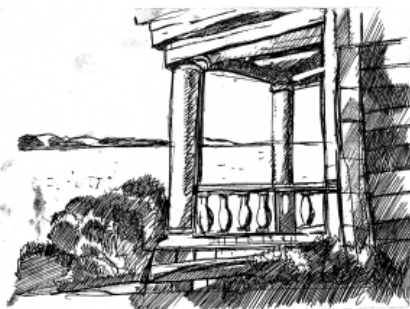
Н и н а. Но видишь, он стоит под деревом, и я скажу ему: согласна. Согласен? *(Хватает за руку)*.

П о л я. М-м-м.

III

Лодка, река. Он вольноопределяющийся.

П о л я. Мы только нежные друзья и робкие искатели соседств себе, и жемчуга ловцы мы в море взора, мы нежные, и лодка плывет, бросив тень на течение, мы, наклоняясь над краем, лица увидим свои в веселых речных облаках, пойманных неводом вод, упавших с далеких небес, и шепчет нам полдень: о дети... Мы, мы свежесть полночи.

IV

С связкой книг проходит О л я и навстречу идет П о л я, он подымается на лестницу и произносит молитву.

О л я. Греческий?

П о л я. Грек.

О л я. А у нас русский.

Встречаются через несколько часов.

О л я. Сколько?

П о л я. Кол, но я, как Муций Сцевола, переплыл море двоек и, как Манлий, обрек себя в жертву колам, направив их в свою грудь.

О л я. Прощай.

V

П о л я и О л я с воздушными шарами в руке, молчаливые и важные, проезжают в детских колясках.

1913

Научное издание

Велимир Хлебников и Калмыкия

Сборник научных статей

Подписано в печать 12.12.2013.
Формат 60х84/16. Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 17,5. Тираж 500 экз.

Компьютерная верстка *Татнинов Д. В.*

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

358000, Республика Калмыкия,
г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8.

Отпечатано в типографии ИП Пермяков С. А.
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.